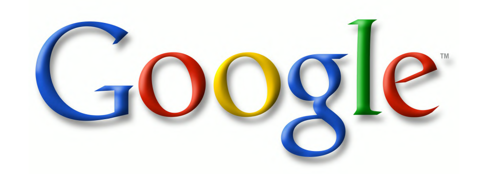
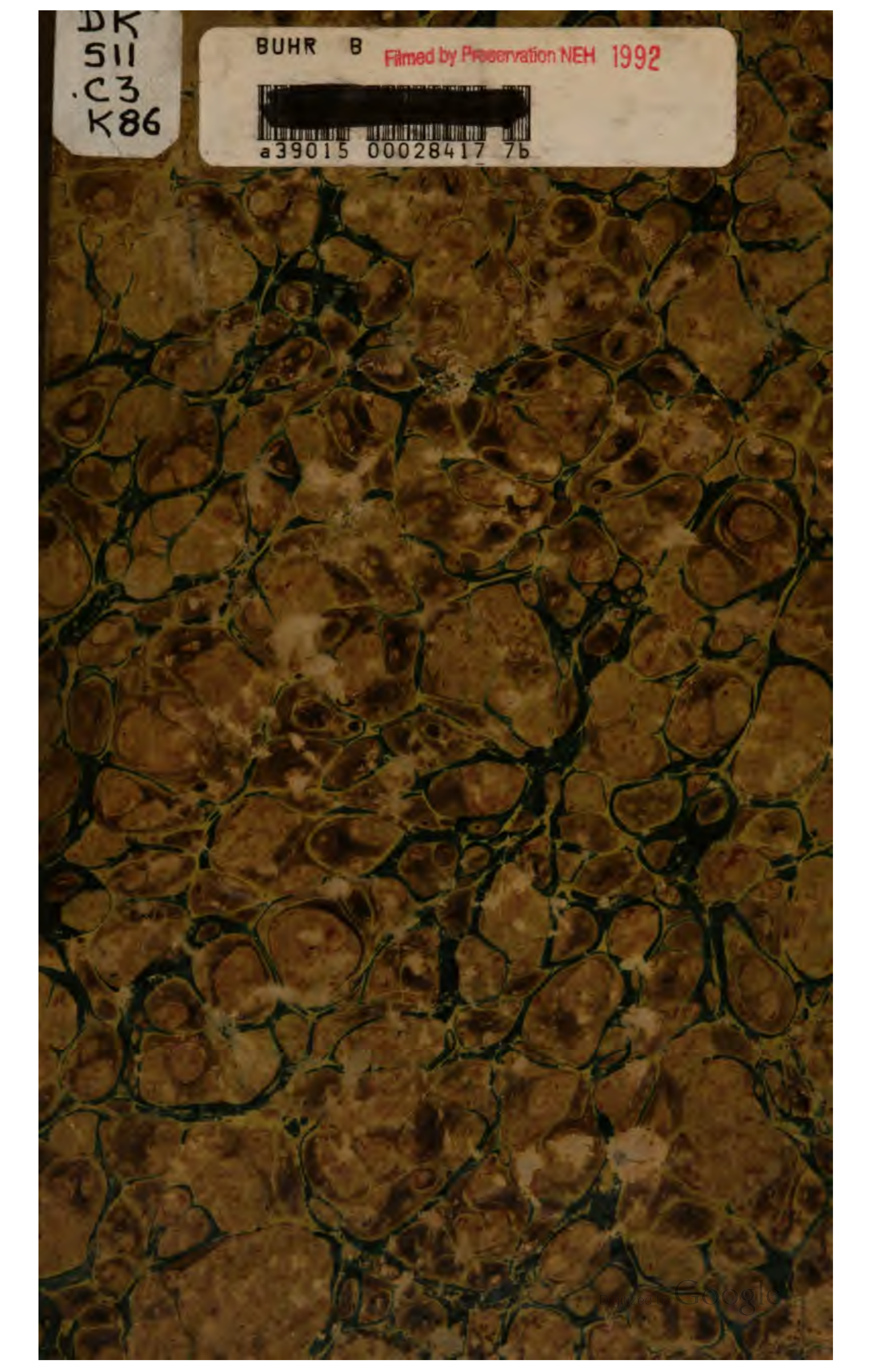
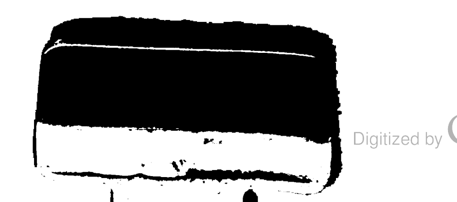

Google

DK
511
.C3
K86
BUHR B
Filmed by Preservation NEH 1992
[redacted]
a39015 00028417 7b
Digitized by Google

PROPERTY OF
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITA

ЗАПИСКИ

ОБЪ АВАРСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ НА КАВКАЗѢ

1837 года

№ 14.

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

ЗАПИСКИ

ОБЪ АВАРСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ НА КАВКАЗѢ

1837 года

№ 14.

ЗАПИСКИ

ОБЪ АВАРСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ

НА КАВКАЗѢ

1837 ГОДА

СОЧИНЕНІЕ

ЯКОВА КОСТЕНЕЦКАГО

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1851

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, декабря 20-го дня 1850 года.

Цензоръ *А. Крыловъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стран.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ЗАПИСКИ

ОБЪ АВАРСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ НА КАВКАЗѢ

1837 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Да простятъ мнѣ мои читатели, если я, предполагая въ нихъ самыя малыя свѣдѣнія о Кавказѣ, начну мои записки съ географическаго описанія той страны, на которую я намѣренъ обратить ихъ вниманіе.

Сценой военныхъ дѣйствій экспедиція 1837 года, получившей названіе *Аварской Экспедиціи*, былъ Дагестанъ. Надобно имѣть предъ глазами спеціяльную карту Кавказа, чтобы составить себѣ понятіе о Дагестанѣ; но и на картѣ вы не найдете яркой красочной полоски, которая бы рѣзко оттѣняла его отъ другихъ земель. Это монгольское названіе, значащее въ переводѣ *гористая страна*, безъ сомнѣнія, дано было татарами, пришедшими на западный берегъ Каспійскаго моря, неопредѣленно землѣ, предъ глазами ихъ лежащей и

уставленной безчисленными горами; мы же распространили это название почти на всю восточную, при-каспійскую часть Кавказа.

Не имѣя возможности приложить здѣсь карту экспедиціи, я долженъ обратиться къ описанію географическаго положеніи страны; и поэтому, чтобы представить себѣ Дагестанъ, я попрошу читателя вообразить обширный треугольникъ земли, котораго основаніемъ будетъ Каспійское море. Одну, сѣверную и почти перпендикулярную къ основанію, сторону составляетъ рѣка Сулакъ, а другую, самую неопредѣленную и разнообразно искривленную — вершины горнаго хребта, который, протягиваясь отъ Сулака къ морю, утопаетъ въ немъ южнѣе города Кубы. Площадь этого треугольника русское правительство на Кавказѣ называло сначала собственно Дагестаномъ и раздѣляло его на южный, отъ Кубы до Дербента, и сѣверный, отъ Дербента до рѣки Сулака. Очень недавно еще появилось названіе *Нагорный Дагестанъ* или *Лезгистанъ*, которое дали странѣ, лежащей отъ моря по ту сторону хребта и населенной лезгинами. Хребетъ этотъ есть отрасль, или, правильнѣе сказать, уступъ главнаго Кавказскаго хребта, который, какъ видно на каждой картѣ, направляясь отъ Чернаго моря къ востоку, поворачиваетъ потомъ къ юго-востоку и идетъ такимъ образомъ подъ острымъ угломъ къ Каспійскому морю. Этотъ хребетъ не имѣетъ здѣсь никакого общаго названія, и потому для ясности я буду называть его Дагестанскимъ хребтомъ. Онъ скатывается къ морю нѣсколькими вѣтвями, которыя, то углубляясь, то возвышаясь, то сходясь между собою, образуютъ самую прекраснѣйшую на всемъ Кавказѣ страну.

Нагорный Дагестанъ, который по преимуществу составляетъ сцену описываемой экспедиціи, занимая, какъ я уже сказалъ, страну по ту сторону Дагестанскаго хребта, заключаетъ въ себѣ между другими частичками земель Аварію—страну, играющую первую роль въ этой экспедиціи. Теперь, читатели, я увѣренъ, что вы уже имѣете нѣкоторое понятіе о географическомъ положеніи Аваріи; вы уже воображаете ее за Дагестанскимъ хребтомъ,— и вы отгадали; только я прибавлю, что не за хребтомъ, а на самомъ хребтѣ, потому что хребетъ этотъ не какой нибудь валъ, а огромная, возвышенная масса земли, толщиною, можетъ быть, въ нѣсколько десятковъ верстъ. Но чтобы вы не глядя на карту еще яснѣе узнали, какую именно часть хребта занимаетъ Аварія, то слѣдуйте только мыслію за мной, а если угодно, возьмите хоть и карандашъ. На Кавказскомъ хребтѣ, на самомъ его изломѣ, гдѣ онъ склоняется къ юго-востоку, есть одна высокая гора, изъ боковъ которой вытекаютъ, почти параллельно, два бурные потока, двѣ рѣки, называемыя нами и татарами Аварскимъ

и Андійскимъ Койсу (1), которыя потомъ, сливаясь вмѣстѣ и общими исполинскими силами прорѣзывая Дагестанскій хребетъ, составляютъ уже извѣстную намъ рѣку Сулакъ. Въ этомъ-то пространствѣ между двумя Койсу возвышается Аварія, занимавшая прежде большую часть поверхности и боковъ этой возвышенности, а теперь уступившая часть своего мѣста другимъ названіямъ. Вотъ вамъ, читатели, теперь, какъ мнѣ кажется, довольно ясное описаніе тѣхъ странъ, о положеніи которыхъ вы непремѣнно должны имѣть понятіе, если хотите читать мои, или даже чьи либо записки о нашихъ кавказскихъ экспедиціяхъ, которыхъ большая часть производилась на этомъ до сихъ поръ еще малоизвѣстномъ пространствѣ.

Дагестанъ населяютъ два главныя племени: татары и лезгины или, какъ они себя называютъ, таулинцы (2). Не входя въ археологическія изслѣдованія объ этихъ народахъ, буду говорить только объ ихъ настоящемъ состояніи. Татары занимаютъ прибрежную часть Дагестана, лезгины — гористую. Лезгины, старѣйшіе обитатели Дагестана, въ древности, вѣроятно, жили и на прибрежьи, но потомъ татарами были оттѣснены въ горы, за которыми они хотя частію и укрылись отъ порабощенія побѣдителей, но эти храбрые и болѣе многочисленные пришельцы проникали въ самыя неприступныя ихъ убѣжища и оставили тамъ еще доселѣ неизглаженные слѣды своего владычества.

Татары управляются ханами, изъ которыхъ въ сѣверномъ Дагестанѣ значительнѣйшіе шамхалъ тарковскій и ханъ мехтулинскій. Лезгины не имѣютъ ни хановъ, ни князей, а живутъ патріархальными обществами, управляемыми старѣйшинами, которыхъ власть, самая впрочемъ ограниченная, только и обнаруживается нѣсколько во время общихъ внѣшнихъ предпріятій; во внутреннемъ же управленіи они почти не имѣютъ никакого права. Гражданскія дѣла, то есть споры о собственности, у нихъ рѣшаются кадіями, или судьями, избираемыми каждымъ обществомъ; а уголовныя, то есть обиды личныя, рѣшаются у нихъ каждымъ *собственноручно* на основаніи эдета (3) кровомщенія (канлы). Важнѣйшія изъ лезгинскихъ обществъ: койсубулинское, акушинское, андалайское, судахаринское, андійское,

(1) Койсу по-татарски значитъ баранья вода; Сулакъ — сладкая или молочная вода. Татары называютъ всѣ четыре рѣки Лезгистана Койсу, придавая для различія названія Аварскій, Андійскій Койсу и прочее, которыя, однакожь, у лезгинъ имѣютъ особое названіе.

(2) Таулу — значитъ горецъ.

(3) Эдетъ — обычай.

гумбетовское, салатавское и множество других. Эти общества представляютъ собою едва ли не первую еще степень политическаго устройства народовъ. Но между этими обществами, какъ памятникъ татарскаго въ горахъ владычества, является *ханство* Аварское. Я говорю: «какъ памятникъ татарскаго владычества», по нѣкоторымъ моимъ свѣдѣніямъ; но, можетъ быть, это есть памятникъ и какого нибудь другого событія. Это явленіе чрезвычайно достопримѣчательно для историка и стоитъ того, чтобы кто нибудь изъ археологовъ обратилъ на него особое вниманіе, тѣмъ болѣе, что народное преданіе выводитъ происхожденіе аварскихъ хановъ отъ рыцарей крестовыхъ походовъ, которыхъ пребываніе въ этихъ горахъ подтверждается очень многими памятниками, на которые я укажу впослѣдствіи.

Чтобы означить цѣль Аварской экспедиціи, или изложить причины, заставившія предпринять ее, надо имѣть понятіе о тогдашнихъ обстоятельствахъ горцевъ. Слыхалиль вы что нибудь о кавказскомъ возмутителѣ Кази-муллѣ? вѣроятно, очень мало, или по-крайней мѣрѣ не столько, какъ стоятъ его шумные подвиги, которые, безъ всякаго сомнѣнія, глубоко бы врѣзались въ вашей памяти, если бы въ тоже время, какъ они происходили, вниманіе ваше не было увлечено гораздо ближайшими событіями — военными нашими дѣлами въ Польшѣ. Это обстоятельство было причиною, что Кази-мулла остался едва замѣченъ нами, хотя онъ явился не какъ метеоръ, разсыпающійся погасающими искрами: Кази-мулла былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые увлекаютъ умы народа не на одно только мгновеніе, а посѣваютъ въ нихъ понятія и правила, поддерживающія волненіе и послѣ смерти внушителя. Эти понятія, возбужденныя Кази-муллою въ дагестанскомъ народѣ, до сихъ поръ служатъ еще причиною возмущеній грубаго племени, которое нелегко мѣняетъ свои мнѣнія. Кази-мулла былъ религіозный возмутитель. Зная, какъ всѣ предшествовавшіе ему возмутители мало имѣли вліянія на своихъ сподвижниковъ, дѣйствуя только одними пружинами народнаго легкомыслія, онъ употребилъ въ дѣло самую сильнѣйшую пружину дѣйствій человѣческихъ — религію, и, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи не слабую, на короткое только время сбирающуюся толпу, а какую нибудь сильную и постоянную массу сподвижниковъ, онъ основалъ въ Дагестанѣ секту такъ называемыхъ *мюридовъ*, и объявилъ себя начальникомъ ея — *имамомъ*. Духомъ этой секты была магометанская вѣра, а правилами: не щадить ни имущества, ни живота своего на уничтоженіе вкравшихся въ религію измѣненій и на истребленіе всѣхъ невѣрныхъ, разумѣется преимущественно христіанъ, а изъ христіанъ — рус-

скихъ. Фанатизмъ скоро привлекъ къ нему множество послѣдователей; но Кази-мулла, намѣревавшійся посредствомъ ихъ дѣйствовать уже на остальную массу народа, былъ строгъ въ выборѣ и принималъ только людей отважныхъ и ученыхъ. Каждый мюридъ долженъ былъ знать грамату и читать алкоранъ, не пить вина, не курить табаку, быть всегда готовымъ на бой, по требованію своего учителя или начальника секты, и для отличія себя отъ другихъ носить бѣлую чалму или повязку поверхъ своей шапки — папаха.

Имѣя болѣе тысячи такихъ отважныхъ и, по своему, даже ученыхъ мюридовъ, Кази-мулла началъ возбуждать горцевъ къ возстанію противу урусовъ, какъ они насъ называютъ. Несмотря на безпрестанныя свои неудачи, на понятное и для нихъ преимущество русскаго оружія, они всегда готовы собраться къ битвѣ по первому призыву и хотя напередъ увѣрены, что ихъ разобьютъ, но страсть къ войнѣ и грабежу, всегда господствующая у праздныхъ народовъ, преодолѣваетъ предположенія опасности. Зато толпы эти еще скорѣе разсѣеваются, нежели собираются. Не только разгоняетъ ихъ какая нибудь неудача, но чаще всего недостатокъ чурековъ (хлѣбовъ) заставляетъ ихъ какъ можно скорѣе убираться въ свои сакли. Кази-мулла понималъ, что съ такимъ войскомъ немного онъ надѣлаетъ подвиговъ, и потому старался хотя сколько нибудь связать порядкомъ эти безпорядочныя толпы. Онъ далъ имъ хорошихъ начальниковъ и взялъ на себя обязанность заботиться объ ихъ продовольствіи; такимъ образомъ, одушевивъ эти разноплеменныя полчища религіознымъ фанатизмомъ, онъ дѣйствительно отчасти достигъ своей цѣли. У него бывало въ сборѣ по двадцати тысячь народу, который по мѣсяцу и болѣе находился въ полѣ. Онъ сдѣлалъ набѣгъ на Кизляръ, производилъ вторженія въ земли шамхала тарковскаго и многихъ татарскихъ князей и осмѣливался подступать подъ наши сильныя крѣпости Внезапную, Бурную и г. Дербентъ. И каковажъ была храбрость нашихъ тогда очень малочисленныхъ войскъ, которыя не только оборонились отъ такого сильнаго врага, но разбили его совершенно, усмирили возмутившіяея племена, покорили новыя и положили всему конецъ убіеніемъ самого Кази-муллы! Этотъ фанатикъ погибъ на порогѣ родного своего аула Гимровъ, въ тѣсномъ ущельѣ, въ которомъ онъ, заградившись каменною стѣною и завалами, рѣшился защищаться до послѣдней капли крови. Это происходило въ 1832 году, въ то самое время, когда побѣдоносныя наши войска дѣйствовали на западѣ противъ другихъ возмутителей....

Кази-мулла погибъ; но секта его не уничтожилась, и едва, какъ говорится, исчезъ военный дымъ съ полей Дагестана, какъ она опять

стала мало по малу распространяться и настроивать умы къ новымъ возмущеніямъ. Послѣ Кази-муллы начальникомъ секты или имамомъ сдѣлался Гамзатъ-бекъ, одинъ изъ первыхъ его учениковъ и сподвижниковъ. Чтобы лучше понять дѣйствія этого преемника Кази-муллы надобно нѣчто сказать объ Аваріи.

Аварія была нѣкогда самымъ сильнѣйшимъ въ горахъ Лезгистана обществомъ — ханствомъ. Она не только владѣла многими, теперь уже отъ нея независимыми обществами, но была почти единственною повелительницею въ этой части горъ, и хановъ ея трепетали всѣ сосѣди. Во второй половинѣ XVIII столѣтія ея воинственный Омаръ-ханъ заставилъ платить себѣ дань грузинскаго царя Ираклія II, хановъ дербентскаго, кубинскаго, бакинскаго, ширванскаго, шекинскаго и пашу ахалцыхскаго, за то только, чтобы не опустошать ихъ владѣній. Хотя еще въ 1727 году бывшій тогда ханъ Аваріи, во время нашей экспедиціи въ сѣверномъ Дагестанѣ, явился въ нашъ лагерь и далъ присягу въ вѣрности,— но когда въ 1799 году генералъ Лазаревъ прибылъ съ однимъ только полкомъ въ Тифлисъ, Омаръ-ханъ двинулся къ Сигнаху противъ него съ войскомъ, но былъ разбитъ на голову. Въ 1803 году, преемникъ его Ахметъ-ханъ аварскій присягнулъ въ вѣрноподданствѣ Россіи, но въ 1821 году нарушилъ присягу, вооружился противъ насъ и былъ разбитъ генераломъ Вельяминовымъ при Аймакахъ. По смерти его, правительницею или ханшею Аваріи сдѣлалась жена его Паху-бике, которая въ 1822 году признала себя данницею Россіи и съ тѣхъ поръ ненарушимо сохраняла самыя дружественныя къ намъ отношенія. Сосѣднія общества только силою оружія удерживаемыя въ зависимости, начали мало по малу отдѣляться отъ слабой ханши, а дружественныя ея сношенія съ русскими поселили въ нихъ еще болѣе къ ней ненависти, и съ тѣхъ поръ они искали всевозможныхъ случаевъ ослабить или совершенно уничтожить это, все еще грозное для нихъ ханство.

Гамзатъ-бекъ, наученный примѣромъ своего учителя, какъ трудно сражаться съ русскими, не осмѣливался явно дѣйствовать противъ нихъ, а устремилъ всѣ свои замыслы на покореніе Аваріи. Онъ сдѣлался предводителемъ враждебныхъ ей обществъ и въ 1834 году успѣлъ отторгнуть отъ нея нѣкоторыя изъ сильнѣйшихъ деревень и наконецъ обложилъ сильный и дотолѣ неприступный Хунзахъ, столицу Аваріи. Долго стоялъ онъ передъ стѣнами этого дѣйствительно крѣпкаго города, дѣлалъ нѣсколько приступовъ, отводилъ воду; но все было тщетно. Аварцы, предводительствуемые двумя храбрыми сыновьями престарѣлый уже ханши, дрались отчаянно, и

Гамзатъ-бекъ, не надѣясь одолѣть ихъ силою, прибѣгнулъ къ подлой азіятской хитрости. Обманомъ, подъ видомъ переговоровъ, завлекъ онъ въ свой станъ аварскихъ князей Абу-нунцалъ-хана, Булачъ-хана и Умма-хана, и, умертвивъ ихъ, внезапно бросился на изумленныхъ хунзахцевъ, овладѣлъ городомъ, умертвилъ ханшу, — и изъ всей этой большой семьи осталась въ живыхъ только жена Абу-нунцалъ хана, Гайбатъ-бике, бывшая беременною, которая впослѣдствіи родила сына султанъ Ахметъ-хана, нынѣшняго наслѣдника аварскаго ханства. Это истребленіе ханской фамиліи происходило 13 августа 1834 года.

Насытившись кровью этого знаменитаго и древняго рода, Гамзатъ объявилъ себя ханомъ Аваріи; но судьба недолго дозволила ему наслаждаться своими злодѣяніями. Противъ него составился заговоръ, и 19-го сентября того же года, во время большого магометанскаго праздника, когда Гамзатъ, какъ глава духовенства, вошелъ въ мечеть, жители Хунзаха—Османъ, молочный братъ, или *имчекъ* Абу-нунцалъ-хана и Гаджи муратъ, бросились на него, и Османъ убилъ его выстрѣломъ изъ пистолета. Съ нимъ погибла часть его приверженцевъ, а остальные бѣжали изъ Хунзаха и опустошали его окрестности.

Всѣ эти происшествія случились такъ скоро, что невозможно было отвратить имъ. Бывшій въ то время начальникомъ сѣвернаго Дагестана, полковникъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ, Клюге-фонъ-Клюгенау былъ не въ состояніи съ находящимися въ его распоряженіи войсками оказать какое либо содѣйствіе аварцамъ и получилъ подкрѣпленіе уже послѣ этой кровавой катастрофы; но, быстро двинувшись въ горы, онъ въ одни сутки спустился въ страшное Гимрійское ущелье, раззорилъ Гимры — это гнѣздо мюридовъ, и, возвратясь оттуда, пошелъ къ Аваріи, гдѣ взялъ штурмомъ неприступныя высоты Готцатля, наказалъ многія отторгнувшіяся отъ Аваріи деревни, привелъ ихъ въ прежнее повиновеніе и поставилъ правителемъ Аваріи Асланъ-хана казакумыкскаго, до совершеннолѣтія спасеннаго наслѣдника ханства. На это лестное для горцевъ титло было тогда много претендентовъ, связанныхъ родствомъ съ погибшей фамиліей: Асланъ, ханъ казикумыкскій — владѣтельный князь въ южномъ Дагестанѣ, Абу-муслимъ, братъ бывшаго шамхала тарковскаго, а нынѣ шамхалъ и мужъ Салтанеты Марлинскаго — дочери аварской ханши, и наконецъ ханъ мехтулинскій — молодой и храбрый владѣтельный князь въ сѣверномъ Дагестанѣ.

Экспедиція полковника Клюге-фонъ-Клюгенау, славившаяся мно-

гими подвигами этого кавказскаго вождя-героя, который такъ смѣло рѣшился повести горсть русскаго войска по малоизвѣстнымъ намъ дотолѣ тропинкамъ, между страшныхъ ущелій и пропастей Лезгистана, и вступить въ бой съ горцами въ самыхъ ихъ горахъ, въ ихъ крѣпкихъ аулахъ, — эта экспедиція возстановила только на время спокойствіе, но не уничтожила глубоко вкоренившейся секты мюридовъ — источника возмущеній той страны. Еще уцѣлѣлъ одинъ изъ друзей и учениковъ Кази-муллы, извѣстный впослѣдствіи Шамиль, который, ставъ начальникомъ секты, началъ привлекать на свою сторону деревни, потомъ цѣлыя общества: въ два года этотъ возмутитель дотого усилился, что сдѣлался опять опаснымъ для Аваріи и уже началъ свои враждебныя противъ нея дѣйствія.

Не допустить этого новаго возмутителя, Шамиля, овладѣть Аваріей было цѣлію описываемой мною экспедиціи 1837 года; но къ этому присоединились еще и другія намѣренія. Асланъ-ханъ умеръ въ 1836 году, и на мѣсто его былъ поставленъ правителемъ Аваріи Ахметъ, ханъ мехтулинскій. Хотя аварцы и не обнаруживали еще своей ненависти къ Ахметъ-хану, но онъ видѣлъ, что они ждутъ только къ тому случая, и, чувствуя себя не въ состояніи бороться съ одной своей дружиной противъ цѣлаго народа, ему очень желательно было имѣть силу, которая бы могла поддержать власть его: съ этимъ намѣреніемъ онъ предложилъ кавказскому начальству идею воспользоваться тогдашними обстоятельствами Аваріи — основать въ Хунзахѣ крѣпость и оставить тамъ русскій гарнизонъ. Съ перваго взгляда казалось, что Хунзахъ будетъ однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ для нашихъ военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ: полагали, что, укрѣпившись въ Хунзахѣ и снабдивъ его военными и съѣстными запасами, можно будетъ оттуда легко сдѣлать движенія во всѣ стороны къ разнымъ враждебнымъ племенамъ.

Отрядъ, назначенный для Аварской экспедиціи, собирался въ укрѣпленіе Темирханъ-шуру. Это укрѣпленіе, бывшее штабъ-квартирой сначала Куринскаго, а теперь Апшеронскаго пѣхотнаго полка, начато постройкою въ 1832 году — въ одной изъ прелестнѣйшихъ долинъ сѣвернаго Дагестана. Оно сновано на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ аулъ того же имени, — имени, которое напоминаетъ собою грознаго Тамерлана, такъ, какъ другой аулъ, находящійся не вдалекѣ, а нынѣ уже не существующій — *Чумкисъ-кентъ*, то есть деревня Чумкиса, или Чингиса (мѣсто смерти полковника Миклашевскаго), напоминаетъ другого монгольскаго завоевателя, Чингисъ-

хана. Быть можетъ, эти аулы и дѣйствительно обязаны имъ своимъ основаніемъ.

Мѣстоположеніе Темирханъ-шуры превосходно и въ военномъ и въ живописномъ отношеніи. Она расположена на высокомъ бугрѣ, выдавшемся среди ровной долины, который съ одной стороны голымъ перпендикулярнымъ утесомъ спускается къ текущей мимо его изъ горъ небольшой рѣчкѣ Узени, а прочими сторонами скатывается постепенно въ долину. На вершинѣ этого бугра, высоко выдавшагося голою скалою, устроена батарея, повелѣвающая всею окрестностію, а пониже вокругъ нея расположено укрѣпленіе. Церковь, казармы, госпиталь, магазинъ, дома начальника и офицеровъ, построенные изъ дикаго камня и выштукатуренные, даютъ прекрасный видъ этому укрѣпленію, ярко бѣлѣющему среди окружающей его почти вѣчной зелени. Поодаль отъ него устроенъ форштатъ, гдѣ живутъ семейные солдаты и офицеры. Домики небольшіе, большею частію турлучные, то есть сдѣланные изъ торчевого плетня, обмазаннаго глиною, съ плоскою крышею, но чистенькіе и красивенькіе, что даетъ этому форштату видъ городка гораздо лучше иныхъ уѣздныхъ. Строитель этого укрѣпленія генералъ Клюге-фонъ-Клюгенау старался сколько возможно болѣе доставить удобствъ жизни для лишенныхъ всякихъ общественныхъ удовольствій кавказскихъ воиновъ, и своею щедростію и любезностію онъ сдѣлалъ жизнь нашу очень пріятною въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, за тридевять земель отъ родины, среди дикихъ и враждебныхъ намъ племенъ. Тамъ у насъ были и собранія, и балы, и вистъ, и бильярдъ, и даже театръ. Я увѣренъ, что кто только вспомнитъ этотъ періодъ времени въ Темирханъ-шурѣ, тотъ душевно поблагодаритъ того, кто умѣлъ быть такъ попечительнымъ и внимательнымъ.

Недалеко отъ укрѣпленія находится озеро, имѣющее версты четыре въ окружности. Вода въ немъ соленая и негодная для употребленія, но очень здоровая для купанья и цѣлительная въ нѣкорыхъ болѣзняхъ. Зеркальная поверхность озера очень много придаетъ красоты мѣстоположенію Темирханъ-шуры. Возлѣ крѣпости ярко бѣлѣется надгробный памятникъ капитана генеральнаго штаба Богдановича, убитаго въ Гимрахъ въ 1832 году.

Съ мѣсяцъ уже войска стояли около этого укрѣпленія, въ ожиданіи предстоящаго, и слова «походъ въ Аварію» безпрестанно были на языкѣ и сердцѣ каждаго. Каждому хотѣлось напередъ знать хоть что нибудь объ этой странѣ: хотѣлось знать, какія трудности насъ ожидаютъ, съ какимъ непріятелемъ будемъ мы сражаться. Иной расспрашивалъ о жителяхъ, другой — о климатѣ, третій — о Шамилѣ и отчаянныхъ мюридахъ, четвертый — о

таинственномъ Хунзахѣ, тотъ — о прелестныхъ видахъ, тотъ — о полножномъ кормѣ. Молодые офицеры мечтали о чинахъ и крестахъ, старые заботились о походныхъ удобствахъ, солдаты толковали о крутыхъ горахъ, длинныхъ переходахъ, каменистой дорогѣ, и то подбивали сапоги свои гвоздями, то прилаживали походныя сумки. Но никто не могъ удовлетворить любопытныхъ: никто еще не видалъ самой Аваріи, а кто и былъ по близости, такъ обыкновенно слишкомъ увлекался своею опытностію и, толкуя обо всемъ, ничего не говорилъ ясно. Только и слышишь бывало отъ нихъ, что горы да ущелья, ущелья да горы, а какія ущелья, какія горы — толку не добьешься. Эти неудовлетворительные разсказы покрывали Аварію какою-то таинственностію, которая возбуждала любопытство у каждаго, кому уже давно надоѣло единообразіе жизни въ штабъ-квартирѣ. Къ тому же на Кавказѣ каждый радъ экспедиціи какъ празднику. Это единственный случай увидѣться съ знакомыми и друзьями. Сладкія мечты брали верхъ надъ горькими, и всѣ радовались и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали похода.

Хотя расчеты нашего брата солдата совсѣмъ другіе, однакожь и мы радовались экспедиціи. Насъ утѣшала непріятельская добыча, винная порція, отличія. Одинъ изъ бывшихъ въ плѣну у горцевъ насказалъ намъ, что въ Баваріи (Аваріи) всегда тепло, винограду и куречи (абрикосовъ) какъ листу, а барановъ по горамъ какъ стрекозы. «А ужь какъ пройдемъ, братцы, въ Индію, а оттуда въ Италію (*), тамъ-то бурокъ! хоть кибитки строй! И все такія косматыя, да легкія, да наипрекрасныя, что чудо! А вода съ нихъ какъ съ гуся: такъ и скатывается.» Мы слушали и тоже говорили: «ахъ! кабы скорѣе въ походъ.»

Но болѣе всѣхъ занималъ этотъ походъ меня. Преданія объ аварахъ древнихъ писателей и новыя яркія страницы объ Аваріи нашего кавказскаго повѣствователя, противорѣчащіе разсказы бывалыхъ, недостатокъ подробныхъ описаній или даже какихъ нибудь вѣрныхъ свѣдѣній, и мысль, что тѣ мѣста, которыя мы открываемъ кровію, почти совершенно остаются неизвѣстными для прочихъ соотечественниковъ, — все это вмѣстѣ возбуждало во мнѣ сильное желаніе увидѣть Аварію собственными глазами, полюбоваться ея видами, узнать что нибудь объ ея жителяхъ, и потомъ какъ можно вѣрнѣе передать мои замѣчанія другимъ. Жалѣю о томъ, что званіе мое не позволяло мнѣ имѣть болѣе къ тому средствъ; жалѣю о тѣхъ, которые могли бы лучше это сдѣлать, но не понимали пользы и не радѣли.... Увѣренный, что какъ мѣста нами завоеванныя, такъ и

(*) Тогда еще мы такъ мало знали этотъ край, что, дѣйствительно, солдаты называли Аварію Баваріей, Андію — Индіей, а Талію — Италіей.

собственное наше положеніе за тридевять земель отъ милой родины, отъ родныхъ и друзей, очень занимательны для тѣхъ соотечественниковъ, которые принимаютъ живое участіе и въ нашихъ побѣдахъ, и въ нашей участи, я долгомъ почелъ, по силамъ своимъ и способностямъ, хотя сколько нибудь удовлетворить ихъ желаніе — сшилъ тетрадь, купилъ карандашъ и тоже говорилъ: «Ахъ! когдабъ скорѣе въ походъ!...»

Несправедлива была бы послѣ этого слишкомъ строгая взыскательность къ издаваемому мной описанію экспедиціи; но если кто изъ участвовавшихъ въ ней найдетъ что нибудь неполнымъ или невѣрнымъ, то я очень бы желалъ, чтобы онъ указалъ мнѣ мои ошибки. Я и самъ считаю мои записки неполными и, быть можетъ, слабыми, но думаю, что этимъ-то я и заставлю войти со мной въ состязаніе другихъ, которые болѣе меня знаютъ; и быть можетъ они, также какъ и я, вытащатъ свои забытыя тетрадки, дополнятъ ихъ памятью и издадутъ въ свѣтъ на зло моимъ запискамъ и на радость мнѣ и всѣмъ любознательнымъ соотечественникамъ.

Лагерь при деревнѣ Дженгутай. 8 мая.

Наконецъ мы выступили въ походъ, 8 мая. Въ этотъ день какъ-то особенно прекрасно взошло солнце и утро было тихое и очаровательное. Воздухъ былъ свѣжъ и наполненъ благоуханіемъ травъ и цвѣтовъ; алмазная роса сверкала по зелени; соловьи пѣли въ цвѣтущихъ уже кустарникахъ; жаворонки щебетали въ поднебесьи. Эта восхитительная картина природы располагала каждаго къ радости и порождала самыя сладкія мечты. Въ какомъ-то восторженномъ расположеніи духа былъ весь отрядъ. Не говорю уже о легковѣрной юности; но я приглядывался къ самымъ степеннымъ физіономіямъ — и въ нихъ не замѣтилъ никакого мрачнаго чувства: такъ всѣ радовались походу и такъ обольстительны были надежды каждаго! Объ опасностяхъ или смерти никто и не думалъ. Эта мысль рѣдко приходитъ въ голову кавказскаго воина даже въ самомъ сраженіи, а уже тѣмъ менѣе при началѣ похода... Всѣ были веселы, довольны, счастливы, какъ будто шли не на кровавый, а на веселый дружескій пиръ.

Авангардъ нашего отряда выступилъ изъ Темирханъ-шуры 7 мая; 8-го выступила вторая колонна со всѣми тяжестями и обозомъ, при которой находился и я, во второмъ батальонѣ Куринскаго Егерскаго

полка. Отрядъ состоялъ изъ 2-го, 3-го и 4-го батальоновъ Куринскаго полка, трехъ батальоновъ Апшеронскаго и двухъ его свѣтлости князя Паскевича Еривanскаго, всего изъ осьми батальоновъ, неполнаго впрочемъ комплекта, 8 легкихъ полевыхъ орудій, 10 горныхъ единороговъ, 4 вьючныхъ мортирокъ, одной сотни донскихъ и двухъ сотенъ линейныхъ казаковъ. Каждый батальонъ имѣлъ при себѣ всѣ свои тягости, какъ-то: патронные и палаточные ящики, фургоны, артельныя повозки и лазаретныя фуры. Кромѣ этого довольно уже большого и тяжелаго обоза, было еще съ нами — тысяча татарскихъ арбъ, на которыхъ везлось на сорокъ дней провіанту, 500 четвертей ржаной муки для будущаго хунзахскаго гарнизона, запасный артиллерійскій паркъ и матеріялы для деревяннаго моста. Все это находилось при нашей второй колоннѣ. Такой огромный караванъ, способный двигаться только въ степи, два дня вытягивавшійся изъ Темирханъ-шуры, заставлялъ задумываться при взглядѣ на возвышавшійся впереди хребетъ, чрезъ который нужно было перевезти его.

Генералъ Клюге-фонъ-Клюгенау, знавшій по опыту, что въ это время нѣтъ еще въ горахъ ни былинки, не совѣтовалъ выступать въ походъ такъ рано и съ такимъ количествомъ травоядныхъ, тогда какъ военныя обстоятельства нисколько насъ къ тому не принуждали. Ахметъ-ханъ съ своей милиціей былъ довольно силенъ, чтобы защитить Аварію, а Шамиль не только не дѣйствовалъ наступательно, но, напротивъ, заперся въ одномъ крѣпкомъ аулѣ—Телитль. Но командующій отрядомъ генералъ Фези былъ противнаго мнѣнія, ибо хотѣлъ не однихъ побѣдъ, но и прочнаго утвержденія въ краѣ.

Дагестанскій хребетъ составляетъ длинную цѣпь горъ, утесистыхъ съ западной стороны, а съ восточной постепенно скатывающихся къ Каспійскому морю, гдѣ, то возвышаясь живописными буграми, то углубляясь роскошными долинами, наконецъ у береговъ разстилается обширными лугами и степями, такъ что мѣстоположеніе этой прикаспійской части Дагестана можно означить вообще тремя параллельными скатами, тремя широкими уступами огромнаго и неправильнаго амфитеатра. Первый уступъ почти необитаемъ. Его составляютъ или голыя скалы, или вершины и ущелья, покрытыя дремучимъ строевымъ лѣсомъ, гдѣ дубъ и букъ помнятъ времена Тамерлана. На второмъ уступѣ, долины, орошаемыя множествомъ гремучихъ ручьевъ, имѣютъ самую плодоносную почву, на которой родится всякаго рода хлѣбъ, — и прелестнѣйшіе сады окружаютъ живописно каменныя деревни. Послѣдній уступъ составляютъ луга, на которыхъ пасутся многочисленныя стада барановъ верхнихъ и нижнихъ жителей Дагестана. Далѣе къ морю идутъ степи, песчаныя, покрытыя солончаками и почти совершенно безплодныя, по кото-

рымъ кочуютъ нагайцы и на которыхъ множество соляныхъ озеръ доставляютъ владѣльцамъ ихъ большія выгоды.

Наша дорога отъ Темирханъ-шуры, лежащей на среднемъ уступѣ, и до аула Кака-шура, прислонившагося къ первому уступу, пресѣкала наклоненную долину, и въ этомъ мѣстѣ она вездѣ удобна для повозокъ. Жители Дагестана ѣздятъ на арбахъ, что́ дѣлаетъ ихъ дороги широкими и гладкими. Муслимъ-аулъ, Дженгутай, Дергали и Кака-шура — вотъ деревни, чрезъ которыя пролегалъ нашъ путь до подъема на хребетъ.

Наружный видъ нашего отряда казался мнѣ величественнымъ и прекраснымъ. Это была длинная, почти безконечная свѣтлая полоса, которая какъ сверкающій ручей вилась по долинѣ. Чистая аммуниція и опрятная одежда красили солдатъ, а искусство и снаровка пригонки заставляли удивляться ихъ предусмотрительности. Кавказскій солдатъ совсѣмъ не такъ одѣвается въ походъ, какъ на смотръ. Вмѣсто ранца за плечами холстяная сумка; сума подтянута ремнемъ, на которомъ висятъ небольшой жестяной котелокъ, отвертка, сальница со щеткой, кисетъ, трубка и прочее; панталоны спрятаны въ сапоги, скатанная шинель надѣта черезъ плечо, фуражка на бекрень и ружье съ отпущеннымъ погономъ, которое онъ, смотря по надобности, то держитъ на плечѣ, то носитъ за плечами. А не угодно ли заглянуть въ походную солдатскую сумку? Вы найдете тамъ, кромѣ шестидневнаго провіанта и другихъ необходимостей, еще кусочекъ зеркальца, въ которомъ онъ каждый день охарашивается; а у иного есть и священная книжка. И обладаніе огромною библіотекой не даетъ другому такого вѣса, какъ этому солдату его единственная книжка въ глазахъ его товарищей!

Пройдя красивенькую деревушку Муслимъ-аулъ, мы сдѣлали привалъ. Роты поставили ружья въ козлы и отдыхали, пока стягивался обозъ. Что́ за чудная вещь въ походѣ привалъ! Это самая сладкая мечта, которая прежде всѣхъ другихъ лелѣетъ и пѣшаго солдата и коннаго офицера. Когда изнемогаетъ тѣло, тогда оставляешь всѣ желанія и думаешь только какъ бы поскорѣе отдохнуть, какъ бы поскорѣе на привалъ. Да! никто, выступая въ экспедицію, не задавалъ себѣ столько надеждъ, какъ я; а случалось, что усталость до того разстроивала мои предположенія, что, казалось, тужь минуту помѣнялся бы своею участью съ самымъ бѣднѣйшимъ пастухомъ, который, думаешь, спитъ себѣ спокойно теперь подъ своимъ непромокаемымъ кровомъ.... Но вотъ привалъ: бросаешься на землю и радостно отдыхаешь.... Впрочемъ, настоящій привалъ вовсе не былъ въ этомъ родѣ. Мы прошли всего не болѣе пяти верстъ: устать было неотчего, и потому вмѣсто спокойствія вездѣ была дѣятельность. Деньщики развязывали вьюки и доставали еще

свѣжія закуски, солдаты развязывали сумки и вытаскивали еще теплленькія булочки; словомъ, всѣ начали закусывать. Группы офицеровъ собрались вокругъ вьючныхъ сундуковъ своихъ командировъ, гдѣ очень неделикатно истребляли пирожки, жареныхъ куръ, вареныя яйца и подшучивали надъ зѣваками. Курили трубки, пили вино, напѣвали пѣсни и то посматривали на крутой хребетъ, то оглядывались на почти родимую намъ Шуру, которая такъ живописно бѣлѣлась посреди зеленой долины. Обозъ придвинулся, ударили подъёмъ, и весь отрядъ вспорхнулъ какъ журавлиное стадо, построился и маршъ.... Дорогою солдатамъ нескучно. Они или поютъ пѣсни, или разсказываютъ свои похожденія, сказки, анекдоты, шутятъ и толкуютъ о командирахъ. Между ними есть закаленные весельчаки, люди, у которыхъ ни языкъ, ни ноги никогда не устаютъ; и счастливая рота, которая имѣетъ такого балагура. Она не знаетъ, какъ время летитъ, и не замѣтитъ, какъ дойдетъ до привала. Скажетъ словцо—животики надорвешь; а какъ пойдетъ въ плясовую, такъ всю усталость какъ рукой сниметъ.

До самого Дженгутая дорога ровная и хорошая, а по сторонамъ ея волнистая равнина, покрытая какъ бархатъ зелеными полями и пестрыми пажитями ячменю и пшеницы. Въ четыре часа пополудни мы остановились лагеремъ на ночлегъ возлѣ этой деревни. Разбили палатки, развели огни, и черезъ часъ уже кипѣлъ мой походный мѣдный чайникъ. Въ походѣ чай совершенно другой напитокъ отъ чаю комнатнаго. Дома пьешь его по привычкѣ и рѣдко съ наслажденіемъ, а здѣсь — о! это просто нектаръ! Съ невыразимымъ удовольствіемъ глотаешь его теплую струю и чувствуешь, какъ она живительнымъ бальзамомъ разливается по внутренности. Отдернувши полы палатки, со стаканомъ въ рукахъ, я долго сидѣлъ поджавши ноги и любовался Дженгутаемъ. Это столица Мехтулинскаго владѣнія, то есть мѣстожительство его владыки, Ахметъ-хана, который тогда находился въ Аваріи. Видъ ея довольно живописенъ. По срединѣ, въ родѣ замка, возвышается четырехъсторонній ханскій дворецъ: около него толпится сотни двѣ довольно чистыхъ каменныхъ саклей, и наконецъ все это опоясано широкою полосою цвѣтущихъ садовъ.

Здѣсь я хочу разсказать одно изъ моихъ приключеній, которое, какъ и многія изъ послѣдующихъ, хотя и мало интересно, но какъ такія мелочи или характеризуютъ народъ, съ которымъ мы входили въ сношенія, или обнаруживаютъ наше положеніе, то я и не считаю ихъ лишними. За разными хлопотами я не успѣлъ подковать въ Темиръ-ханъ-шурѣ бывшую у меня вьючную лошадь, и какъ некованная лошадь совершенно не можетъ итти по каменистой дорогѣ, то мнѣ захотѣлось сдѣлать это въ Дженгутаѣ. Въ лагерь нашло множество жи-

телей для продажи намъ чуревовъ, ячменю, яицъ и прочаго. Купивъ у одного изъ нихъ сабу (мѣрку) ячменю, я попросилъ его проводить меня въ деревню и отыскать кузнеца. Часа три ѣздили мы съ нимъ по узкимъ улицамъ, посѣтили по крайней мѣрѣ десятерыхъ *усти*, то есть мастеровъ, и на силу у одиннадцатаго сыскали станъ плоскихъ азіятскихъ подковъ, но безъ гвоздей, и потому подковать лошадь было невозможно. Но я рѣшился купить подковы. За нихъ слѣдовало заплатить два абаза (два двугривенныхъ), и, какъ у меня мельче рубля серебромъ не было денегъ, то тутъ начались новыя хлопоты. Кузнецъ разослалъ искать мелочи по всѣмъ своимъ роднымъ и знакомымъ; я ждалъ болѣе часу, и наконецъ посланные возвратились съ однимъ только абазомъ!... Чтó дѣлать? еще двухъ недостаетъ. И я принужденъ былъ вмѣсто ихъ взять четырехъ курицъ.

Но надосугѣ я внимательнѣе разсмотрѣлъ ханскій замокъ. Всѣ строенія Дагестана, да почти и всего восточнаго Кавказа, одной архитектуры. Сакли строятся изъ нетесанаго дикаго камня, соединеннаго глиною, длинныя, четырехъугольныя, съ плоскими крышами и съ галлерей на дворъ. Двери и окна (безъ стеколъ, только съ внутренними двустворчатыми ставнями) обращены въ галлереѣ, а на улицу выходитъ глухая стѣна, въ которой вверху подъ самой крышей пробиты частыя небольшія бойницы, открываемыя въ случаѣ войны. Сакли въ Дагестанѣ большею частію двухъэтажныя; иныя строятся покоемъ, охватывая три стороны двора, и имѣютъ нѣсколько комнатъ въ одинъ рядъ, но несоединяющихся между собою дверьми. Часть двора, выходящая на улицу, въ незастроенномъ мѣстѣ обносится каменною стѣною, въ которой продѣлываются узкія полукруглыя ворота, а надъ ними устроивается иногда башня. Дворы большею частію малые, застроенные, и такъ стѣснены между собой, что часто деревня представляетъ почти сплошные дома, сходящіеся крышами, по которымъ можно исходить всю деревню. Улицы узки и кривы, и какъ деревни эти большею частію устроиваются на неприступномъ мѣстѣ, то можете судить, чего иногда намъ стоитъ взятіе такой деревни, защищаемой съ свирѣпымъ отчаяніемъ. Зáмокъ Ахметъ-хана отличается отъ прочихъ домовъ только величиною и тѣмъ, что въ немъ въ иныхъ мѣстахъ и на улицу есть окна, и окна европейскія — со стеклами и симметрически расположенныя. Это уже значительный шагъ къ цивилизаціи, и быть можетъ, когда нибудь, влетитъ туда съ дневнымъ свѣтомъ и свѣтъ европейской образованности.

Но болѣе всего мнѣ нравились въ этой деревнѣ ея сады. Неимовѣрной величины орѣховыя деревья, яблони, груши, персики, абрикосы, обвитые и сплетенные вьющимися виноградомъ, невольно вле-

кутъ васъ подъ тѣнь свою, и я бы не устоялъ противъ этого искушенія, если бы не время уже было возвратиться въ лагерь. Въ другомъ мѣстѣ я подробнѣе опишу эти очаровательные сады, которые кромѣ цвѣта ничего не имѣютъ общаго съ нашими садами.

Когда я пріѣхалъ въ лагерь, товарищи мои по палаткѣ успѣли уже приготовить походный ужинъ, то есть кашицу съ саломъ, и это неприхотливое кушанье показалось мнѣ самымъ эпикурейскимъ блюдомъ.

11 мая. Лагерь надъ рѣчкой Урумъ.

На другой день съ разсвѣтомъ мы двинулись далѣе. Тяжелый обозъ чрезвычайно затруднялъ нашъ маршъ, и мы почти на каждой верстѣ должны были останавливаться и ожидать, пока онъ стянется. Жители Дженгутая встрѣчали насъ съ любопытствомъ, продавали намъ чуреки и ячмень, но не изъявляли ни радости, ни печали. Жители Дженгутая и почти всѣхъ окрестныхъ деревень бо́льшею частію татары; но между ними есть и лезгины, и отъ этой смѣси они не имѣютъ общей физіономіи. Между ними вы найдете и черноволосыхъ, и бѣлокурыхъ, и рыжихъ, съ черными, голубыми или сѣрыми глазами; но вообще народъ хорошей наружности, высокаго роста, бодраго и воинственнаго вида. Одежда ихъ, какъ и всѣхъ жителей этой части Кавказа, болѣе подходитъ уже къ грузинской или персидской, хотя многіе носятъ и черкесскую. Вообще, всѣ жители Кавказа имѣютъ два главныхъ мужскихъ костюма: черкесскій и персидскій. Первый господствуетъ на сѣверѣ Кавказскаго хребта, второй на югѣ, и подвергаются они очень незначительной смѣси. Черкесскій костюмъ состоитъ изъ суконной коротенькой черкесски, на груди которой нашиты кожаные патронташи, изъ плоскаго косматаго папаха, бешмета, узкихъ штановъ, узенькихъ чиваковъ, или башмаковъ, и ноговицъ; а персидскій — изъ чухи безъ пантронташей, съ откидными длинными рукавами, изъ остроконечной высокой шапки, бешмета, широкихъ шальваръ; мѣсто ноговицъ и чиваковъ занимаютъ или сапоги съ большими подборами и длинными голенищами, или остроконечные башмаки безъ пятокъ, тоже съ высокими подборами. Другихъ костюмовъ я не встрѣчалъ нигдѣ на Кавказѣ, исключая развѣ Иммеретіи, гдѣ носятъ особыя шапки. О женскомъ нарядѣ я скажу гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, потому что ни одной порядочно одѣтой женщины не встрѣтилъ я въ Дженгутаѣ, хотя и много ихъ выглядывало на насъ изъ за воротъ и заборовъ.

Отъ Дженгутая до деревни Дергали, на разстояніи шести или семи верстъ, дорога была еще довольно удобна: ни горъ, ни ущелій,

а ровная долина, повсюду превосходно воздѣланная трудолюбивыми жителями. Мнѣ очень понравилась эта небольшая деревушка, имѣющая, впрочемъ, домовъ до пятидесяти. Она какъ бы прилеплена къ подымающейся надъ нею горѣ, и чистенькія ея сакли, возвышаясь одна надъ другою, даютъ ей видъ какого-то рыцарскаго замка. Сады ея тоже прелестны и живописно окружаютъ ея подножіе. Мы только прошли ее и спѣшили къ деревнѣ Кака-шура, гдѣ слѣдовало быть ночлегу. Дорога начинала уже дѣлаться хуже, потому что шла уже у подошвы горы, но все еще не представляла большихъ затрудненій, и мы достигли Кака-шуры благополучно, пройдя въ этотъ день не болѣе, впрочемъ, пятнадцати верстъ.

Кака-шура мѣстоположеніемъ почти похожа на Дергали, только гораздо больше ея. Это послѣдняя пригорная деревня, и отъ нея начинается уже хребетъ, который по направленію отъ этой деревни имѣетъ меньшую и не такъ крутую возвышенность. Переночевавъ, по выходѣ изъ деревни мы вступили въ ущелье. На днѣ его шумѣлъ потокъ, а по лѣвой отлогой сторонѣ продѣлана была нашимъ авангардомъ дорога. Она шла сначала по ущелью, но потомъ начала подыматься въ гору и, чтобъ не быть слишкомъ крутою, извивалась зигзагами, или, какъ говорятъ солдаты, *вавилонами*. По теченію ручья устроено множество водяныхъ мельницъ, совершенно не похожихъ на наши. Здѣшніе жители не запружаютъ воды подобно намъ, а отводятъ ее нѣсколько въ сторону узенькою канавою, которая равняется съ крышею мельницы, и оттуда по узкому деревянному столбу вода низвергается подъ мельницу, гдѣ вертитъ небольшое горизонтальное колесо о восьми или десяти лопаткахъ самой грубой работы. Внутри нѣтъ никакихъ зубчатыхъ колесъ, а верхній камень вертится на небольшомъ желѣзномъ веретенѣ, вдѣланномъ въ вертикальный валъ водяного колеса. Таковы вообще всѣ азіятскія мельницы на Кавказѣ, и отводные ихъ каналы часто приводятъ въ изумленіе незнакомыхъ съ законами гидравлики. Иногда эти каналы, а особливо назначенные для орошенія полей, простираются на три и четыре версты, и посредствомъ ихъ подымаютъ воду вверхъ на нѣсколько сажень; вода такимъ образомъ течетъ совершенно на гору, потому что какъ вершина ручья гораздо выше его русла, которое безпрестанно склоняется, а каналъ между тѣмъ постепенно возвышается, то воду можно поднять до уровня съ вершиною.

Пройдя всего отъ Кака-шуры верстъ шесть, мы остановились съ тѣмъ, чтобы дождаться всего обоза и уже ночевать: такъ затру-

днительна становилась дорога для нашего обоза. Мы шли по хребту, и жалко было смотрѣть, съ какими усиліями артельныя лошади втаскивали на *подъемъ* тяжело нагруженныя повозки, или тощіе азіятскіе быки свои скрыпучія арбы. Крики фурлейтовъ, гики азіятцевъ, хлопанье бичей и трескъ повозокъ уже начали часто повторяться и заставляли насъ предполагать трудности, какія намъ предстояли въ самыхъ горахъ. Къ вечеру, наконецъ, благополучно придвинулся арьергардъ, и огни запылали надъ давно жданными артельными котлами. На этомъ ночлегѣ мы имѣли прекрасный подножный кормъ, и лошади наши покамѣстъ были еще бодры.

Покуда готовили ужинъ, я пошелъ отъискивать одного изъ друзей своихъ, молодого поручика Б**, котораго я очень любилъ и съ которымъ мнѣ хотѣлось побесѣдовать. Онъ сидѣлъ возлѣ своей палатки и, казалось, любовался заходящимъ солнцемъ и разнообразными видами, которые уже начали отсюда открываться. Онъ служилъ прежде въ гвардіи, былъ хорошо образованъ, добръ, неопытенъ какъ дитя, но съ пылкими чувствами и фанатическимъ воображеніемъ, — еще въ цвѣтѣ лѣтъ, въ началѣ жизни онъ казался уже разочарованнымъ.

— Ну, что! каковъ Кавказъ? было мое первое восклицаніе.

— Да! хорошъ для глазъ, отвѣчалъ онъ нашимъ кавказскимъ каламбуромъ и равнодушно просилъ меня садиться на разосланной буркѣ.

— Неужели только глаза могутъ найти здѣсь себѣ пищу? Я думаю, и умъ и сердце не были бы праздны, если бы мы захотѣли только дать имъ занятіе. Здѣсь такъ все величественно, такъ ново, такъ отлично отъ нашего европейскаго міра, что невольно возбуждаетъ сердце къ восхищенію, а умъ къ наблюдательности.

— Это правда, у кого умъ можетъ быть чѣмъ либо отвлеченъ отъ собственныхъ обстоятельствъ и сердце можетъ быть чувствительно къ чему иному, кромѣ своего горя.

— Ты никогда не былъ вполнѣ со мной откровененъ и потому не стану возражать тебѣ. Но вспомни мои разсказы о моихъ потеряхъ. Неужели онѣ незначительнѣе твоихъ? Но я все забываю взглянувъ на эту еще дѣвственную страну, и мечтаю только о томъ, какъ бы мнѣ болѣе проникнуть въ ея таинства.

— Я никогда не считалъ твоихъ несчастій ничтожнѣе моихъ. Напротивъ, они гораздо значительнѣе. Въ самой нѣжной юности, въ самомъ разгарѣ твоего стремленія къ познаніямъ ты долженъ былъ оставить мирную сѣнь любезныхъ тебѣ наукъ и вступить на непри-

вычное и трудное военное поприще. Признаюсь, я всегда удивлялся твоей твердости, и даже стыжусь говорить тебѣ о моихъ страданіяхъ. Не смѣшно ли было бы, еслибъ я обрѣзавъ палецъ сталъ жаловаться на боль тому, у кого ядро оторвало руку. Да, мой другъ! мнѣ жаль, мнѣ смѣшно, мнѣ стыдно своей слабости. Моя потеря въ сравненіи съ твоею ничтожна; но она грызетъ мое сердце ежеминутно, она тянетъ къ себѣ всѣ мои чувства, мысли.... и я не въ силахъ отъ нея оторваться....

— Не изъ пустого любопытства, котораго ты до сихъ поръ во мнѣ не замѣчалъ, а изъ участія къ тебѣ, которое я уже не разъ обнаруживалъ на дѣлѣ, наконецъ спрошу тебя о твоемъ горѣ. Несчастія не имѣютъ степеней. Они подобны болѣзнямъ, изъ которыхъ мы ту считаемъ мучительнѣйшею, которою страдаемъ.

— Да! мнѣ пора все разсказать тебѣ. Кто знаетъ, что́ со мной будетъ! Мнѣ кажется, я не возвращусь изъ этой экспедиціи; а мнѣ не хотѣлось бы умереть, не передавъ кому либо моихъ послѣднихъ воспоминаній о той, которую одна только смерть исторгнетъ изъ моей памяти. Вотъ видишь ли, мой другъ: я влюбленъ, и эта несчастная страсть, несмотря на отдаленіе, преслѣдуетъ меня еще съ бо́льшею силою здѣсь, нежели въ Петербургѣ. Тамъ я былъ знакомъ съ семействомъ Б**, которое состояло изъ доброй и умной старушки и ея единственный дочери Елены. Они были не очень богатые люди, но жили прилично, и у нихъ часто собирались гости: ихъ родные и знакомые. Еленѣ было семнадцать лѣтъ. Черты лица ея не были совершенны; но выраженіе ихъ было восхитительно. Каждое ея движеніе, каждый звукъ голоса были граціозны и обольстительны въ высочайшей степени. Вотъ ея портретъ; но въ состояніи ли искусство земное изобразить восхитительное выраженіе этого личика!... Она была прекрасно образована, превосходно пѣла, играла, и этого уже было слишкомъ достаточно, чтобы воспламенить мою голову. Я посѣщалъ ихъ очень часто, и изъ ея невинныхъ ласкъ, изъ ея взоровъ я началъ замѣчать расположеніе ко мнѣ. Обвороженный ея любезностію, я не могъ долѣе скрываться предъ нею и высказалъ ей любовь мою. Она заплакала и, подавъ мнѣ свою руку, сказала: «Боже! могла ли я думать о такомъ счастіи!» Съ тѣхъ поръ поселилось между нами истинное блаженство, котораго теперь я не въ силахъ пересказать тебѣ. Мы ничего не скрывали другъ отъ друга, почти каждый день видѣлись и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе влюблялись одинъ въ другого. Я уже сдѣлалъ ей предложеніе и только ожидалъ благословенія родителей,

чтобы сказать о томъ ея матери, но между тѣмъ.... Въ числѣ гостей посѣщалъ ихъ иногда одинъ молодой человѣкъ, любезный, милый, привѣтливый, но легкомысленный и дерзкій въ высочайшей степени. Онъ часто шутилъ, любезничалъ съ Еленой, которая съ своею дѣтскою наивностію обходилась съ нимъ очень привѣтливо, и повѣса вообразилъ, что она въ него влюблена. Однажды собралось нѣсколько молодыхъ людей на именины къ одному изъ товарищей; тамъ же были я и Б**. Какъ водится, вина было вдоволь, и когда поразогрѣлись головы, начались разговоры про разныя интриги. Почти каждый разсказывалъ какія нибудь глупости, умалчивая объ истинной сердечной связи; но Б** вдругъ началъ хвастаться любовью къ нему Елены и такими ея ласками, о какихъ я еще и думать не смѣлъ. Я молчалъ; иные называли его счастливцемъ, а другіе надъ нимъ смѣялись и считали разсказъ его шуткою. — «Клянусь вамъ, что это правда — сказалъ онъ — и вотъ вамъ даже ея кольцо, которое она мнѣ недавно подарила» — и золотое колечко брякнуло на столѣ. Я не могъ болѣе выдержать. — «Лжешь! — закричалъ я — я докажу тебѣ, что это клевета» — и, схвативъ кольцо, выбѣжалъ изъ комнаты, оставивъ всѣхъ въ изумленіи....

«Еще было не болѣе десяти часовъ вечера, и я опромѣтью побѣжалъ въ домъ Елены. Я нашелъ ее одну въ гостиной, матери не было дома, и я былъ очень радъ случаю быть съ нею наединѣ. Едва подавляя свой гнѣвъ, я вдругъ спросилъ:

— Елена! любишь ли ты меня?

— Къ чему этотъ вопросъ? развѣ ты еще этого не знаешь? живо возразила она и быстро бросилась было ко мнѣ; но встревоженный видъ мой остановилъ ее.

— Чтó это значитъ? отчего ты дрожишь и такъ блѣденъ? Александръ, ради Бога, отвѣчай мнѣ!

— Послѣ буду отвѣчать, а теперь спрошу: любишь ли ты Б**?

— Александръ! произнесла она болѣзненно-укорительнымъ голосомъ и, залившись слезами, упала на кресло.

«Несмотря на мою увѣренность въ ея любви, невольныя сомнѣнія встревожили было мое пылкое воображеніе; но чистосердечный видъ этого милаго созданія, ея слезы глубоко меня тронули, и я, схвативъ ея руку и осыпавъ поцалуями, сказалъ сквозь слезы:

— Прости мнѣ, милая Елена! я виноватъ передъ тобою. Но взгляни на это кольцо: вѣдь оно не твое?

— Нѣтъ, не мое.... но, ахъ! Александръ! какая низость! Это мое кольцо.... я не замѣтила.... въ мазуркѣ, вѣрно, мнѣ его подмѣ-

нили. Неужели Б**! Вотъ кольцо, которое я, не разсмотрѣвъ, считала своимъ.

«И съ этимъ словомъ она сняла съ руки кольцо, почти такое же, какъ и ея, и, бросивъ его, опять начала плакать.

— Успокойся, Елена! Я вѣрю, что это обманъ, что ты невинна; но обманщикъ будетъ жестоко наказанъ за свою дерзость.

«И я разсказалъ ей поступокъ Б**.

— Прощай, моя милая! Мнѣ некогда, да уже и поздно....

.... Между мною и Б** произошла ссора, и я долженъ былъ уѣхать на Кавказъ..........

«Не хочу утомлять тебя долѣе подробностями. Скажу только, что передъ моимъ отъѣздомъ на Кавказъ, я и Елена повторяли нѣсколько разъ клятвы любви, обѣщанія писать письма, и когда нибудь я дамъ тебѣ прочитать ея драгоцѣнныя строки, полученныя мной уже здѣсь, чтобы ты могъ судить о ней.... Вотъ мое горе, милый другъ! Вотъ что̀ ежеминутно занимаетъ мой умъ и сердце, и что̀ послѣ этого можетъ меня радовать здѣсь?... Тамъ, тамъ, далеко, носится моя душа, мое воображеніе, а здѣсь бродитъ только мое бренное тѣло....»

Пріятель мой, какъ видитъ читатель, говорилъ нѣсколько восторженно, но онъ былъ еще очень молодъ и сильно влюбленъ. Я передалъ его разсказъ безъ всякихъ измѣненій.

Онъ замолчалъ, я молчалъ тоже; молча мы доѣдали бараній шашлыкъ и допили стаканы кахетинскаго. Уходя, я пожалѣлъ о судьбѣ его, которой развязку я почти предвидѣлъ, но не хотѣлъ огорчать его моими неутѣшительными предположеніями.

На другой день съ разсвѣтомъ мы двинулись далѣе. Дорога хотя шла въ гору, но не очень круто, и авангардъ нашъ, пройдя верстъ десять и достигнувъ вершины хребта, остановился поджидать обоза. Въ этомъ мѣстѣ хребетъ, какъ я уже сказалъ, имѣетъ самую меньшую возвышенность. Къ удивленію нашему, почти на самой вершинѣ его мы нашли неглубокій изсѣченный въ камнѣ колодезь и очень ради были утолить холодною его водою палившую насъ жажду. Но какой чудный видъ открылся вдругъ передъ нами! Съ одной стороны, весь Дагестанъ роскошнымъ ковромъ разстилался будто у самыхъ ногъ нашихъ, съ своими зелеными долинами, лѣсами, деревьями, садами, между которыми ручьи и рѣки какъ блестящія ленты живописно извиваются, а скалы и горы какъ бы нарочно разставлены, чтобы отдѣлять одну отъ другой эти разнообразныя картины чудной галлереи. Тамъ какъ будто стадо, спящее у озера, виднѣется

Темирханъ-шура, тамъ Казанищи, славные своими кинжалами, тамъ Дженгутай, Дергали плаваютъ въ яркой зелени садовъ своихъ, далѣе, направо, Параулъ, Гилли, Буйнаки, налѣво — Ероелы, Темиръ-аулъ и другія деревни, а тамъ вдали, сливаясь съ небомъ, синѣется море. Однимъ словомъ, предъ глазами вашими развернута самая вѣрная барельефная карта, которую вы можете изучать и любоваться. Какое-то пріятное чувство ощущаешь въ груди своей, когда стоишь на горѣ и видишь ниже себя то, что́ прежде было гораздо выше: будто дѣлаешься владыкою всей окрестности, будто въ состояніи достать рукой каждую деревню! Невольно становишься горделивымъ. Но чтобы смирить свое высокомѣріе, стоитъ только оборотиться и взглянуть въ другую сторону. Вдругъ, какъ бы въ испугѣ, пробуждаешься, очарованіе исчезаетъ, страхъ смиряетъ чувства и показываетъ нашу ничтожность. Да! взгляните въ эту сторону, въ этотъ нагорный Дагестанъ! Здѣсь не увидите уже ни прежнихъ долинъ, ни луговъ, ни рощь: здѣсь взоръ вашъ то испугается мрачнаго ущелья, то отворотится отъ безобразной скалы, то помутится отъ бездонной пропасти. Какъ будто только-что было здѣсь землетрясеніе: та́къ все разрушено, такъ все обезображено. Какой-то зловѣщій сѣрый, глиняный цвѣтъ подернулъ все видимое; и это наводило ужасъ не только на пылкую душу какого нибудь подобнаго мнѣ созерцателя, но вообще и на самую черствую самаго хладнокровнаго зрителя, потому что этотъ сѣрый цвѣтъ не обѣщалъ намъ ни былинки подножнаго корму.

Обозъ подошелъ, и мы стали спускаться къ рѣчкѣ Уруму, гдѣ уже стояла лагеремъ наша первая колонна. Спускъ этотъ не очень крутъ, и мѣстами разработанная дорога была довольно удобна, и мы еще рано разбили палатки на берегу Урума.

На другой день пришелъ нашъ арьергардъ; здѣсь соединился весь нашъ отрядъ; пріѣхалъ и генералъ, котораго мы по выступленіи изъ Темирханъ-шуры еще не видали. Итакъ, въ пять дней мы успѣли пройти примѣрно до сорока верстъ и очень счастливо перетянулись чрезъ одну изъ возвышенностей — перевалились за хребетъ.

Мы уже въ Тавліи, въ Лезгистанѣ, въ Нагорномъ Дагестанѣ. Жители навезли въ отрядъ множество ячменю, чуррековъ, яицъ, свѣжихъ яблокъ, разумѣется прошлогоднихъ, и начался базаръ.

12 мая. Лагерь близь деревни Лаваши.

Изъ Урума мы выступили опять двумя колоннами. Съ первою отправился самъ генералъ, а вторая, подъ командою нашего полка подполковника Цыклаурова, опять должна была двигаться съ обозомъ. Урумъ — небольшая горная рѣчка, которую мы перешли въ бродъ, и поднявшись на крутой берегъ, нѣсколько верстъ шли пустынною равниною, которая какъ-то нечаянно здѣсь образовалась. Время было прекрасное. Утреннее солнце нѣсколько разцвѣтило эту мрачную пустыню, жаворонки щебетали въ воздухѣ и нѣсколько оживляли эту глушь; а тамъ, вправо, изъ за высокихъ и угрюмыхъ горъ выглядывали блестящія снѣжныя вершины и восхищали взоръ игрою своею съ солнечными лучами. Но вотъ декорація перемѣнилась: мы вступили въ Ливанское ущелье. По обѣ стороны возвышаются почти перпендикулярные скалы и утесы, нѣтъ нигдѣ ни деревца, ни зелени, лишь голые камни и глина. Внизу шумѣлъ небольшой ручей, надъ головою вилась лазурная полоска свѣтлаго неба, и свѣжій воздухъ пріятенъ былъ своею прохладою. Въ одномъ мѣстѣ ущелья, на значительной высотѣ отъ подошвы, есть нѣсколько пещеръ и въ нѣкоторыхъ живутъ бѣдные лезгины. Я докарабкался до одной изъ нихъ. У отверстія сидѣло самое бѣдное семейство и готовило себѣ въ котлѣ какую-то пищу, а далѣе, на скалѣ, съ винтовкой въ рукахъ молодой горецъ глядѣлъ за десяткомъ козъ и овецъ своихъ, которыя съ необыкновенною ловкостію отъискивали между камнями скудную пищу. — «Вотъ жалкая жизнь — подумалъ я — и неужели въ ней есть какія либо радости и удовольствія!» Далѣе встрѣчалось нѣсколько бѣдныхъ и одинокихъ саклей, прислоненныхъ къ скаламъ; но вообще это ущелье до Лавашей необитаемо и пусто.

Деревня Лаваши расположена на верху лѣвой стѣны этого ущелья. Она принадлежитъ къ Акушинскому обществу и довольно обширна; но снизу трудно было разсмотрѣть ее. Возлѣ нея опять соединились наши колонны. Кое-какъ размѣстились по тѣсному ущелью и разбили палатки. Вечеръ былъ прекрасный. Генералъ велѣлъ играть музыкѣ и горнистамъ, и жители Лавашей, отъ мала до велика, мужчины и женщины, какъ ласточки усѣлись на закраинахъ утесовъ и почти висѣли надъ нашими головами. Но любопытнѣйшіе спустились внизъ, и меня очень насмѣшилъ одинъ изъ нихъ. Передъ горнистами стоялъ съ булавою тамбуръ-мажоръ, и какъ горны во

время игры обращены назадъ отверстіемъ, то лезгинъ подходилъ по порядку къ каждому горну, подставлялъ ухо и съ гримасами удивлялся игрѣ ихъ. Переслушавши всѣ горны, наконецъ подходитъ онъ къ тамбуръ-мажору и также прикладываетъ ухо къ булавѣ его, въ ожиданіи, что и она заиграетъ, какъ вдругъ тамбуръ-мажоръ стукнулъ его въ голову, и онъ отскочилъ съ испугомъ.

До сихъ поръ мы еще нигдѣ не встрѣчали непріятеля. Акушинское общество, чрезъ которое лежалъ нашъ путь, съ давняго еще времени намъ предано и потому не принимало участія въ возмущеніи Шамиля, и мы въ немъ были безопасны. Это одно изъ сильнѣйшихъ лезгинскихъ обществъ, состоящее изъ нѣсколькихъ деревень, между которыми главная Акуша; управляемое умными кадіями, оно болѣе другихъ благоденствуетъ. Еще, кажется, въ 1818 году памятный на Кавказѣ генералъ Ермоловъ одержалъ надъ ними славную побѣду при этой же деревнѣ Лаваши, взялъ съ нихъ аманатовъ и клятву быть нашими союзниками и никогда не присоединяться къ врагамъ нашимъ; и этотъ, по видимому, варварскій народъ до сихъ поръ твердо сохранилъ свою клятву, несмотря на обольщенія и угрозы многихъ возмутителей. Разсказываютъ, что когда Кази-мулла прислалъ къ нимъ пословъ своихъ, чтобы склонить ихъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противу насъ, то они, собравъ депутатовъ отъ всѣхъ деревень своихъ и посовѣтовавшись между собой, несмотря на сильное уже могущество Кази-муллы, несмотря на многія сосѣднія общества, принявшія уже его сторону, такъ отвѣчали: «Мы дали клятву никогда не нападать на русскихъ и не входить въ сношенія съ ихъ врагами, а русскіе тоже обѣщались насъ защищать. До сихъ поръ они держатъ свое слово: зачѣмъ же намъ нарушать нашу клятву? Таково мнѣніе насъ, стариковъ. Но у насъ есть молодые люди, которые, быть можетъ, не послушаютъ нашихъ совѣтовъ и по страсти къ войнѣ будутъ тайно съ вами участвовать: такъ пусть и они лучше явно обнаружатъ свое желаніе.» Послѣ этого была собрана изъ всѣхъ деревень бо́льшая часть молодежи. Имъ пересказали предложеніе Кази-муллы, связи съ русскими, отвѣтъ посланникамъ и наконецъ спросили, желаютъ ли они итти противъ русскихъ? Молодежь увлечена была справедливостію и благоразуміемъ своихъ старѣйшинъ и съ негодованіемъ отвергла предложеніе возмутителей.

Лошади наши уже давно голодали. Травы ни стебелька. Жители продавали намъ саманъ, то есть мелкую какъ рѣзка солому, которая у нихъ всегда такою дѣлается отъ особаго рода молотьбы

хлѣба; но можетъ ли она замѣнить сѣно? А попробовали было вырывать корни, такъ пять человѣкъ не нароютъ для одной лошади и въ пять часовъ, да и тѣхъ лошади не ѣли. Мой гнѣдой начинаетъ уже худѣть и вѣрно жестоко недоволенъ этимъ краемъ.

Мая 13.

За Лавашами, поднявшись въ гору, мы наконецъ выбрались изъ ущелья, и передъ нами открылась небольшая равнина, которой почва хотя и камениста, но прекрасно обработана и хорошіе всходы ячменю и пшеницы удивили бы нашихъ агрономовъ. Но какая странность! шесть дней, какъ мы оставили Дженгутай, Дергали, гдѣ пшеница и ячмень уже выкидывали колосъ, а здѣсь они только еще взошли. Это оттого, что мѣстность здѣсь гораздо выше и снѣгъ еще недавно растаялъ. Поля обложены толстою каменною стѣною и между ними дорога представляла улицу.

Верстъ восемь шли мы этой равниной и потомъ между двухъ горъ должны были спускаться въ пропасть. Спускъ былъ очень крутъ, и каждую повозку нужно было спускать по одиночкѣ, безъ лошадей, одними людьми. Къ ней привязывали сзади и съ боковъ нѣсколько веревокъ, и человѣкъ двадцать, уцѣпившись за нихъ, съ большими усиліями удерживали ея стремленіе. Мы были въ этой странѣ какъ дома и нигдѣ не встрѣчали непріятеля. Спустившись въ эту пропасть, мы шли самымъ страшнымъ и мрачнымъ ущельемъ, ведущимъ къ деревнѣ Хаджалмаки и оттого называемымъ Хаджалмакинскимъ. Бока его саженей на двѣсти возносились перпендикулярными глинистыми скалами, изъ которыхъ съ любопытствомъ выглядывали на насъ огромные нависшіе камни, какъ бы готовые на насъ обрушиться. Внизу ревѣлъ бурный потокъ, по руслу котораго пролегала наша дорога, загроможденная обвалившимися каменьями, которые, во многихъ мѣстахъ запруживая ручей, заставляли его низвергаться чрезъ нихъ водопадомъ. Лошади наши разбивали подковы по этой страшной мостовой и портили ноги, телѣги ломались, фурлейты кричали, били жалкихъ животныхъ, но обозъ едва двигался. Одна обломавшаяся повозка останавливала всѣ заднія, потому что нѣкуда было объѣхать. Между тѣмъ шелъ дождь и погода была мрачная. Сѣрыя облака вереницами носились не только надъ головами, но и между ногами нашими, и, какъ бы испуганныя нашею суматохою, они опромѣтью бѣгали по ущелью и прята-

лись подъ нашими непромокаемыми шинелями. — «Вотъ подлинно диковинное ущелье — говорили солдаты — знать недобрая сила дерется здѣсь вонъ этими бомбами!» А эти бомбы, дѣйствительно, вещь удивительная. Вообразите себѣ круглые камни, правильные какъ бильярдные шары, въ діаметрѣ болѣе сажени! Иные изъ нихъ торчатъ на значительной высотѣ, въ глиняныхъ скалахъ, или лежатъ подлѣ ущелья, совершенно цѣлые, другіе расколоты пополамъ. Они разной величины, отъ сажени до дюйма въ діаметрѣ, шифернаго свойства, только не черные, а сѣрые, и когда разобьешь, то въ серединѣ на четверть въ діаметрѣ пустота, наполненная кристаллообразными полупрозрачными камешками. Не зная успѣховъ современной минералогіи, я не могу пускаться ни въ какія разсужденія объ этихъ каменьяхъ; но, судя по различной ихъ величинѣ, мнѣ кажется, что большіе были прежде маленькими и слѣдовательно маленькіе будутъ большими, а потому это явленіе можетъ быть самымъ очевиднымъ доказательствомъ растенія камней.

Мы шли далѣе. Ущелье то съуживалось, то расширялось, и скалы имѣли самыя фантастическія формы. Погода прояснилась. Нѣсколько солнечныхъ лучей, залетѣвшихъ въ ущелье, придали ему болѣе разнообразія, и въ одномъ мѣстѣ я былъ пріятно пораженъ премиленькой картинкой. Посреди этой дикой и разрушенной природы, гдѣ глазъ кромѣ камней и глины ничего болѣе не встрѣчаетъ, вдругъ, вышедши изъ за одной скалы, видишь на правой сторонѣ ущелья, въ половинѣ его высоты, прелестнѣйшій, самой яркой зелени небольшой садикъ. На небольшой искуственной, саженей въ сорокъ, площадкѣ растетъ пшеница и по краямъ ея до тридцати абрикосовыхъ и другихъ деревьевъ. Въ концѣ площадки, къ самой скалѣ пристроена маленькая чистенькая сакля, возлѣ нея пчельникъ, а надъ нею, саженей десять повыше, дугою низвергается водопадъ чистою и прелестною полоской, который падаетъ противъ двери сакли въ сдѣланный изъ камня водоемъ!... Это мѣсто, истинно, какъ говорится, романическое, чрезвычайно меня восхитило, и я почти позавидовалъ его владѣльцу, который сидѣлъ спокойно у порога своей сакли и, безъ сомнѣнія, удивлялся нашему появленію. Пчельникъ этого горца состоялъ изъ пятнадцати или двадцати ульевъ, расположенныхъ совершенно по горски. Впереди сдѣлана каменная стѣнка, аршина четыре вышиною, въ которой продѣланы въ три ряда, какъ будто бойницы, лазеи для пчелъ. Сзади этой стѣнки подѣланы въ три ряда полки, на которыхъ поставлены пчелы, очками къ каменнымъ отверстіямъ стѣнки, въ небольшихъ плетеныхъ изъ прутьевъ ульяхъ, обмазанныхъ глиною, вышиною вер-

шковъ восемь, снизу въ діаметрѣ четверти три, а вверхъ не болѣе двухъ. Это первая встрѣтившаяся мнѣ горская пасѣка. Впрочемъ, не помню, чтобы я видѣлъ потомъ гдѣ либо другую, и мнѣ кажется, что пчеловодство въ этой части горъ самое незначительное, по причинѣ дикости и безплодія страны, тогда какъ въ другихъ странахъ Кавказа, особенно въ лѣсистыхъ, медъ составляетъ даже предметъ торговли. Теперь, когда я переписываю эти записки, я очень жалѣю, что не обращалъ вниманія, во время пребыванія моего на Кавказѣ, на разныя хозяйственныя занятія его жителей, а въ томъ числѣ и на пчеловодство, изъ котораго, быть можетъ, можно было бы извлечь что нибудь полезное для настоящихъ моихъ занятій. Но можно ли мнѣ было думать въ то время, что впослѣдствіи я сдѣлаюсь мирнымъ земледѣльцемъ и такимъ страстнымъ пчеловодомъ....

Въ этотъ день, по трудности дороги и безпрестанной ломкѣ повозокъ, мы не дошли до Хаджалмаковъ и ночевали въ ущельѣ. Жители навезли къ намъ продавать саману, ячменю, яицъ, куръ, свѣжихъ яблокъ и прочаго. За мѣшокъ саману, величиною съ перину, мы платили по полтинѣ серебромъ; четверть ячменю обходилась до пяти рублей серебромъ, — все же прочее недорого, а яблоки даже дешевы: десятокъ самыхъ лучшихъ пять копеекъ мѣдью. Это особенный родъ зимнихъ яблокъ, темно-пунсоваго цвѣта, продолговатыхъ, наподобіе нашихъ крымскихъ яблокъ, которыя по преимуществу разводятся въ горскихъ садахъ и сберегаются, какъ видите, очень долго. Здѣшніе жители брали наши мѣдныя деньги, но тотчасъ же намъ ихъ промѣнивали и за рубль серебра давали пять мѣди. Они также промѣнивали и мелкое серебро и давали по шести двугривенныхъ на рубль серебра....

Лезгины совершенно отличны физіономіей отъ другихъ кавказскихъ народовъ, которая гораздо болѣе имѣетъ сходства съ нашею сѣверною, нежели съ какою либо изъ южныхъ. Они всѣ блондины, даже есть рыжіе, съ небольшими сѣрыми или голубыми глазами и горбатыми носами, очень большого росту, но не такъ стройны, какъ черкесы или чеченцы. Есть даже толстые и съ большими брюхами. Видъ ихъ мужественный, воинственный и чрезвычайно простодушный; но бритая ихъ голова, лобъ съ глубокими морщинами, нависшія брови, подстриженная торчащая борода и атлетическое тѣлосложеніе дѣлаютъ ихъ въ сраженіи ужасными. Одѣваются они по персидски, шапки только не остроконечныя, а цилиндрическія, какъ наши малороссійскія, да еще иные, постарѣе лѣтами, носятъ прекурьёзныя овчинныя шубы, широкія, длинныя, съ длиннымъ шерстью вверхъ

воротникомъ, точь-въ-точь какъ медвѣди; вмѣсто рукавовъ, висятъ бараньи хвосты, служащіе имъ карманами. Несмотря на лѣтніе жары, лезгинъ почти не разстается съ этою шубою, въ которой онъ съ своею высокою шапкой кажется просто гигантомъ. Намъ также очень понравилось сукно на ихъ чухахъ. Оно дѣлается изъ овечьей шерсти и какъ будто не тканое, а вязаное, наподобіе трико, бѣлое или синее и довольно тонкое, такъ что всѣ офицеры его покупали и шили себѣ походные панталоны. Вообще, всѣ жители одѣваются довольно опрятно, лучше нежели другіе дагестанцы, и это показываетъ, что они живутъ достаточно, по своимъ потребностямъ. Оружія они не имѣли съ собой никакого, кромѣ кинжаловъ, изъ которыхъ иные въ аршинъ длины и какъ ладонь широкіе, но весьма просто оправлены. Въ своихъ неприступныхъ скалахъ, они менѣе подвержены нечаяннымъ нападеніямъ, нежели черкесы или чеченцы, и потому у нихъ нѣтъ обыкновенія, подобно имъ, носить всегда на себѣ все свое оружіе, которое они, впрочемъ, въ исправности сохраняютъ до случая.

Языкъ лезгинскій, которымъ говоритъ вообще все народонаселеніе этой части горъ, есть коренной ихъ собственной языкъ, и произношеніе его самое странное и труднѣйшее изъ всѣхъ другихъ кавказскихъ языковъ. Когда лезгинъ говоритъ, то онъ и щелкаетъ, и чирикаетъ, и хлыпаетъ, и какъ бы давится. Я пробовалъ выговаривать нѣкоторыя слова, разъ пятьдесять заставлялъ повторять ихъ себѣ и никакъ не могъ выговорить какъ слѣдуетъ.

Лошадей здѣсь почти не увидите, а если и есть, то очень мало и самыя мелкія, которыхъ, по недостатку корма, держать очень трудно. Но мѣсто ихъ занимаютъ такъ называемые *ишаки*, или ослы, небольшіе, съ теленка ростомъ, но крѣпкіе и неприхотливые. Одинъ ишакъ можетъ нести на себѣ до трехъ пудовъ по самой дурной дорогѣ и крутымъ горамъ, безъ подковъ и на собственныхъ харчахъ, не требуя за труды ни ячменю, ни сѣна. Это самое полезнѣйшее въ горахъ животное, но зато и несноснѣйшее своимъ крикомъ, что и подавало поводъ солдатамъ къ безпрестаннымъ насмѣшкамъ. Рогатаго скота почти нѣтъ въ горахъ, зато довольно овецъ и козъ, которыя очень смѣло отъискиваютъ себѣ по скаламъ пищу.

Мая 14.

По утру изъ нашей колонны отправилась такъ называемая саперная команда къ первой колоннѣ, которая находилась далеко впе-

реди насъ и разработывала дорогу. Въ этой командѣ, впрочемъ, не было ни одного сапера, а все обыкновенные солдаты; но они имѣли весь саперный инструментъ и сдѣлали свое дѣло чудесно. Генералъ обращалъ большое вниманіе на эту команду, поощрялъ солдатъ, шутилъ съ ними, награждалъ, и никакія скалы не могли противиться ихъ усиліямъ. Наконецъ двинулась и наша колонна. Дорога шла по правую сторону ручья, продѣланная въ косогорѣ правой стороны ущелья, то подымаясь, то спускаясь, и, несмотря на разработку, была очень трудна.

Въ одномъ мѣстѣ, покамѣстъ обозъ подымали на возвышенность, я остановился у ручья, сѣлъ подъ тѣнь дико растущаго абрикосоваго дерева и пустилъ тощую мою лошадь щипать травку, кой-гдѣ растущую по берегу. Я предался моимъ обычнымъ мечтамъ, переносился въ прошедшее, припоминалъ мою покойную жизнь подъ домашнимъ кровомъ, мои мирныя занятія науками и искусствами, мои скромныя тогдашнія желанія, надежды, мое стремленіе къ полезной, но не тревожной жизни.... и думалъ ли я тогда, что судьба пойдетъ наперекоръ всѣмъ моимъ предположеніямъ и броситъ меня на это трудное и опасное поприще, между этихъ дикихъ скалъ и грозныхъ пропастей?!...

Крики фурлейтовъ, стукъ и трескъ повозокъ, шумъ суетящихся до того уже сдѣлались для меня обыкновенными, что не могли исторгнуть меня изъ моей задумчивости; но вдругъ суматоха сдѣлалась болѣе обыкновенной, и я оглянулся. Въ это время четыре дебелыхъ буйвола тащили на гору тяжелую грузинскую арбу, наполненную разными продуктами *духанщика* — одного изъ отрядныхъ маркитантовъ. Несмотря на исполинскія свои силы, буйволы остановились, пали на колѣни, и на нихъ посыпались удары погонщиковъ-татаръ, которые метались во всѣ стороны, дико кричали, погоняя животныхъ; но все было тщетно. Между тѣмъ за этою арбою остановился и прочій обозъ; тутъ солдаты уже хотѣли столкнуть арбу въ сторону, въ кручу, какъ я вмѣшался въ дѣло и уговорилъ ихъ лучше помочь втащить арбу на гору, нежели бросить ее даромъ и потерять столько драгоцѣннаго спирту. Магическое обѣщаніе духанщика въ мигъ подѣйствовало, и арба мгновенно взлетѣла на гору.

Версты за двѣ до деревни начинается самая живописная дорога. Ущелье нѣсколько расширяется, и по обѣимъ сторонамъ его, отъ подошвы почти до самой вершины, восходятъ террасами чудные сады. Виноградныя лозы густыми шпалерами огораживаютъ небольшія площадки, на которыхъ растутъ персиковыя, абрикосовыя де-

ревья, яблоки, груши, сливы и орѣхи — эти огромные орѣхи, которые, кажется, съ трудомъ держатся на этомъ искуственномъ подножіи. По террасамъ въ разныхъ мѣстахъ журчитъ вода, которая, падая каскадами съ одной на другую, придаетъ этимъ садамъ почти волшебную прелесть. И въ какомъ же это мѣстѣ? Взгляните вокругъ! вездѣ скалы, утесы, дичь, глина, камни, нѣтъ даже земли. Природа здѣсь не производитъ сама ни одной былинки, а человѣкъ, какъ на зло ей, создалъ такую чудную растительность, какую трудно имѣть и въ самыхъ плодороднѣйшихъ мѣстахъ. Но чего стоила такая работа! Вообразите себѣ довольно крутой скатъ горы, то есть сторону ущелья. У подошвы ея закладывается толстая каменная стѣна, иногда болѣе сажени вышиною, и пространство между стѣною и горою насыпается землею, и такимъ образомъ составляется первая терраса. Повыше ея закладывается другая такая же стѣна; опять пространство между ею и горою насыпается землею и такимъ образомъ далѣе, покамѣстъ скатъ горы не подымется утесомъ и, слѣдовательно, не позволитъ далѣе итти террасамъ. Смотря по мѣстности, такихъ террасъ бываетъ до полсотни, и нѣкоторыя изъ нихъ не шире сажени. Вообразите себѣ, что иногда на всѣ эти террасы нужно было на спинахъ ишаковъ наносить плодородной земли, которую не всегда можете отъискать близко, и тогда посудите, какого все это стоило труда и, слѣдовательно, какъ долженъ быть трудолюбивъ этотъ народъ. Мы удивляемся голландцамъ, которые изъ болота сдѣлали обитаемую страну. Но тамъ образованность, науки, искусства, коммерція, правительство. А загляните въ эти горы, гдѣ не знаютъ ни читать, ни писать, гдѣ нѣтъ почти правительства, гдѣ нѣтъ желѣза и на лопатку, и вы дѣйствительно изумитесь, увидѣвъ среди этихъ дикихъ и безплодныхъ горъ прекрасныя деревни, плодоноснѣйшіе и огромнѣшіе сады и плодороднѣйшія поля!

Но вотъ мы вступили въ *Хаджалмаки*. Красивѣе этой огромной акушинской деревни я еще не видѣлъ. Она стоитъ на лѣвой сторонѣ ущелья, на высокомъ бугрѣ, и чистыя и бѣлыя ея сакли живописно выставляются изъ за густой зелени садовъ, съ трехъ сторонъ ея окружающихъ. Мѣстоположеніе раздѣлило эту деревню на части, изъ которыхъ иныя, имѣя не болѣе пяти домовъ, тѣсно соединенныхъ между собой и съ возвышающимися четвероугольными башнями, очень бы годились для какой нибудь сцены изъ рыцарскихъ романовъ. При проходѣ нашемъ чрезъ деревню, мужчины группами сидѣли на площадкахъ около домовъ и спокойно на насъ смотрѣли. Иные были одѣты въ описанныя уже мной шубы, другіе въ чухахъ, а бо́льшая часть просто въ синихъ или зеленыхъ рубашкахъ, совер-

шенно русскаго покроя, надѣтыхъ поверхъ шальваръ и подвязанныхъ поясомъ. Всѣ они были безъ оружія, дебелые, рослые, мускулистые, а иные изъ нихъ толстые какъ наши мясники.

Съ однимъ изъ моихъ товарищей, который хорошо зналъ по татарски, мы зашли въ саклю. Хозяинъ среднихъ лѣтъ, съ самою привѣтливою физіономіей, подалъ намъ огня на трубки и просилъ садиться. Сакля его была устроена какъ и вообще всѣ сакли на Кавказѣ. Это была длинная четырехъугольная комната, довольно высокая, съ одною дверью на галлерею и двумя окнами. По срединѣ находился рѣзной столбъ, поддерживающій продольную балку потолка, сдѣланнаго не изъ камыша, какъ въ другихъ мѣстахъ, а изъ плетня, хорошо смазаннаго глиною. Въ полъ-стѣны, противоположной окнамъ, придѣлана широкая полка, отъ которой, внизъ до полу, спускается большой прекрасный коверъ собственнаго издѣлія, а наверхъ положены подушки, одѣяла, платье и прочее, въ совершенномъ порядкѣ. Въ разныхъ мѣстахъ сакли подѣланы въ стѣнахъ четырехъугольные ниши, заставленные мѣдною полужоною посудою, то есть разной величины и вида очень искусно сдѣланными кувшинами, тазами, блюдами и проч.; и между ними нѣсколько нашихъ бутылокъ и штофовъ пользуются большимъ уваженіемъ. Но какова честь нашимъ тарелкамъ! ихъ не жгутъ, подобно намъ, горячими кушаньями, а съ осторожностію прокалываютъ въ нихъ дырочки и на шнурочкахъ, какъ картинки, развѣшиваютъ ихъ по стѣнамъ на деревянныхъ гвоздяхъ, гдѣ также часто красуются самыя курьёзныя персидскія маленькія зеркала, съ раскрашенными рамами, куда, взглянувши, непремѣнно увидишь кошку или собаку. Чистота и опрятность въ этихъ сакляхъ удивительны и составляютъ разительный контрастъ съ самими хозяевами. Полъ всегда застланъ или цыновкою, превосходно изъ травы сдѣланною, или ковромъ, нѣсколько хуже того, который виситъ на стѣнѣ. Мы усѣлись на коврѣ, возлѣ камина, почти непримѣтно вдѣланнаго въ стѣнѣ, въ которомъ труба прямо выходитъ на крышу и никогда не закрывается; немного спустя намъ подали на тонкомъ деревяномъ кругломъ блюдѣ, очень хорошей работы, два кукурузныхъ чурека, кусочекъ пиндиру, или овечьяго сыру, и кусокъ вяленой баранины. Сдѣлавъ честь этому нероскошному, но пріятному угощенію отъ чуждаго намъ и дикаго горца, мы завели съ нимъ разговоръ.

— Проходили ли здѣсь когда либо прежде русскіе?

— Нѣтъ! это еще въ первый разъ.

— А видѣлъ ли ты ихъ прежде гдѣ нибудь?

— Я бывалъ на заработкахъ въ Дербентѣ и Кубѣ и тамъ ихъ много видѣлъ.

— А гдѣ лучше? здѣсь или въ Дербентѣ?

— Дома лучше. Здѣсь насъ никто не трогаетъ, а тамъ мы чужіе, и всяко бываетъ. А далеко ли вы живете?

— О! мы живемъ далеко отсюда: во сто разъ будетъ, какъ отсюда до Дербента.

. . . .

— А зачѣмъ у васъ столько арбъ съ поклажею? вѣрно вы совсѣмъ переселяетесь.

— Это запасъ на всякій случай, сказалъ я: — быть можетъ, и долго пробудемъ. А что́ слышно у васъ про Шамиля?

— Говорятъ, что онъ теперь находится въ Телитлѣ у своего дяди Ахверды-Магома, съ самыми лучшими своими мюридами, кромѣ Али-бека, который гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ собираетъ войско.

— А крѣпокъ ли Телитль?

— О, очень крѣпокъ! Когда-то еще покойный аварскій ханъ хотѣлъ взять его и окружилъ многочисленнымъ войскомъ. Много разъ бросались на штурмъ, да ничего не сдѣлали. У него было одно старое ружье (такъ обыкновенно азіятцы называютъ пушку), много перепортилъ онъ мѣдныхъ кувшиновъ и сдѣлалъ изъ нихъ шесть большихъ пуль (ядеръ). Всѣ выстрѣлилъ, одно даже попало въ аулъ, да все ничего не сдѣлалъ. О! Телитль очень крѣпокъ!...

Я смѣялся надъ этой блокадой и хотѣлъ еще продолжать разспросы, но дали знать, что уже пора въ походъ, и мы простились съ хозяиномъ. По выходѣ изъ сакли, я увидѣлъ, на галлереѣ нѣсколько женщинъ, и, спросясь у хозяина, можно ли съ ними говорить, подошелъ къ нимъ. Онѣ были уже не молоды, что-то шили; обѣ очень чисто одѣты, гораздо лучше, нежели какъ одѣваются татарки. На головахъ имѣли онѣ красиво вышитыя золотомъ и серебромъ повязки, наподобіе нашихъ малоросійскихъ очипковъ, а сверхъ цвѣтной синей рубашки какія-то странныя такого же цвѣта мантильи: спереди до пояса въ родѣ круглаго воротника, который сзади спускается треугольникомъ до самыхъ пятокъ. Въ ушахъ онѣ имѣли большія круглыя серебряныя серги, на пальцахъ по нѣскольку такихъ же колецъ и на правой рукѣ цѣпочкою скованые серебряные браслеты. Просто щеголихи! но жаль, что старыя, и потому кромѣ «саламалейкюмъ» я ничего не сказалъ имъ. Но, на мое счастье, изъ за полурастворенной двери выглянуло очень миленькое молоденькое личико, на которое я, впрочемъ,

болѣе одного взгляда не успѣлъ бросить; но и этого было довольно, чтобы замѣтить большіе каріе глаза, тоненькій носикъ, розовенькія губки и полныя щечки. О! это вѣрно одна изъ хаджалмакинскихъ красавицъ; какъ жаль, что мы здѣсь не остановились, чтобы сколько нибудь болѣе узнать о такъ интересныхъ для насъ горянкахъ. Но вообще лезгинскія женщины всего Дагестана болѣе миловидны, нежели красивы. Онѣ не имѣютъ высокаго роста, стройной таліи, черныхъ большихъ глазъ и полныхъ формъ такъ называемыхъ нами черкешенокъ, то есть женщинъ закубанскихъ народовъ. Но зато онѣ граціозны въ высочайшей степени. Небольшого роста, кругленькія, живыя, съ быстрыми глазками и необыкновенною свѣжестію лица — просто восхищеніе! и особливо когда всѣ эти прелести одѣнетъ бывало русская рука въ шолковый горскій же костюмъ!...

За деревнею начинается довольно крутой спускъ, и версты на четыре простираются сады, понижаясь террасами до самого Койсу, называемаго Акушинскимъ. На противоположной сторонѣ этой рѣки берегъ опять возвышается, гдѣ нѣсколько ручьевъ, прорѣзывая его и низвергаясь въ Койсу, образуютъ отлогія ущелья, воздѣланныя полями и садами. По ту сторону природа казалась нѣсколько живѣе, возвышенности нѣсколько разступились, и между ними и по отлогостямъ зеленая травка веселила глаза, уже давно ея невидавшіе. Пока я спускался съ горы между садовъ, шумъ рѣки дѣлался все болѣе и болѣе и наконецъ до того усилился, что я, предположивъ что нибудь особенное, поспѣшилъ внизъ. И дѣйствительно, я увидѣлъ одно изъ такъ называемыхъ чудесъ природы — *Хаджалмакинскій водопадъ*. Большая страшная рѣка Койсу, какъ Терекъ въ Дарьялѣ, несется среди грознаго ущелья, и на четверть версты паденіе ея дѣлается такъ круто, что взбитыя пѣной волны не льются, а прыгаютъ одна черезъ другую, отдѣляясь отъ поверхности воды и несясь въ воздухѣ, какъ бы испуганное стадо барановъ, стремглавъ бѣгущее съ горы; и вдругъ эти клубящіяся и яростныя волны останавливаются, вздымаются, кружатся и нѣсколькими потоками, со всѣхъ сторонъ падаютъ въ каменный, сажени четыре въ діаметрѣ и глубиною бассейнъ, — и можете вообразить, что дѣлаетъ такая страшная сила въ такомъ тѣсномъ пространствѣ! Вода кипитъ и клокочетъ какъ въ котлѣ, крупные брызги лучами мечутся въ разныя стороны и разбиваются въ пары, шумъ оглушаетъ уши, и скалы дрожатъ подъ ногами. Но вотъ вода вырывается изъ этого минутнаго заключенія, многими узкими водопадами низвергается еще сажени на четыре ниже и — исчезаетъ! Только слышны подъ ногами страшные

стоны этого доселѣ необузданнаго исполина, встрѣтившаго теперь крѣпкую и непреодолимою преграду своему бурному стремленію, да сквозь трещину не шире аршина можно видѣть въ глубинѣ саженей на восемь его страшныя усилія вырваться изъ этого непривычнаго плѣна. Такимъ образомъ, саженей на сорокъ вся рѣка проходитъ глубоко подъ землею или скалою и потомъ опять вырывается на свободу и несется по ущелью. Верстъ пять ниже, она соединяется съ другой такой же рѣкой, Кара-Койсу, и говорятъ, что тамъ есть водопадъ гораздо больше и страшнѣе Хаджалмакинскаго; но походному наблюдателю нѣтъ возможности отлучиться въ сторону.

Мы переѣхали эту большую рѣку по самому маленькому мостику изъ нѣсколькихъ бревенъ, положенныхъ чрезъ трещину. На другой сторонѣ находится небольшая деревушка, отъ которой начался крутой подъемъ, и уже очень поздно мы выбрались на вершину его и остановились ночевать на небольшой площадкѣ. Здѣсь уже началось *Судахаринское* общество, подобное Акушинскому, но гораздо его менѣе.

Мая 15.

Съ ночлега дорога пошла самая дурная: то подвигалась довольно круто, то спускалась почти перпендикулярно, а ежели и попадалась ровная, то смѣжныя поля такъ ее стѣсняли, что нужно было разбирать окружающія ихъ каменныя стѣны. И какихъ трудовъ стоило подымать и спускать по этой дорогѣ артиллерію и наши артельныя повозки! Въ иномъ мѣстѣ она шла по самой закраинѣ обрывовъ, и чтобы не допустить повозку опрокинуться въ пропасть, нѣсколько человѣкъ ухватывались за веревки и такимъ образомъ поддерживали ее. Но малѣйшая неосторожность — и повозка обрывалась и увлекала съ собою лошадей и людей. Уже нѣсколько было такихъ случаевъ, и кромѣ лошадей погибло три человѣка фурлейтовъ. Отъ этихъ затрудненій, почти на каждомъ шагу встрѣчающихся, обозъ безпрестанно ломался, останавливался и растянулся по дорогѣ на большое пространство. Я, какъ имѣющій лошадь, былъ посылаемъ безпрестанно для узнанія о причинѣ остановки обоза....

Мы еще были въ такой сторонѣ, гдѣ жители считали насъ за временныхъ гостей. Дорогою мнѣ встрѣчалось человѣкъ по десяти лезгинъ. Они были вооружены кинжалами, длинными пистолетами,

а нѣкоторые ружьями и шашками, но никого не трогали и преспокойно погоняли своихъ ишаковъ.

Перевалясь чрезъ гору, я былъ восхищенъ чудесною картиною природы и искусства человѣческаго. Посреди широкаго разступа горъ возвышается, до половины ихъ, совершенно голый, огромный каменный бугоръ, который какъ бы нарочно сверху до низу расколотъ по поламъ узкою и извилистою трещиною, изъ которой внизу струится чистый ручеекъ, а наверху, надъ самой закраиной, по обѣимъ ея сторонамъ, возвышаются какъ бы перпендикулярныя скалы — сакли небольшой деревушки *Копали*. Густые, зеленые сады, ее окружающіе, составляютъ прекрасный контрастъ съ этою голою выдавшеюся изъ нихъ глыбою, и это мѣсто показалось мнѣ самымъ картиннымъ изъ всѣхъ доселѣ видѣнныхъ. Когда мы вошли въ эту трещину, которая сходится надъ головою, насъ обдала пріятная прохлада; въ одной сторонѣ была пещера, и, пройдя этими воротами саженей пятьдесять, мы опять увидѣли равнину, покрытую садами. Возлѣ деревни мы остановились ожидать обоза. Насъ оступили любопытные жители, одѣтые также, какъ и акушинцы. Я хотѣлъ было вступить съ ними въ разговоръ; но они ни слова не понимали по татарски, а лезгинскаго переводчика не было. Я забылъ сказать,что здѣшніе и акушинскіе лезгины ни слова не знаютъ по татарски, исключая немногихъ, тогда какъ этотъ языкъ есть почти общій на Кавказѣ, — и отъ этого выходили иногда смѣшныя сцены между лезгинами и солдатами. Однажды солдатъ покупалъ у лезгина чуреки. Воображая, что съ своимъ *яманъ* и *якши* онъ можетъ пройти весь Кавказъ, солдатъ началъ говорить по татарски и съ лезгиномъ; но тотъ, не понимая его, чирикалъ ему по своему, чего солдатъ не могъ принять даже за какой либо языкъ.— «Глянь, глянь, сказалъ солдатъ своимъ товарищамъ. — Вотъ такъ диво! Татаринъ не знаетъ по татарски!» — Но это было еще въ началѣ похода, а теперь сметливые солдаты начали уже говорить и по лезгински. Почти всѣ жители Копали курили табакъ, изъ маленькихъ глиняныхъ или мѣдныхъ трубокъ, довольно искусно сдѣланныхъ. У одного изъ нихъ за полтину серебромъ я купилъ очень миленькую небольшую трубочку, сдѣланную изъ какого-то жолтаго камня, оправленную серебромъ и очень искусно оплетенную тоненькою серебряною проволокою; эту трубочку я потомъ переслалъ домой, гдѣ всѣ видѣвшіе ее не хотѣли вѣрить,чтобъ она была азіятской работы. Намъ очень пріятно было видѣть здѣшнихъ жителей курящими трубки: это означало, что они и знать не хотѣли мюридскаго ученья, которое строго запрещаетъ курить табакъ.

Отъ деревни версты на четыре идетъ ровная дорога, и змѣй дневной исчезалъ въ густой тѣни вѣковыхъ садовъ. Плодовитые абрикосы, раскидистыя яблони и столѣтніе орѣхи манили меня подъ кровъ свой, и я уже хотѣлъ было отдохнуть подъ однимъ изъ нихъ, какъ вдругъ увидѣлъ — что бы вы думали? — милую свою землячку, березу!... Съ тѣхъ поръ какъ я на Кавказѣ, я еще въ первый разъ увидѣлъ это дерево.... и могъ ли я не предпочесть его всѣмъ прочимъ? Я легъ въ тѣни его, вспомнилъ свои родныя рощи, и слеза упала на нумеръ моей мѣдной пуговицы....

Пройдя далѣе, въ самихъ садахъ, находится небольшая деревушка *Оскальды*, которой жители продавали намъ яблоки и грецкіе орѣхи; а по выходѣ изъ садовъ, вправо, по горѣ, виднѣются уединенныя сакли и возлѣ одной изъ нихъ тоненькая какъ столбъ высокая башенка, вѣроятно минаретъ мечети. Тамъ и сямъ растутъ одинокія рааны и абрикосовыя деревья.

Я. КОСТЕНЕЦКІЙ.

ЗАПИСКИ

ОБЪ АВАРСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ НА КАВКАЗѢ

1837 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Лагерь на рѣкѣ Кара-койсу. Мая 19.

Шестнадцатое мая мы простояли на одномъ мѣстѣ, на самомъ высшемъ пунктѣ дороги отъ рѣки Акушинскаго койсу до Кара-койсу. Оттуда уже начинался опять трудный спускъ къ этой послѣдней рѣчкѣ, который требовалъ большой обработки. Лагерь нашъ былъ расположенъ на небольшой равнинѣ между вершинами двухъ горъ, изъ которыхъ правая возвышалась совершенно отвѣсно гладкою гранитною стѣною. На вершинѣ ея былъ поставленъ нашъ пикетъ, и изъ любопытства я вскарабкался туда по трещинамъ и впадинамъ. Открылся видъ очаровательный! Кругомъ на далекое про-

странство виднѣются вершины горъ, то въ видѣ конуса, то въ видѣ остраго гребня, и между ними или зеленѣются населенныя долины, или чернѣются дикія ущелья. Заходящее солнце, то ярко освѣщая какую либо долину, то бросая черную тѣнь въ ущелье, то преломляясь въ разнообразныхъ формахъ какъ снѣгъ бѣлѣющихся облаковъ, придавало чудный колоритъ этой картинѣ. А облака!... вотъ они какъ волны морскія хлынули въ широкую пропасть и бушуютъ тамъ, то вздымаясь волнами, то разверзаясь бездною, то ударяясь о гранитные берега высокихъ скалъ, какъ острова изъ нихъ возвышающихся. А тамъ они широкою пеленою обвили конусообразную вершину и, обагренныя солнечными лучами, горятъ и дымятся и превращаютъ спокойную ея поверхность въ огнедышащій кратеръ. Долго я любовался этимъ истинно великолѣпнымъ зрѣлищемъ и очень жалѣлъ, что не было никого со мной, кто могъ бы мнѣ поименовать всѣ видимыя верхушки горъ, долинъ и деревень: тутъ, мнѣ кажется, можно было просмотрѣть географію половины Кавказа. Нарвавъ какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ душистыхъ бѣлыхъ цвѣтовъ и чебру, который тамъ составляетъ почти единственную траву, я спустился въ лагерь.

Дневка прошла въ большихъ хлопотахъ о починкахъ и передѣлкахъ то обоза, то вьюковъ. Лошади наши были пущены на плохой подножный кормъ, и многія изъ нихъ, взобравшись на крутизны, обрывались и убивались. Жители привезли на ишакахъ своихъ продавать намъ ячмень, чуреки, сѣно, дрова и прочее. Но все это было еще дороже прежняго. Четверикъ ячменю обходился почти въ три рубля ассигнаціями, вязанка сѣна въ полъ-пуда — два двугривенныхъ, и столькожъ такая же вязанка дровъ. Офицеры боялись, что за дороговизною имъ прійдется бросить лошадей; а солдатскія артели еще болѣе страдали. Здѣшніе таулинцы тоже не любили нашихъ мѣдныхъ денегъ и мѣняли ихъ намъ на серебро очень выгодно. До сихъ поръ отрядъ нашъ не былъ еще тревожимъ никакою непріятельскою партіею; но иногда попадались два-три туземца, можетъ быть, посланные отъ Шамиля лазутчики, которые стрѣляли по отсталымъ; и во время дневки поймали двухъ лезгинъ, которые хотѣли взять или убить одного солдата. Уже схватили восемь человѣкъ такихъ разбойниковъ во время всего похода. Но этихъ рѣдкихъ случаевъ, очень обыкновенныхъ, нельзя было приписывать цѣлому народу, который вообще былъ къ намъ очень миролюбивъ.

На другой день начали мы спускаться къ Кара-койсу, который былъ отъ насъ верстахъ въ пяти, въ широкое ущелье. Лѣвая сторона его была отлога и поросла травою, а правая — утесиста, и въ трещинахъ ея и наверху виднѣлись какія-то тощія деревья. Спускъ

былъ самый крутой и дорога почти вся продѣлана нами. Въ иномъ мѣстѣ она прорѣзана была въ косогорѣ, въ другомъ — почти отвѣсно спускалась въ оврагъ, откуда зигзагами вилась въ гору и опять спускалась. Лошади и люди страшно мучились отъ неимовѣрныхъ усилій при подъемахъ и спускахъ обоза, и прежнія сцены суматохи, ломки, крика, паденія и ушибовъ повторялись.

Насилу къ вечеру спустились мы къ Кара-койсу, гдѣ, на небольшой каменистой площадкѣ, былъ уже расположенъ лагерь нашей первой колонны. Рѣка въ этомъ мѣстѣ не очень широка, но, какъ обыкновенно, быстра; глубина также незначительна, даже есть бродъ не глубже аршина. Названіе Кара-койсу, что значитъ Черный койсу, вѣроятно, получила эта рѣка отъ своей мутной воды, совсѣмъ отличной отъ прозрачныхъ водъ другихъ рѣкъ. Она гораздо менѣе Акушинскаго койсу. На берегу ея, между множествомъ разной величины и цвѣта камешковъ, находили много небольшихъ кусковъ кобальта съ мѣдными зернами, который солдаты считали за золотую руду, предполагая, что въ такихъ горахъ непремѣнно должно быть золото. Не знаю, были ли предпріятія отыскивать въ Кавказскихъ горахъ золотые или серебряные рудники; но мнѣ никогда не случалось даже и слышать о нихъ. Помню только однажды разсказывалъ мнѣ генералъ Клюге-фонъ-Клюгенау, что онъ собиралъ объ этомъ свѣдѣнія, и что одинъ тавлинецъ привезъ ему переметную сумку какого-то песку, въ которомъ будто бы находились частицы золота; этотъ песокъ генералъ отправилъ въ Тифлисъ на разсмотрѣніе, но, вѣроятно, въ немъ не нашли ни зерна золота; дѣло это не имѣло никакихъ послѣдствій.

У Кара-койсу оканчивается Судакаринское общество. По ту сторону начинается уже Андалайское общество, простирающееся до Аварскаго койсу, за которымъ начинается прежняя Аварія.

На другой день, который мы должны были простоять какъ для отдыха, такъ и потому, что еще не была готова впереди дорога, я пошелъ ближе разсмотрѣть чудеснѣйшую картину природы, находившуюся предъ нашими глазами: это *Салтинская* трещина, изъ которой вырывался Кара-койсу. Двѣ горы почти до половины своей высоты соединяются между собою гранитнымъ голымъ перешейкомъ, перпендикулярною стѣною замыкающимъ небольшую площадку, на которой мы стояли лагеремъ. Этотъ перешеекъ съ верху до низу, саженей на сто, расколотъ узкою, неправильною трещиною - единственнымъ проходомъ Койсу. У основанія трещины устроенъ узенькій пѣшеходный мостикъ, изъ нѣсколькихъ бревенъ, черезъ рѣку, не болѣе сажени шириною въ томъ мѣстѣ, и къ нему ведетъ узкая, въ самой скалѣ продѣланная тропинка. Я долго стоялъ

на мостикѣ и разсматривалъ безобразную и мрачную внутренность этой трещины, которая сверху закрывалась нависшими камнями, а въ глубь терялась въ изгибахъ. Мутныя воды Койсу жестоко терзались въ этомъ тѣсномъ для нихъ проходѣ и быстро стремились изъ этихъ адскихъ воротъ на просторъ, на свободу. Не вдалекѣ отъ мостика находится небольшая усадьба, каменная сакля, огороженная стѣною съ надворотною башенкой, вѣроятно, устроенной для защиты этого прохода; а возлѣ небольшой садикъ съ абрикосами и тополями. Этотъ маленькій замокъ на крутомъ берегу рѣки, у подошвы перпендикулярной скалы, возлѣ мрачной трещины, извергающей шумныя волны, чрезъ которыя перекинутъ фантастическій мостикъ, эта зелень съ своими тополями и абрикосами на черномъ фонѣ окружающихъ скалъ такъ и просятся на бумагу, и я жестоко сожалѣлъ, что не владѣлъ драгоцѣннымъ искусствомъ живописи, которымъ бы могъ гораздо явственнѣе изобразить эти дивные виды, нежели моимъ слабымъ описаніемъ. Да! я объ этомъ жалѣлъ уже не въ первомъ этомъ мѣстѣ! Много встрѣчалъ я такихъ видовъ, которые очаровали бы зрѣніе въ картинѣ, но утомятъ воображеніе въ описаніи. Я хотѣлъ было обратиться съ просьбою къ кому либо другому; но, къ сожалѣнію, между моими пріятелями не было ни одного, который бы умѣлъ рисовать.... Какъ вспомнилъ я французовъ или англичанъ, которые въ какую бы сторону ни проникли, тотчасъ ее опишутъ, срисуютъ, распубликуютъ и прославятъ свои подвиги, иногда самые ничтожные, то не могъ удержаться отъ досады, что съ такими неимовѣрными усиліями открываемыя нами мѣста, такъ интересныя для насъ и цѣлой Европы, не умѣлъ описать въ подробности. И вотъ отъ какого чувства родились эти недостаточныя мои записки, которыя если когда нибудь будутъ изданы, то пусть лучше обнаружатъ мое невѣжество и малую ученость, да хотя сколько нибудь сдѣлаютъ извѣстными и нѣкоторыя частности нашихъ подвиговъ, и тѣ дивныя картины природы, которыхъ прежде насъ никто не видалъ изъ русскихъ, и на которыя взглянуть намъ стоило такого суворовскаго похода.

Налюбовавшись съ моста на Салтинскую трещину, я вздумалъ посмотрѣть, что̀ тамъ такое за этою каменною стѣною, и какъ на одной изъ вершинъ находился нашъ наблюдательный пикетъ, то я рѣшился, во что̀ бы то ни стало, взобраться наверхъ. Это мнѣ стоило большихъ и самыхъ отважныхъ усилій. Въ иномъ мѣстѣ я принужденъ былъ карабкаться по совершенно голому и скользкому камню, хватаясь руками за кустики травы, растущей между камнями, и хотя погибель моя была бы неизбѣжна, еслибъ оборвалась эта невѣрная опора, но любопытство преодолѣвало опасность, и я былъ

увѣренъ въ пріобрѣтенномъ мной навыкѣ взбираться на самые трудные всходы. Я достигъ вершины и былъ вполнѣ вознагражденъ за мой рискъ! Я сталъ надъ самымъ краемъ трещины, и когда заглянулъ внизъ, мнѣ казалось, что я вижу бездну, чрезъ которую демоны выходятъ изъ своего подземнаго царства на нашу землю. Рѣки въ глубинѣ не было видно; но ревъ ея глухо повторялся трепещущими скалами и жалобно раздавался въ безднѣ. Трещина эта, длиною не болѣе шестидесяти сажень, въ срединѣ нѣсколько расширяется, но въ противоположномъ концѣ опять съуживается, и бока ея, сходясь вверху между собой, закрываютъ горизонтъ и образуютъ какъ бы небольшое готическое окно, чрезъ которое, какъ чрезъ отверстіе панорамы, раскрылась передо мной восхитительная, именно какъ будто нарисованная картина. Вдали виднѣлась небольшая углубленная, ярко зеленѣющая долина, полукружно обставленная разнообразными горами. Изъ средины долины восходятъ почти правильнымъ амфитеатромъ широкія, покрытыя зеленѣющими хлѣбами террасы, въ иномъ мѣстѣ обсаженныя деревьями, въ другомъ открытыя, отчего онѣ кажутся издали какъ бы разбросанными аллеями. Четыре миніатюрныя деревушки: Ахачаларъ, Салдаларъ, Худаларъ и Гаддукларъ, какъ называли мнѣ ихъ впослѣдствіи, ярко бѣлѣлись между темною зеленью садовъ и придавали еще болѣе прелести этой воздѣланной долинѣ. По другую сторону трещины нѣсколько человѣкъ лезгинъ по ребрамъ крутого ската продѣлывали тропинку, вѣроятно, для соединенія съ видимою мной долиною, и рвали порохомъ камни, которые не позволяли обойти себя, что́ меня необыкновенно удивило: я зналъ, какъ дорогъ въ горахъ порохъ. Съ горы спускался я уже не съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ всходилъ на нее, и потому избралъ хоть дальнѣйшую, но удобнѣйшую покатость.

Возвратясь въ лагерь, я нашелъ цѣлый базаръ. Жители понавезли обыкновенныхъ своихъ произведеній и продавали также дорого, какъ прежде. Лезгины вообще веселаго характера, любятъ говорить, смѣяться, пѣть, плясать, и я при удобномъ случаѣ всегда любилъ пошутить съ ними. Когда я вошелъ въ толпу покупателей, мнѣ очень понравилась улыбающаяся и беззаботная физіономія одного лезгина, который сидѣлъ, какъ на пуховикѣ, на своемъ огромномъ мѣшкѣ съ саманомъ и продавалъ свѣжія красныя яблоки. Подозвавъ солдата, нѣсколько знавшаго по тавлински, я съ однимъ изъ товарищей подошелъ къ нему, сѣлъ рядомъ съ нимъ на мѣшкѣ и сказалъ, что мы его кунаки, и пришли къ нему въ гости, изъявляя ему пантомимами самыя дружескія привѣтствія. Онъ тотчасъ понялъ шутку, вскочилъ съ мѣста, началъ намъ кланяться, выражалъ радость сви-

данія съ такими друзьями и началъ угощать насъ яблоками съ самою радушною миною. Мы съѣли съ-десятокъ яблокъ и, пошутивъ съ нимъ, стали прощаться съ большими церемоніями: жали ему руки и просили о продолженіи знакомства, на что и онъ отвѣчалъ самыми привѣтливыми гримасами и словами. Я ждалъ, однакожь, не потребуетъ ли онъ денегъ за яблоки; но ничего не бывало, и мы разстались съ нимъ совершенными кунаками. Чрезъ нѣсколько времени, я опять пришелъ къ нему и на силу могъ упросить его взять отъ меня гривенникъ, не за яблоки, а такъ — въ подарокъ.

Мая 19-го мы цѣлый день переправлялись въ бродъ чрезъ Каракойсу и подымались на противоположный крутой берегъ, гдѣ опять повторились съ обозомъ всѣ прежнія затрудненія. Каждая пушка запряжена была десятью лошадьми; но подъемъ былъ такъ крутъ, что къ каждому орудію прибавляли еще по двадцати солдатъ, которые тащили орудія за веревки. Чтобы уменьшить обозъ, генералъ велѣлъ изрубить огромные лазаретные фургоны. На ночлегъ остановились довольно высоко на другомъ берегу Койсу, и оттуда я еще разъ увидѣлъ ту долину, которую разсматривалъ сквозь окно трещины. Глазъ обнималъ далекое пространство, и я замѣтилъ, что цѣпи горъ или ряды ихъ вершинъ идутъ въ одномъ направленіи — съ востока на западъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нихъ виднѣлись сосны, только здѣсь въ нѣдрахъ горъ растущія, а нигдѣ болѣе на всемъ Кавказѣ.

Лагерь близь Аварскаго койсу. Мая 23.

На другой день мы двинулись далѣе. Въ началѣ дорога шла по руслу ручья, по ущелью котораго раскинуты въ разныхъ мѣстахъ живописныя сакли, съ полями и деревьями, и въ одномъ мѣстѣ, съ правой стороны, съ значительной высоты низвергался небольшой водопадъ чистѣйшей воды. Потомъ начался опять подъемъ, и самый худшій изъ всѣхъ пройденныхъ нами. Нужно было подниматься версты три въ гору по каменистой и крутой дорогѣ, и едва къ вечеру добрались мы до небольшой деревушки *Мурада*, красиво разбросанной по холмамъ. Я подошелъ къ саклѣ муллы и, купивши у него молока и чуреков, съ большимъ аппетитомъ утолялъ свой голодъ; такъ какъ онъ нѣсколько говорилъ по татарски, то я узналъ отъ него, что у нихъ Кара-койсу называется *Орду* малый, а Аварскій койсу — *Орду* большой. Эта деревушка достопримѣчательна тѣмъ, что, имѣя дворовъ пятнадцать, она населена была однимъ семействомъ, котораго родоначальники были еще живы; и я пошелъ посмотрѣть ихъ.

Старикъ, которому, какъ говорили, было сто-двадцать-пять лѣтъ, и старуха — ста-семнадцати, сидѣли на галлереѣ, завернувшись въ шубы, и грѣлись на солнцѣ. Я былъ пораженъ такою необыкновенною дряхлостію. Старикъ уже почти ничего не видѣлъ и едва слышалъ; лицо худое, зеленое, избражденное глубокими морщинами; вмѣсто глазъ видно было только два красныхъ пятна, и небольшая борода висѣла не сѣдыми, а зеленоватыми клочками. Станъ, нѣкогда высокій, теперь согбенъ былъ дугою, и старикъ едва могъ сидѣть, прислонясь къ стѣнѣ. Но все же онъ былъ бодрѣе жены своей. Такой дряхлой и безобразной старухи я еще никогда не видывалъ, хотя кавказскія женщины, такъ красивыя въ молодости, дѣлаются самыми безобразными въ старости. Жолто-зеленая кожа лица ея висѣла безчисленными и неправильными складками, подбородокъ отдѣлился отъ верхней челюсти, сѣдыя космы волосъ въ безпорядкѣ падали изъ подъ головной тряпки, и вся она тряслась какъ будто въ лихорадкѣ. Вотъ истинно рѣдкая чета! Но, признаюсь, я не желалъ бы дожить до такой старости. Возлѣ нихъ стояли два сына, сѣдые какъ лунь, прислонясь къ стѣнѣ и опершись на свои палки; далѣе было нѣсколько женщинъ и дѣтей, вѣроятно, правнуковъ и праправнуковъ. Всего у стариковъ было четыре сына и шесть дочерей, отъ которыхъ размножилось душъ до ста народонаселенія этой деревни.

Вечеръ былъ очаровательный. Все время погода намъ благопріятствовала; а будь дожди, мы бы еще болѣе мучились съ обозомъ. Въ горахъ вечера и утра самые пріятнѣйшіе, какіе гдѣ либо можно встрѣтить, и какъ солнце нескоро показывается изъ за горъ, а скрывается за нихъ очень скоро, то они бываютъ продолжительны и прохладны.

Отъ деревни Мурада все еще продолжался подъемъ. Лошади наши совершенно выбились изъ силъ, и одни люди должны были везти обозъ; цѣлая рота едва тянула одну повозку и, втащивъ ее на возвышенность, возвращалась брать другую. Да не утомится мой читатель описаніемъ трудовъ нашихъ съ обозомъ. Мнѣ и самому наскучило повторять одно и тоже; но мнѣ хочется, чтобы усилія наши врѣзались въ его памяти, какъ они врѣзались въ нашемъ сердцѣ, и чтобы онъ понялъ, что́ значитъ одинъ только походъ на Кавказѣ, самъ по себѣ, не говоря уже о битвахъ и опасностяхъ. Мы ночевали безъ палатокъ, потому что негдѣ было разбить ихъ.

На другой день, несмотря на хлопоты и заботы, я не могъ налюбоваться прекраснымъ утромъ, которое какъ-то особенно меня поразило въ этомъ мѣстѣ. Еще солнце не показалось изъ за горъ, но уже лучи его давно отражались на макушкахъ вершинъ и, медленно съ нихъ опускаясь, блестящею пеленою ложились по зелени

ихъ отлогостей. Молочныя облака, глыбами покоившіяся въ долинахъ, пробужденныя дыханіемъ вѣтерка, какъ бы неохотно оставляли теплое свое ложе и, будто полусонныя, еще долго качались на бархатныхъ зеленыхъ его покровахъ и потомъ медленно начали подыматься, одѣваться въ золотыя, волнистыя свои пелены и улетали въ разныя стороны—искать самыхъ вкусныхъ поэтическихъ завтраковъ, какіе земля приготовила для нихъ изъ тончайшихъ паровъ своихъ водъ и растеній. Воздухъ былъ свѣжъ и легокъ, прекрасное голубое небо какъ будто сквозилось, и легкіе жаворонки весело щебетали въ его эфирѣ. Все было такъ упоительно, такъ величественно, что невольно погружаешься въ какое-то безотчетное созерцаніе, нѣмое благоговѣніе предъ великимъ Творцомъ этой чудной картины!... И каково было послѣ этого взглянуть на нашъ шумный отрядъ, который нарушалъ эту завѣтную тишину! Каково было смотрѣть на эти исполинскіе усилія человѣка, на его изумительную борьбу посреди такого всеобщаго покоя! Казалось, даже окрестная природа дивилась этому новому для нея зрѣлищу, даже скалы какъ будто съ робостію повторяли незнакомое для нихъ эхо и торопливо выглядывали одна изъ за другой на это отъ вѣчности не виданное ими явленіе. А что сказать о человѣкѣ, о туземцахъ, никогда не оставлявшихъ своей долины! Для нихъ наша пушка или повозка казались тѣмъ, чѣмъ колумбовъ корабль американцамъ, и такой грозный отрядъ, большою массою смѣло идущій тамъ, гдѣ они едва поодиначкѣ пробирались, дѣйствительно, наводилъ на нихъ страхъ и изумленіе!

Поднявшись на гору, я еще разъ полюбовался обширнымъ окрестнымъ видомъ. Между разнообразными вершинами горъ, налѣво, показалась одна покрытая снѣгомъ, что означало направленіе въ томъ мѣстѣ главнаго Кавказскаго хребта. Съ горы опять начался трудный спускъ до самого Койсу. Лѣвая сторона ущелья, въ которое мы спускались, мѣстами поросла густымъ березовымъ и сосновымъ мелкимъ лѣсомъ, а правая была утесиста. Мая 21 мы опять догнали нашу первую колонну и остановились отъ нея версты за двѣ, на небольшой площадкѣ, обставленной грозными скалами, и посреди которой протекалъ ручеекъ превосходной воды.

На другой день, взявъ ружье, своего неразлучнаго спутника, пошелъ я къ первой колоннѣ. Тѣсное и нависшее ущелье, котораго камни грозили паденіемъ, и въ которомъ журчалъ ручей, привело меня къ самому лагерю. Онъ былъ расположенъ на берегу Аварскаго койсу, на такой же почти, какъ и нашъ лагерь, небольшой площадкѣ, только гораздо ея живописнѣе. Но первое мое вниманіе было обращено на поразившій меня искуственный и единствен-

ный во всей этой странѣ каменный мостъ. Онъ построенъ изъ тесанаго камня, сложеннаго на извести, на трехъ аркахъ, изъ которыхъ средняя больше прочихъ и имѣетъ сажени двѣ въ поперечникѣ. Весь мостъ длиною саженей десять, шириною въ сажень и по сторонамъ огороженъ въ аршинъ высокою стѣною. У входа стоитъ каменная двухъ-этажная башня (гдѣ постоянно находится караулъ) съ двумя толстыми деревянными воротами и бойницами. Мостъ этотъ называется *Карадахскимъ*, по имени общества, которому принадлежитъ и которому онъ служитъ и соединеніемъ съ Аваріей и защитой отъ ея нападеній. Устройство его обнаруживаетъ свѣдѣнія въ архитектурѣ, изумительныя для народа, уже нѣсколько столѣтій запершагося въ своей удаленной и уединенной долинѣ.

Окрестный видъ изъ глубины площадки, гдѣ находился лагерь, понравился мнѣ своею новостію. Въ одномъ мѣстѣ, скалы образуютъ родъ полукруглыхъ, высокихъ, но узкихъ воротъ, которыя служатъ единственнымъ съ этой стороны входомъ въ обширную долину Карадахскаго общества; въ другомъ, сквозь промежутокъ угломъ расходящихся вершинъ, виднѣется гора, огромнѣе всѣхъ другихъ и совершенно отличнаго отъ прочихъ, страннаго вида. Она походитъ на какое-то огромное, старинное зданіе, въ четыре или пять этажей, изъ которыхъ верхній уже нижняго, и между каждымъ изъ нихъ находится покатая крыша. Крыши эти составляютъ зеленыя и совершенно правильныя отлогости горы, а стѣны ея—отвѣсные обрывы. Солдаты назвали ее монастыремъ. Это гора *Телитль*... На другой сторонѣ Койсу возвышается безплодная гора съ зеленѣющею на скатѣ ея деревнею. Тамъ саперная команда наша продѣлывала дорогу въ Хунзахъ, взрывая порохомъ цѣлыя скалы.

Взойдя на мостъ и опершись на его каменныя перилы, я долго любовался рѣкою. Она также велика, какъ и Акушинскій койсу, и теченіе ея въ этомъ мѣстѣ необыкновенно быстро. Она показывается изъ широкаго, большого ущелья, и саженей за сто отъ моста русло ея понижается, — волны бѣгутъ, прыгаютъ, разсыпаются и вдругъ, стѣсненныя нависшими гранитными берегами, кружатся, пѣнятся и съ быстротою молніи пролетаютъ сквозь арки моста. Я долго стоялъ надъ этою клокочащею пучиною, прислушивался къ грозному ея шуму и къ стуку вращаемыхъ ею на днѣ камней, и взоръ мой терялся въ изгибахъ ущелья, вверхъ рѣки восходящаго и далеко, почти до самаго главнаго хребта горъ, обозначаемаго отлогими возвышенностями.

Къ вечеру я возвратился въ свой лагерь и занялся приготовленіемъ себѣ ужина, который на этотъ разъ былъ великолѣпный. Супъ съ горской бараниной и на шомполѣ жареный шашлыкъ — да

это объяденье! Баранина здѣшняя не имѣетъ ничего общаго во вкусѣ съ прочей кавказской бараниной, не говоря уже о нашей. Здѣшніе бараны небольшого роста, менѣе даже нашихъ, но вкусомъ превосходятъ самую лучшую дичь. Между тѣмъ пошелъ дождь, котораго мы уже давно не видали, — и что за восхитительный дождь! Тихо, тепло, свѣтло — и вдругъ налетитъ облачко и разсыплется крупными ароматными каплями. Ночью, однакожь, шелъ довольно сильный дождь, и оживленная природа явилась поутру съ новыми своими красотами.

Мимо нашего лагеря проѣхала отъ генерала какая-то важная особа этого края — вѣроятно, старшина общества, но я не могъ узнать какого. Онъ сидѣлъ на маленькой лошади и былъ одѣтъ совершенно по персидски, исключая цилиндрической шапки и большихъ до колѣнъ, красныхъ сафьянныхъ сапоговъ. Его окружало множество тѣлохранителей тоже верхомъ, а впереди шло человѣкъ шесть пѣшихъ въ шубахъ и чухахъ, съ ружьями на плечахъ, и такъ скоро, что за ними конные ѣхали маленькой рысцой. Вообще, здѣшніе горцы, принужденные всѣ свои путешествія дѣлать пѣшкомъ, ходятъ необыкновенно скоро и неутомимо. Въ этотъ же день я видѣлъ, какъ два горца по острымъ и высокимъ скаламъ гонялись за козломъ, — ручнымъ или дикимъ, разсмотрѣть нельзя было, — и какіе отчаянные прыжки дѣлали они съ одного утеса на другой!

Деревня Готцатль. Мая 26.

Вечеромъ 23 мая перешли мы чрезъ Карадахскій мостъ на другую сторону рѣки и на берегу ея, немного поднявшись, ночевали. Такъ какъ перилы моста не позволяли пройти по немъ нашимъ повозкамъ, то ихъ разломали и изъ боязни, чтобы мостъ не обрушился — потому что надъ верхнею аркой онъ былъ не толще четверти аршина — на него намостили доски, бывшія у насъ въ запасѣ, и совершенно безопасно прошли по немъ. Итакъ, наконецъ мы въ Аваріи — въ той странѣ, которая до сихъ поръ была покрыта для насъ, какъ говорится, мракомъ неизвѣстности; но до сихъ поръ она еще ничѣмъ не отличалась отъ окрестныхъ мѣстъ. На мѣстѣ ночлега въ камняхъ находили скорпіоновъ; но они никого не укусили.

На другой день мы поднялись въ гору, и дорога шла параллельно Койсу, по его теченію. Съ одной возвышенности я оглянулся назадъ и увидѣлъ ярко зеленѣющую прелестную Карадахскую долину, уставленную правильными конусообразными, какъ изумрудъ зелеными, вершинами, и еще разъ, гораздо явственнѣе, изумитель-

ную по своей формѣ и съ значительнѣйшею предъ другими горами высотою гору Телитль, которая бросается тотчасъ въ глаза, когда войдешь въ этотъ лабиринтъ горъ и ущелій. Къ вечеру пошелъ дождь и погода сдѣлалась очаровательною, только горамъ свойственною. Горы, ущелья, скалы, долины, освѣщаемыя прежде знойнымъ солнцемъ и казавшіяся почти однообразными, теперь какъ будто приняли совсѣмъ другія формы, какъ будто вдругъ какой нибудь великій художникъ положилъ краски и тѣни на эту картину, прежде только слегка обрисованную. Тамъ вы видите одно ущелье, мрачное и глубокое, изъ котораго какъ дымъ вырываются черныя облака, — другое, напротивъ, сіяетъ всѣми отблесками раздробленныхъ его скалами лучей. Тамъ одна коническая вершина ярко зеленѣется на мрачномъ фонѣ за нею стоящей тучи, — другая какъ чалмой обвиваетъ облаками лысую свою голову. Солнце то затмится тучами, то прорвется гдѣ нибудь сквозь ихъ отверстіе и пучокъ расходящихся лучей бросится въ какую нибудь долину и разсыплется брильянтами по орошенной дождемъ зелени, а облака, какъ тѣни привидѣній, явившіяся по вызову колдуна, бродятъ по скаламъ, скатываются въ пропасти, кружатся около какой нибудь острой вершины, то вдругъ плотно сомкнутся и совершенно заслонятъ даль, то опять вытянутся длинной вереницей и образуютъ предъ вами длинную галлерею самыхъ чудныхъ видовъ. Одна изъ дождевыхъ тучь остановилась между двухъ горъ, закрывъ собою заходящее солнце, и вдругъ явилась чудеснѣйшая радужная арка, перекинутая съ одной вершины на другую. Эти картины природы до того были очаровательны, что даже солдаты, усталые и озабоченные, останавливались и смотрѣли на нихъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, и когда одна изъ радугъ вдругъ стала однимъ концемъ своимъ на камень, не далѣе десяти шаговъ отъ солдатъ, то они испугались и бѣжали, а послѣ начали подходить къ самой радугѣ и немало удивлялись, видя ее совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ они думали.

— Вотъ, братцы, говорятъ, что радуга тянетъ съ земли воду на небо, анъ вонъ на камнѣ, гдѣ она стоитъ, нѣтъ ни капли. Да это, просто такъ туманъ блеститъ отъ солнца! Чудная сила Господня!

Въ этомъ мѣстѣ дорога была хорошо обработана и шла по горѣ, направо скатывающейся къ Койсу. По ту сторону рѣки между горами виднѣлось множество долинъ, на которыхъ не было оставлено необработаннымъ ни одного удобнаго клочка земли. Можно уже теперь сказать, что на всемъ пройденномъ и даже только видѣнномъ нами пространствѣ горъ нѣтъ ни одной пустой, незаселенной долины, ни одной брошеной сажени земли, на которой можно что нибудь посѣять, и вообще народонаселеніе въ горахъ чрезвычайное и

несоразмѣрное съ количествомъ земли. Но горецъ очень неприхотливъ въ своей жизни и неимовѣрными трудами превращаетъ голую скалу въ плодоносное поле; за всѣмъ тѣмъ я увѣренъ, что здѣсь придется на душу не болѣе десяти саженей пахатной земли, что раздробленной на мелкія полоски. На этотъ случай есть анекдотъ, который можетъ быть и вымышленъ, но онъ очень вѣрно характеризуетъ эту страну. У одного тавлинца было три поля. Вспахавши, онъ пришелъ засѣвать ихъ пшеницею. Засѣялъ одно, засѣялъ другое, хотѣлъ засѣять и третье, но никакъ его не сыщетъ. Ужь онъ ходилъ, ходилъ, и вверхъ, и внизъ, и по сторонамъ, но поля нѣтъ какъ нѣтъ, хотя онъ очень хорошо зналъ его мѣсто. День склонялся уже къ вечеру, и суевѣрный лезгинъ, думая, что шайтанъ унесъ его поле, собирался итти домой, но едва снялъ съ земли свою бурку — глядь: подъ буркою его третье поле! Можете вообразить какія огромныя поля у горцевъ! Право, у насъ иногда бываютъ больше диваны въ комнатахъ.

Мы проходили деревню Малый Готцатль, мѣсто рожденія Гамзата, преемника Кази-муллы. Она стоитъ на косогорѣ, скатывающемся къ Койсу, и окружена большими виноградными и разныхъ деревъ садами. Эта деревня, какъ и Большой Готцатль, принимала сторону Гамзата, участвовала въ раззореніи Хунзаха и была за это, въ 1834 году, наказана нашимъ отрядомъ, пришедшимъ сюда отъ Гергебиля совсѣмъ другою дорогою, — и потому мы не нашли здѣсь жителей, которые всѣ бѣжали, узнавъ о нашемъ приближеніи. Авангардъ нашъ еще болѣе сдѣлалъ опустошенія, и потому деревня эта представляла кучу развалинъ, мрачныхъ и однообразныхъ. Дворы въ ней такъ были между собой стѣснены, что едва оставлено нѣсколько узкихъ проходовъ, и такъ застроены, что не узнаешь, гдѣ оканчивается одинъ и начинается другой домъ. Такъ какъ деревня расположена на крутомъ косогорѣ, то сакли стоятъ почти одна надъ другою, и, войдя снизу въ одну, вы увидите въ срединѣ ея, вверху, маленькую дверь, которая ведетъ въ другую, выше стоящую саклю, а изъ этой еще выше въ третью. Таково внутреннее устройство почти всѣхъ горскихъ ауловъ, и какъ дома прилѣплены одинъ къ другому, то въ случаѣ нападенія непріятеля жители проламываютъ стѣны и такимъ образомъ весь аулъ дѣлается какъ бы однимъ домомъ, въ которомъ безчисленное множество саклей, темныхъ переходовъ, закоулковъ; и можете вообразить, чего стоитъ битва въ такихъ аулахъ, когда жители не уйдутъ изъ нихъ, а рѣшаться драться до послѣдней капли крови. Въ сакляхъ нѣтъ ни куска желѣза. Одинъ камень съ глиной и скудное дерево. Отсюда версты двѣ до Большого Готцатля дорога идетъ между садами все же параллельно Койсу, но не-

много не доходя до деревни поворачиваетъ налѣво подъ прямымъ угломъ, въ широкое ущелье, въ которомъ течетъ ручеекъ, впадающій далѣе въ Койсу.

Большой Готцатль также весь въ развалинахъ. Это одна изъ огромнѣйшихъ деревень Аваріи, которая, чувствуя свою силу и крѣпость мѣстоположенія, часто спорила съ Хунзахомъ и дѣлалась отъ аварскихъ хановъ независимою. Она стоитъ на одной изъ покатостей ущелья; съ одной стороны виситъ надъ высокимъ обрывомъ, а съ другой окружена огромными садами. Въ ней болѣе пяти-сотъ домовъ, которые теперь были почти всѣ въ развалинахъ. Галки и голуби летали по стѣнамъ ихъ. Иные изъ домовъ очень велики и архитектура принаровлена къ мѣстности, такъ что одна сторона дома, которая къ горѣ, въ одинъ этажъ, а другая въ два и даже три этажа, съ узкими высокими четвероугольными, а въ иныхъ и полукруглыми окнами. Самое большое строеніе мечеть. Она стоитъ внизу на углу деревни съ четвероугольною башнею и полукруглою дверью, впрочемъ, въ остальномъ совершенно схожа съ другими саклями.

Въ садахъ нашли восемь мужчинъ и женщинъ, скрывавшихся тамъ отъ насъ.

Мая 26-го на разсвѣтѣ генералъ подъѣхалъ къ нашей колоннѣ и скомандовалъ маршъ. Солдаты налегкѣ за нимъ послѣдовали. Нашъ второй батальонъ Куринскаго полка двинулся внизъ по ущелью къ Койсу. Нѣсколько семействъ жителей Готцатля укрывались тамъ на неприступныхъ скалахъ и въ пещерахъ, и мы хотѣли взять ихъ. Но всѣ наши усилія были тщетны. Безопасные въ своихъ пещерахъ, до которыхъ не было никакой возможности скоро добраться, они прехладнокровно по насъ стрѣляли, троихъ солдатъ убили, двоихъ ранили, и мы, не желая напрасно терять людей и время, оставили ихъ въ покоѣ, захвативъ только нѣсколько штукъ коровъ и козъ. По окончаніи этой незначительной перестрѣлки, мы двинулись къ Хунзаху, тревожимые только необыкновенно крупнымъ дождемъ и громомъ.

Мая 27.

Верстахъ въ осьми отъ Готцатля мы ночевали возлѣ небольшой деревушки *Гарикуля*. Дорога, довольно сносная, шла по широкому ущелью, почти незамѣтно возвышаясь. Лѣвая сторона ущелья коегдѣ зеленѣлась травкою и тощими березками, правая же совершенно безплодна. Гарикуля находится на лѣвой сторонѣ ущелья, почти у самой его вершины. Ея сѣрыя, полуразрушенныя сакли похожи бо-

лѣе на пещеры въ скалахъ, и только узенькія полоски полей, изрѣдка обсаженныхъ деревьями, обнаруживали существованіе въ нихъ человѣка.

Дождь продолжался, сдѣлавшись наконецъ несноснымъ. Едва можно было усидѣть подъ воздушной палаткой, и только непромокаемая солдатская шинель была надежнымъ оплотомъ дрожавшему тѣлу. Даже нельзя было сварить чаю, котораго я такъ жаждалъ. Сидя въ открытой палаткѣ съ товарищами и начиная уже сердиться на природу, мы увидѣли, высоко на скалѣ, аварца, который съ ружьемъ на плечахъ, съ чрезвычайною легкостію спускался внизъ и оглашалъ окрестность своею оригинальною пѣснью. Когда онъ сошелъ внизъ, мы подозвали его къ себѣ, попотчивали водкой и просили что нибудь спѣть намъ, что̀ онъ и исполнилъ нисколько не конфузясь. Пѣсни его вовсе не были похожи на наши, европейскія, и даже на татарскія. Онѣ не были импровизацiей, какъ обыкновенно у азіятцевъ, а имѣли свой опредѣленный мотивъ; почти всѣ начинались съ самаго высокаго тона, какой только могло взять горло пѣвца, и оканчивались самымъ низкимъ. Видъ и ухватки этого аварца мнѣ очень понравились. Онъ былъ въ чухѣ съ откидными рукавами, въ узенькихъ штанахъ, вверхъ крючкомъ загнутыхъ башмакахъ и цилиндрической, надѣтой на бекрень, черной бараньей шапкѣ. Чрезъ плечо висѣлъ шитый сафьянный патронташъ, съ роговой пороховницей. Въ этомъ костюмѣ, съ богатымъ длиннымъ ружьемъ въ рукахъ, онъ былъ очень ловокъ, то приплясывая подъ свою пѣсню, то становясь въ позицію и дѣлая разные жесты. Мы просили его быть нашимъ кунакомъ и приходить къ намъ въ Хунзахѣ, на что онъ ради водки изъявилъ свою всегдашнюю готовность.

Дождь шелъ всю ночь, и такъ было холодно, что я едва могъ уснуть. Поутру выступили далѣе. Дорога шла все тѣмъ же ущельемъ (котораго стороны или горы называются: правая — *Муцла*, а лѣвая — *Чинавъ*), сначала ровно, но послѣ начался очень трудный подъемъ на гору Муцла. Поднявшись до половины ея высоты, подошли мы къ небольшой деревушкѣ *Къахтъ*, объ имени которой написанныя мною буквы не даютъ, впрочемъ, никакого понятія: такъ странно она выговаривается то горломъ, то нёбомъ и щеками. Деревня эта похожа снаружи на кубическія груды сѣраго камня, которыхъ назначенія съ перваго взгляду не узнаешь. Я изъ любопытства вошелъ въ одну изъ саклей и былъ дружелюбно принятъ хозяиномъ. Онъ ввелъ меня во второй этажъ — въ кунацкую, довольно большую и очень чистенькую комнату, устроенную какъ уже прежде описано мной. На полу лежали ковры и подушки, а мебель составляли небольшое простое зеркало и страннаго вида деревянный диванъ или кресло: широкое,

высокое, съ высокою спинкою, все испещренное грубыми вырѣзками и окрашенное красною, будто сурикомъ, краской. На этомъ креслѣ нѣкогда величественно возсѣдали аварскіе ханы, останавливаясь проѣздомъ въ этой саклѣ. Хозяинъ разсказывалъ мнѣ, что прежде онъ былъ гораздо богаче; но въ 1834 году Гамзатъ съ мюридами раззорилъ ихъ деревню и оттого онъ и всѣ жители обѣднѣли. Онъ очень радовался приходу русскихъ въ Аварію, которые должны были уничтожить угрожающаго ей Шамиля, но жаловался на притѣсненія правителя своего Ахметъ-хана.

За деревнею уже нѣтъ садовъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, а на версту простирается небольшая равнина, засѣянная ячменемъ, который только что начиналъ всходить: такъ уже высоко было это мѣсто. Далѣе опять начинается крутой подъемъ на гору Чинавъ. Взобравшись на вершину, мы остановились ночевать. Дождь шелъ большой и холодный, и, покамѣстъ разбивали мокрыя палатки, я легъ на одну полу своей шинели, а другою плотно закутавшись, около часу выдерживалъ сильную атаку дождя, сопровождаемаго громомъ и молніей. Я сильно былъ недоволенъ такою майскою аварскою погодой; но пуще всего надоѣдали мнѣ облака, которыя какъ разъ подъ носомъ у меня проходили и осмѣливались даже проникать до костей моихъ. Отъ нихъ несло такимъ холодомъ, какимъ только обдаютъ насъ стихи поэтовъ, которые летаютъ туда за своими вдохновеніями, и мнѣ очень хотѣлось бы разочаровать нашихъ юныхъ мечтателей насчетъ воздушныхъ странъ, насчетъ жилища въ облакахъ, куда они такъ рвутся мыслью и душою. Повѣрьте мнѣ, мои друзья! мнѣ, въ сѣрой шинели на облакахъ лежавшему и всѣмъ тѣломъ дрожавшему, — что въ нихъ не было ни вѣчнаго рая, ни вѣчныхъ радугъ, ни даже такъ упоительнаго эфира, а только холодъ, слякоть, сырость, громъ, молніи. И только развѣ тогда съ нами, и полагаю еще въ первый разъ, попало на эти поэтическія облака нѣсколько бочекъ настоящаго эфирнаго спирту; но и тотъ такъ крѣпко былъ закупоренъ или такъ прилежно выпитъ, что, вѣроятно, ни одного его атома въ нихъ не осталось....

Не успѣли мы уснуть нѣсколько часовъ, какъ заиграли генералъ-маршъ. Хоть и дурно было спать, но жестоко не хотѣлось вставать и опять итти по дождю. Еще была полночь. Темно—хоть глазъ выколи, а холодно—хоть зубы разбей. Въ одномъ мѣстѣ солдаты развели большой огонь. Жгли какую-то сломавшуюся арбу; но грѣвшихся былъ такой большой и тѣсный кружокъ, что сразу нельзя было доступиться до огня. Я сталъ сзади и ожидалъ своей очереди, пока отогрѣются передніе. Наконецъ я у огня, и этого блаженства нельзя было сравнить ни съ чѣмъ! Я весь обсушился, выкурилъ

нѣсколько трубокъ, и когда теплота пробѣжала по моимъ членамъ, мнѣ такъ захотѣлось спать, что я не въ состояніи былъ стоять, присѣлъ на землю и не замѣтилъ, какъ вздремнулъ самымъ сладкимъ сномъ. Прекрасныя сновидѣнія явились ко мнѣ въ замѣнъ изнурительной дѣйствительности.... Вдругъ меня будятъ.

— Проснитесь, сударь! говорилъ мнѣ одинъ изъ возлѣ стоявшихъ унтеръ-офицеровъ: — вы *поймали лисицу.*

Это значило, что у меня начала уже горѣть шинель.

Между тѣмъ разсвѣло, дождь перестаъ, и мы двинулись впередъ. Передъ нами открылась обширная равнина. Это широкая вершина огромной горы, или, лучше сказать, массы горъ, на которой находится Аварія. Она зеленѣлась травою и полями; но въ иныхъ мѣстахъ каменныя лысины пробивались на этомъ вѣковомъ челѣ. Сонныя облака, какъ огромныя скирды хлопчатой бумаги, валялись по равнинѣ и нимало не тревожились при нашемъ появленіи, даже были такъ высокомѣрны, что не посторонялись съ дороги. Солдатъ немало удивляло такое близкое сосѣдство съ тѣми облаками, которыя всегда такъ высоко носились надъ ихъ головами и казались недосягаемыми.

— Экое диво! говорили они: — да такъ мы, пожалуй, еще и на небо взберемся!

— Да это, братцы, просто туманъ, да и только, а мы все бывало толкуемъ, что облака какъ студень.

И много было шутокъ надъ этимъ завѣтнымъ достояніемъ поэтовъ, о которомъ они относятся всегда съ такимъ восторгомъ. Вдали, на возвышенностяхъ, бѣлѣлся ночью выпавшій снѣгъ.

Лагерь близь Хунзаха.

Наконецъ утромъ 29 мая дотащились мы до Хунзаха, чрезъ двадцать дней по выступленіи изъ Темирханъ-шуры, пройдя по меньшей мѣрѣ полтораста верстъ, и съ нашимъ огромнымъ обозомъ свершивъ по ужасной мѣстности въ самыхъ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ такое чудное путешествіе! Дѣйствительно, походъ въ Аварію, по этой окольной дорогѣ чрезъ Акушинское, Судахаринское и другія общества, былъ еще первымъ на Кавказѣ и, кажется, останется единственнымъ въ исторіи нашихъ горскихъ экспедицій. Онъ навсегда будетъ великимъ примѣромъ, что нѣтъ ничего невозможнаго для русскихъ, и что тамъ, гдѣ самый смѣлый туземецъ едва рѣшался пройти съ ишакомъ своимъ, русскій солдатъ проѣхалъ своимъ троечнымъ казеннымъ фургономъ. Этотъ исполинскій подвигъ,

безъ сомнѣнія, вѣчно останется въ памяти туземцевъ и передастся въ разсказахъ ихъ потомству, какъ чудо, какъ сказка. Въ исторіи нашихъ славныхъ военныхъ подвиговъ, по своей трудности, онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ право быть поставленъ подлѣ суворовскаго перехода чрезъ Альпы.

Едва мы пришли на мѣсто лагеря, какъ пошелъ опять дождь и подулъ холодный вѣтеръ, и я страшно промокъ и прозябъ. Я думалъ уже, что сюда никогда не проникаютъ солнечные лучи, и съ досады и усталости не хотѣлъ даже взглянуть на знаменитый и предъ глазами нашими стоявшій Хунзахъ и, закутавшись въ шинель, легъ спать....

Проснулся — и какая неожиданная перемѣна! проглянуло солнышко, озолотило всю окрестность, оживило душу, и я опять съ восторгомъ началъ любоваться природой. Но надобно удержать свои восторги, которые всегда мѣшаютъ вѣрности описанія, и начать изображать предметы по порядку. Еще разъ напомню, что мы теперь на плоской вершинѣ той огромной и высокой массы земли, которая заключается между Аварскимъ и Андійскимъ койсу, почти кольцомъ ее охватывающими. Эта громадная возвышенность спускается къ рѣкамъ большими неправильными обрывами, образующими горы и ущелья, а вершину ея, простирающуюся верстъ на пятьдесятъ квадратныхъ, почти можно назвать плоскостью, на которой стоятъ, какъ на пьедесталѣ, изрѣдка новыя горы. Это общее мѣстоположеніе Аваріи, и поэтому она находится гораздо выше всѣхъ другихъ обществъ, обитающихъ въ долинахъ; оттого и климатъ въ ней несравненно холоднѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, и поэтому въ ней нѣтъ и тѣхъ садовъ, какіе окружаютъ каждую деревню, лежащую въ долинѣ. Но изъ этого общаго мѣстоположенія я особенно опишу мѣстность Хунзаха, взявши за точку зрѣнія свою палатку, изъ которой мнѣ еще не хотѣлось выйти. Помните ли вы ту высокую гору Мудла, которая такъ грозно возвышалась по правую сторону дороги, когда мы шли отъ Готцатля къ Хунзаху? Эта гора казалась теперь едва ли выше моей палатки и тянулась валомъ вправо по плоскости. Но передо мной довольно смѣло и высоко подымается другая гора — Гакаро, и, однимъ ѳукавомъ спускаясь къ Мудла, образуетъ съ ней уголъ, напротивъ котораго и налѣво отъ моей палатки глубокая пропасть составляетъ третью сторону этого треугольника. Въ этомъ-то треугольникѣ, надъ пропастью, въ углу, подъ горою Гакаро, виднѣлся Хунзахъ съ своими тусклыми саклями и башнями, тотъ Хунзахъ, о которомъ такъ восторженно мечтаютъ всѣ читатели «Амалатъ-бека»,— тотъ Хунзахъ, о которомъ и мы слыхали такъ много чудеснаго.... но объ этомъ послѣ — когда увидимъ его вблизи.

Покамѣстъ я поведу васъ въ столицу Аварiи, въ ханскiй дворецъ, въ чертоги прелестной Салтанеты, взгляните прежде въ эту пропасть, надъ которою стоитъ моя палатка. Она достойна любопытства зрителя самаго пресыщеннаго картинами природы. Это гранитный, перпендикулярный, какъ бы выдолбленный гигантскою рукою, продолговатый провалъ саженей въ восемьдесятъ или во сто глубиною, который далѣе расходится и продолжается ущельемъ, и въ который съ разныхъ сторонъ низвергаются два большiе и сильные ручья. Первый изъ нихъ, съ лѣвой стороны, пролетѣвъ сверху саженей десять, ударяется въ скалу, дробится и потомъ уже летитъ ко дну; а второй ручей гораздо болѣе перваго, аршина четыре шириною, падаетъ прямо на дно пропасти, одною широкою дугою, пролетѣвъ такимъ образомъ саженей до ста на воздухѣ. Эта кристальная полоса чѣмъ далѣе дѣлается шире и внизу почти вся раздробляется пылью, которая оттуда влажными облаками подымается вверхъ и долетаетъ опять до верху пропасти. Когда солнце заходитъ, то горизонтальные лучи его какъ разъ ударяютъ въ этотъ водопадъ, и тутъ являются уже не радуги, а радужныя арки и цѣлые чертоги. Дно пропасти плоско, и на немъ, у самого водопада, стоятъ двѣ или три сакли, съ зеленѣющимъ кругомъ небольшимъ садикомъ. Я смотрѣлъ водопадъ сверху; но каковъ видъ, если посмотрѣть на него снизу, издали, такъ, чтобы подставить подъ него эти сакли и садикъ!... Этотъ водопадъ — самый большой по высотѣ своей и объему воды, какой только есть въ этой части горъ, и я не думаю, чтобы и въ другихъ частяхъ свѣта было много ему подобныхъ.

На другой день я пошелъ въ Хунзахъ, который былъ версты двѣ отъ лагеря. По каменному, небольшому мостику перешелъ ручей Голукхлы, тотъ самый, который падаетъ въ пропасть большимъ водопадомъ; далѣе простиралась плоскость, съ засѣянными полями; влѣво какъ привидѣнiе виднѣлась вдали гора Телитль, еще лѣвѣй деревня Карадагъ и нѣкоторыя знакомыя уже горы, которыя показывали, что Аварскiй койсу отсюда недалеко. Вхожу въ Хунзахъ. Онъ расположенъ на неровной плоскости и стоитъ надъ самою пропастью, которая дѣлаетъ его съ двухъ сторонъ совершенно неприступнымъ. Онъ состоитъ изъ трехъ частей или кучь строенiй, раздѣленныхъ между собою небольшими полями и пустырями. Сакли одинаковой горской архитектуры и расположены какъ я уже описывалъ, почти всѣ въ два этажа, иныя довольно большiя, съ четвероугольными или полукруглыми большими окнами, не на галлерею, а на улицу, чего не было въ сакляхъ другихъ деревень. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ стоятъ, совершенно отдѣльно отъ домовъ, высокiя, четвероугольныя башни, съ бойницами въ три и четыре ряда, между кото-

рыми (башнями) въ случаѣ опасности, накладываютъ высокія каменныя стѣны, оцѣпляющія такимъ образомъ всѣ три части Хунзаха, которыя послѣ опять разбираются,—а мѣсто занимается полемъ. Наконецъ, я подошелъ къ ханскому зaмку, который находится въ концѣ аула, на самой закраинѣ пропасти. Кромѣ поэтической стороны, зáмокъ этотъ поразилъ меня своею особенностію отъ всѣхъ доселѣ видѣнныхъ мною кавказскихъ строеній и своимъ большимъ сходствомъ съ нашими европейскими зданіями. Представьте себѣ большой четвероугольный дворъ, обнесенный съ трехъ сторонъ высокою, толстою, на извести сложенною каменною стѣною, котораго четвертая сторона, идущая по краю пропасти, занята огромнымъ строеніемъ: вотъ вамъ планъ зáмка. Въ него входятъ узкими, полукруглыми воротами, надъ которыми вдѣланы мѣдныя дощечки съ какою-то арабскою надписью. Зданіе ханскаго дворца было уже полуразрушено, крыша во многихъ мѣстахъ провалилась, и бывшая, какъ говорили, башня, съ лѣвой стороны, уже не существовала. Чтобы сколько нибудь сохранить отъ забвенія этотъ достопримѣчательный дворецъ, въ которомъ жили нѣкогда могущественные ханы Аравіи, и которому уже назначена была передѣлка, я срисовалъ, какъ только могъ, передній аулъ его, и съ помощію этого рисунка мнѣ легче будетъ описать дворецъ этотъ. Онъ будетъ длиною саженей пятнадцать и высотою четыре. Внутреннее его расположеніе тоже отлично отъ обыкновеннаго кавказскаго. Нижній этажъ въ передней части раздѣленъ на нѣсколько комнатъ разной величины, которыя всѣ имѣютъ выходъ въ широкій коридоръ или сѣни, изъ подъ арокъ; а въ верхнемъ этажѣ находятся четыре большія комнаты, которыя, сверхъ обыкновенія, соединяются между собою высокими дверями и имѣютъ четвероугольныя симметрически расположенныя окна на дворъ: это, вѣроятно, были пріемныя комнаты. На второй этажъ всходятъ по узкой каменной лѣстницѣ. Находящіяся направо полукруглыя ворота, или проходъ подъ строеніемъ, ведутъ на небольшой дворъ, на который домъ съ этой стороны выходитъ своими галлереями, и здѣсь онъ уже въ три этажа: это, должно быть, женская половина. По узкой каменной лѣстницѣ, ведущей съ этого двора на галлереи, я смѣло взошелъ въ эти нѣкогда завѣтные покои и тамъ увидѣлъ просто лабиринтъ комнатъ, которыхъ расположенія никакъ нельзя было понять: то маленькія конурки, то тѣсные коридоры, то большія и свѣтлыя комнаты. Одну комнату, которая, вѣроятно, была женской гостиной, я смѣрялъ: она имѣла шестнадцать аршинъ длины, восемь ширины и шесть высоты. Стѣны ея и полъ, какъ и всѣхъ другихъ комнатъ, смазаны гладко бѣлою глиной, и потолокъ поддерживался по срединѣ толстою продольною сосновою балкой, на которой лежало множество

поперечныхъ тоненькихъ перекладинъ, а сверхъ нихъ уже сдѣланъ потолокъ изъ гладкихъ и узенькихъ сосновыхъ досточекъ. Продольную балку поддерживалъ по срединѣ деревянный толстый столбъ съ упорами вверху, хорошо отдѣланный и съ вырѣзками. Въ стѣнахъ подѣлано множество впадинъ, а въ срединѣ стѣнъ или по угламъ небольшіе камины. Всѣхъ комнатъ во дворцѣ болѣе тридцати, не считая конурокъ. Окна въ нихъ безъ стеколъ, съ одними внутренними двустворчатыми ставнями, и нигдѣ ни гвоздика желѣзнаго. Этотъ дворецъ назначенъ былъ для помѣщенія въ немъ нашего гарнизона, и потому суматоха была страшная. То поправляли обрушенные потолки, то втаскивали ящики съ патронами, кули съ мукою и сухарями. Крикъ, шумъ, говоръ, стукъ оружія раздавались въ этихъ нѣкогда безмолвныхъ покояхъ и непривычныя стѣны дрожали отъ потрясенія. Долго ходилъ я по галлереямъ и заламъ этого нѣкогда славнаго дворца, и воображеніе мое невольно переносилось въ прошедшее. «Такъ здѣсь-то —думалъ я —нѣкогда грозные ханы, которымъ несли дань всѣ сосѣдніе народы и самая Грузія, безпечно проводили свои бурные дни,—здѣсь-то нѣкогда ихъ прелестныя жены и дочери робко ступали по шамахинскимъ коврамъ, безмолвно ткали серебряные галуны, или вышивали шолковые чепраки и мечтали о какомъ нибудь молодомъ гостѣ, украдкою видѣнномъ. Здѣсь-то жила красавица Салтанета, душа души пылкаго Аммалатъ-бека, и стоя на этой террасѣ, надъ этою бездною, она повѣряла любовь свою или отдаленному гулу водопада, или дуновенію вѣтерка, или мимолетному облачку. Цѣлыя столѣтія проходили обычною чредою и не осмѣливались нарушить тишины этого пріюта. Сколько битвъ происходило подъ стѣнами крѣпкаго Хунзаха, и громъ ихъ не осмѣливался проникать за эти высокія и толстыя стѣны; но наконецъ пришла пора, искони предопредѣленная Аллахомъ: является Гамзатъ-бекъ, измѣной овладѣваетъ Хунзахомъ, все предаетъ огню и мечу, и неистовая его шайка врывается во дворецъ. Крикъ, вой испуганныхъ женщинъ, стукъ оружія злодѣевъ, стоны ихъ жертвъ, убіеніе ханши, дочерей ея, грабежъ, раззореніе ознаменовали этотъ роковой и послѣдній день существованія Аварскаго ханства!... Съ тѣхъ поръ замокъ его сдѣлался пустыней, развалиной и наконецъ превратился въ нашъ лагерь....»

Изъ замка я пошелъ посмотрѣть домъ, занимаемый тогдашнимъ правителемъ Аваріи—Ахметомъ, ханомъ мехтулинскимъ. Онъ выдается на небольшую площадку, находящуюся передъ замкомъ, но, будучи соединенъ съ другими строеніями, не имѣетъ опредѣленнаго вида. Сквозь полукруглыя подъ самымъ домомъ ворота я вошелъ на небольшой дворъ, и первый предметъ, привлекшій мое вниманіе,

была чугунная небольшая пушка, безъ лафета, та самая, изъ которой нѣкогда пустили шесть мѣдныхъ ядеръ по неприступному Телитлю. Жаль, что я ни отъ кого не могъ узнать, откуда она попала въ Аварію. Со двора вела каменная лѣстница на галлерею второго этажа, по которой я вошелъ въ комнаты. Онѣ ничѣмъ не отличались отъ другихъ азіятскихъ саклей; только во впадинахъ стѣнъ стояло нѣсколько фарфоровыхъ чашекъ, а на окнахъ — зеркала изъ хорошаго стекла, рамы которыхъ обложены оловянною, очень искусною прорѣзью. Зеркала эти были складныя.

Въ Хунзахѣ не было ни лавокъ, ни мастерскихъ; даже мечеть ничѣмъ не отличается отъ другихъ строеній, которыми она кругомъ закрыта. Посрединѣ Хунзаха протекаетъ обильный водою ручей, который въ одномъ мѣстѣ, будучи перекруженъ, образуетъ небольшое озерко; далѣе онъ низвергается въ пропасть тоже превосходнымъ водопадомъ. Въ окружности Хунзаха на одной же съ нимъ плоскости я насчиталъ девять небольшихъ деревушекъ, имѣющихъ не болѣе какъ по тридцати или сорока саклей. По горѣ Гакаро, вправо отъ Хунзаха, лѣпится деревенька Чондоклы, за нею Гунукъ, на ручьѣ Гунукъ-калы; а у подошвы горы Муцла или Бакхицъ-ада — Геничуклъ. Чрезъ пропасть противъ Хунзаха деревня Итляга, а за нею Бетлянгъ. Но это еще не вся Аварія: она простирается гораздо далѣе, и въ счастливыя ея времена ей покорны были многія отдаленныя деревни, даже ниже ея въ ущельяхъ лежащія, которыя теперь, однакожь, отъ нея отпали. Видъ упомянутыхъ мною деревень не такъ красивъ, какъ деревень, лежащихъ въ ущельяхъ, гдѣ роскошные сады лелѣютъ ихъ въ своей зелени. Здѣсь, напротивъ, ни деревца, а только мрачныя сакли, какъ куча камней, едва отдѣляющихся отъ смежныхъ скалъ, и однообразіе ихъ непріятно глазу.

Жители Хунзаха были очень рады нашему приходу и принимали насъ очень радушно. Они ничего еще не знали о нашемъ намѣреніи превратить Хунзахъ въ крѣпость и оставить въ ней гарнизонъ, а смотрѣли на насъ какъ на защитниковъ своихъ и мстителей угрожавшему имъ Шамилю, и до того мы были безопасны между ними, что ходили даже безъ оружія. Это было очень странно. На всемъ Кавказѣ мы даже за версту отъ крѣпости не выходимъ безъ оружія, а здѣсь, въ горахъ, между неизвѣстнымъ намъ народомъ, который мы еще въ первый разъ видимъ, мы были совершенно какъ дома, и никогда не случалось никакой непріятности. Въ свободное отъ службы время, я возьму бывало книжку и пойду гулять по полямъ хунзахскимъ, какъ будто въ Малороссіи по собственнымъ помѣстьямъ; недоставало только халата! Встрѣчавшіеся аварцы при-

вѣтствовали меня «саламалейкюмъ!» какъ будто своего земляка, и спокойно продолжали путь свой.

Наружный видъ, костюмъ и даже бытъ аварцевъ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ лезгинъ, о которыхъ я уже сказалъ все, что́ только могъ узнать объ этомъ, такъ сказать, только мимоходомъ. Я еще ничего не говорилъ о религіи этого народа; но объ этомъ и сказать я мало что́ умѣю. Они всѣ магометане, хотя очень плохіе. Богослуженіе отправляется у нихъ на языкѣ арабскомъ, который даже рѣдкій мулла понимаетъ; слѣдовъ же другой какой религіи, особенно христіянской, не осталось ни въ какомъ наружномъ памятникѣ, — и то былъ только вымыселъ Марлинскаго, который изобразилъ такую эффектную сцену между Аммалатъ-бекомъ и Салтанетой въ развалинахъ одного древняго христіянскаго храма. Кстати скажу здѣсь, что Марлинскій никогда не былъ въ Хунзахѣ, и описанная имъ его поэтическая мѣстность нисколько несходна съ дѣйствительностью.

Я очень часто ходилъ изъ лагеря въ Хунзахъ. Однажды зашелъ я къ знакомому уже вамъ поручику В**, квартировавшему тамъ въ чистой и прохладной саклѣ. Мнѣ было очень пріятно отдохнуть у него отъ нестерпимаго зноя, который въ этотъ день былъ необыкновенно силенъ, и послѣ незначительнаго разговора я наконецъ коснулся его душевнаго состоянія. При этомъ вопросѣ онъ перемѣнился въ лицѣ, долго молчалъ, наконецъ вынулъ изъ шкатулки письмо и далъ мнѣ его прочитать. Это было письмо отъ одного изъ его петербургскихъ сотоварищей, который писалъ ему о Б—вѣ. Едва В** оставилъ Петербургъ, какъ Б—овъ сдѣлалъ визитъ матери Елены. Съ тѣхъ поръ посѣщенія его сдѣлались почти ежедневны. Елена принимаетъ его сухо, но мать, видя въ немъ выгоднаго жениха и считая В** уже погибшимъ, чрезвычайно довольна его посѣщеніями. Говорятъ, онъ даже сдѣлалъ уже предложеніе, и съ тѣхъ поръ между Еленою и матерью происходятъ сильные споры. Одна говоритъ про любовь свою къ В**, другая — про богатство Б—ва, про несчастіе ждать любовника и наконецъ остаться старой дѣвой. Но чѣмъ у нихъ кончится, нельзя еще знать, хотя Б—въ и не сомнѣвается въ своемъ успѣхѣ.

— Что́ ты на это скажешь? спросилъ меня В**, когда я прочелъ письмо.

— А то, что́ это будетъ очень обыкновенно, если Елена выйдетъ замужъ за Б—ва, и что тебѣ не слѣдуетъ горячиться, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакой возможности помочь горю. Пиши письма. Если они дойдутъ и будутъ имѣть дѣйствіе — хорошо! А нѣтъ,

чтожь дѣлать? Вѣдь нельзя же летѣть въ Петербургъ и выручать твою Елену.

— Дѣлать нечего! и я ничего не буду дѣлать. Но каково переносить его торжество!... О! это ужасно!...

Долго мы бесѣдовали объ этомъ обстоятельствѣ, но наконецъ нужно было разстаться. Уже вечерѣло, и едва я вышелъ отъ В**, какъ началъ накрапывать дождь и вдругъ такъ сильно хлынулъ, что я принужденъ былъ вбѣжать въ близь-стоящую палатку знакомаго мнѣ офицера. Но тамъ суматоха была страшная. Вода ручьемъ лила въ самую палатку, и чтобы спасти вещи отъ мокроты, мы хватали ихъ съ полу и держали въ рукахъ. Подобнаго дождя я въ жизнь мою не видывалъ: это былъ ливень въ самомъ точномъ смыслѣ слова. Онъ, однакожь, скоро пересталъ, и какъ уже вечерѣло, то я поспѣшилъ въ лагерь. Но, кажется, дождь хотѣлъ только выманить меня изъ палатки на просторъ, и едва я вышелъ изъ Хунзаха, какъ онъ опять хлынулъ на меня. Не видя никакого спасенія, я опрометью побѣжалъ къ стоявшей въ сторонѣ одинокой башнѣ и едва ступилъ на порогъ двери, какъ вдругъ раздался въ ней крикъ женщины, и я увидѣлъ передъ собой премиленькую, молоденькую, лѣтъ четырнадцати, дѣвушку. Она сильно испугалась моего появленія и, какъ безсильная жертва, сложивъ на груди руки, стояла, прижавшись къ стѣнѣ, и взоромъ, который могъ бы обезоружить изверга, просила у меня пощады. Я стоялъ тоже какъ вкопаный, и любовался этимъ чудеснѣйшимъ горскимъ личикомъ, съ распущенными въ безпорядкѣ, измокшими волнистыми кудрями, полураскрытыми, маленькими, кругленькими губками и черными блестящими глазами. Сверкающая безпрестанно молнія, озаряя ее своимъ свѣтомъ, еще болѣе дѣлала фантастическою ея стройную фигуру, и какъ мнѣ давно уже хотѣлось имѣть романическую интригу съ какою нибудь очаровательной горянкой, то я былъ въ восторгѣ отъ такого случая. Нѣсколько минутъ мы молча глядѣли другъ на друга; наконецъ я началъ разговоръ по татарски, который она, къ восторгу моему, понимала.

— Не бойся ничего, моя джанымъ (душа), и будь покойна. Я не звѣрь, а добрый человѣкъ, и не бросаюсь на тебя, а смотрю только на твою красоту и горю отъ огня очей твоихъ.

— О! ради Аллаха! пусти меня! или самъ уйди отсюда. Можетъ быть, дождь еще кого нибудь загонитъ сюда, и если это будетъ нашъ и увидитъ меня съ тобой, то я погибла. Намъ строго запрещено даже смотрѣть на русскихъ, — и меня бросятъ въ пропасть.

— Я уйду; но прежде выслушай меня. Ты одна изъ лучшихъ звѣздъ неба, одна изъ лучшихъ дѣвъ Хунзаха, и я люблю тебя. Ты

видишь, мы одни: я могъ бы схватить себя и поцаловать; но я этого не сдѣлаю. Скажи мнѣ только твое имя, дай руку и полюби меня.

- Меня зовутъ Тити, и я дочь ханскаго кузнеца Али. Пусти, пусти меня, ради Бога!

— Я самъ уйду; дай мнѣ только руку прижать къ моему сердцу.

И съ этимъ вмѣстѣ, почти силою взявъ ея руку, я прижалъ ее къ своей мокрой сѣрой шинели и вздохнулъ какъ можно сильнѣе. Она прижала и мою руку къ своему боку, и, сказавъ: «какъ жаль, что ты русскій», пустилась опрометью бѣжать, оставивъ меня въ сильномъ раздумьѣ о своей скромности....

Наконецъ я кое-какъ дотащился до лагеря. Вода текла съ меня какъ съ утопленника, и какъ въ палаткѣ всѣ мои вещи перемокли, то я, мокрый и холодный, не могъ уснуть почти цѣлую ночь, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холоду и всѣмъ сердцемъ отъ любви къ прелестной Тити, дочери ханскаго кузнеца.

Мы простояли около Хунзаха шесть дней, занимаясь приведеніемъ его въ военное состояніе и устроивая во дворцѣ его *цитадель*. Весь нашъ обозъ и всѣ тяжести были свезены въ замокъ, гдѣ уже былъ расположенъ одинъ батальонъ, который долженъ былъ остаться въ немъ гарнизономъ. Генералъ старался какъ можно болѣе обезпечить его продовольствіемъ и дровами. Покупали у жителей ячменную и пшеничную муку. Лезгины вообще склонны къ плутовству и часто продажную муку мѣшали съ золой. Доставка дровъ была еще труднѣе. Кругомъ Хунзаха нѣтъ нигдѣ лѣсу, и для этого отправлялись цѣлые батальоны верстъ за двадцать, въ Готцатль, гдѣ, разбивая сакли, навьючивали потомъ дрова на лошадей и людей Каждый солдатъ имѣлъ одно полѣно, привязанное сзади, а другое въ рукахъ, и возвращеніе такой колонны дровоносовъ, вооруженныхъ дубинами, было очень оригинально. Каждое полѣно дровъ дорого въ климатѣ, гдѣ бываетъ зима такая же, какъ и у насъ, въ Россіи.... Несмотря на это, отрядъ укрѣпляется въ Хунзахѣ.

8-е іюня. Лагерь близъ деревни Бетлитль.

Третьяго іюня генералъ дѣлалъ смотръ вьюкамъ. Палатки, маленькіе патронные ящики, артельные котлы, сухари, — все было хорошо навьючено на лошадей, которыхъ вели солдаты съ ружьями черезъ плечо. Когда они проходили церемоніяльнымъ маршемъ, то это имѣло какой-то особенный видъ, въ родѣ восточнаго каравана; но всѣ радовались, что избавились наконецъ отъ обоза. Отрядъ со-

бирался къ выступленію. Два батальона: четвертый — Куринскаго, и одинъ — графа Паскевича-Эриванскаго полка, посланы были для обложенія деревни Телитля, верстахъ въ двадцати отъ Хунзаха находящейся, гдѣ заперся Шамиль съ значительною частію своихъ сообщниковъ; а остальной отрядъ, съ четырьмя полевыми орудіями, подъ начальствомъ самого генерала, выступилъ 4 іюня для наказанія койсубулинскихъ деревень Унцукуля и Ашальты, изъ которыхъ въ послѣдней тоже находилась значительная часть приверженцевъ Шамиля и все его семейство и имущество, которыя скрывались въ одномъ укрѣпленномъ и неприступномъ мѣстѣ, близь этого аула, называемомъ Ахульго — имя, прославленное болѣе впослѣдствіи уже, знаменитыми нашими подвигами въ 1839 году.

Плоская вершина, на которой находится Аварія, пересѣкается двумя длинными горами, которыя почти параллельно и только саженей на сто разстояніемъ одна отъ другой, идутъ прямо, не изгибаясь отъ одного Койсу до другого, какъ будто руками человѣческими насыпанные два громадные вала. Первый изъ нихъ называется гора Бакхи или Тъ-анусъ, а второй — Арахтау или Мочахъ, и эти двѣ крутыя горы намъ предстояло перейти. До первой изъ нихъ дорога идетъ по равнинѣ, и артиллерія наша ѣхала безпрепятственно. Почти у самой горы находится аварская деревушка Тъ-анусъ, съ хорошимъ фонтаномъ, образующимъ небольшое озерко. Отъ нея начинается уже трудный подъемъ на гору. Взойдя на гору, я оглянулся на Хунзахъ, и онъ мнѣ издали очень понравился, тѣмъ болѣе, что въ это время облака наполняли ущелье и пропасть, надъ которою онъ стоитъ: отъ этого онъ казался какъ бы на мысѣ, вдавшемся въ морской заливъ. Виднѣлись всѣ окружающія его деревни: вправо Эвота и Ацалохли, въ которой находится какой-то особаго вида замокъ съ тремя башнями. По другую сторону горы Бакхи внизу открылась хорошенькая, какъ узенькая полоска, зеленѣющая долина, между этою горою и Арахтау лежащая, посреди которой извивается ручей чистой воды, несущійся въ Андійскій койсу. По теченію его виднѣется въ этой долинѣ небольшая деревушка Мочохъ.

Спускъ въ эту долину, несмотря на разработку, былъ чрезвычайно труденъ. Пушки и ящики спускали на рукахъ, и нѣкоторые обрывались и ломались. Сойдя въ долину, остановились ночевать. Погода весь этотъ день была очень дурна. Съ самого выступленія нашего изъ Хунзаха дождь не переставалъ и промочилъ насъ всѣхъ до костей, а обсушиться было негдѣ; ни полѣна дровъ даже, чтобы сварить кашицу; и ночь мы провели почти не спавши.

На другой день около полудня начали подыматься на другую гору этой долины Арахтау, и тутъ повторились опять тѣ же сцены

съ артиллеріею, которыя мы уже нѣсколько было позабыли. Восемь сильныхъ лошадей не могли везти своего орудія, и цѣлая рота солдатъ прибавилась къ нимъ на помощь. Этотъ подъемъ впослѣдствіи, однакожь, былъ значительно обработанъ и не представлялъ уже такихъ трудностей.

Съ вершины Арахтау видъ обширнѣйшій. Кругомъ, на необозримое пространство, виднѣются разнообразныя вершины горъ, которыя оттуда кажутся уже не такими страшными, какъ снизу. Вся Аварія какъ на картѣ предъ вашими глазами, и вы можете оттуда и любоваться ея окрестностію и изучать ея географію. Спускъ съ горы не такъ труденъ, какъ подъемъ, и передъ вами открывается опять равнина, покрытая чудесною травою, гдѣ наши лошади просто блаженствовали. На этой равнинѣ мы ночевали.

На другой день генералъ съ двумя баталъонами ушелъ впередъ; остальной отрядъ медленно шелъ съ артиллеріею. Версты четыре шли мы по ровной дорогѣ и безъ особенныхъ трудностей спустились къ деревнѣ Цатанекъ. Передъ деревнею протекаетъ довольно большой и глубокій ручей, чрезъ который перешли мы по каменному, очень искусно аркою сдѣланному небольшому мостику. За мостомъ, по правую его сторону, стоитъ небольшой сажени полторы высотою конусообразный столбъ, въ который вдѣланы четыреугольныя каменныя плиточки, съ высѣченною на нихъ арабскою надписью, и нѣсколько такихъ же плиточекъ вдѣлано еще въ стѣну близь-стоящаго строенія. Я думалъ, что это были надгробныя надписи умершихъ цатанекскихъ знаменитостей, но мнѣ сказали, что это молитвы и правила изъ Алкорана, которыя долженъ непремѣнно прочитать каждый пріѣзжающій въ деревню. Такіе столбы съ молитвами видѣлъ я потомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ. Деревня Цатанекъ, имѣющая домовъ до ста, всегда принадлежала Аваріи; но во время возмущенія и она приняла сторону Шамиля, какъ почти всѣ деревни, лежащія въ ущельяхъ ската Аварской горной возвышенности. Любопытство взглянуть на невиданныхъ доселѣ русскихъ вызвало всѣхъ жителей, даже женщинъ, на улицы и плоскія крыши, и тутъ явились для продажи ячменные и кукурузные чуреки, сыръ, масло, яйцы и молоко. Торгъ производился большею частію пантоминами, потому что жители не говорятъ по татарски, и на это чрезвычайно досадовали наши солдаты, изъ которыхъ еще немногіе мараковали по тавлински.

По другую сторону деревни начинается подъемъ. По сторонамъ дороги раскиданы огороженныя камнемъ поля, красивыми площадками зеленѣвшія среди дикой природы, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшія группы березокъ разнообразили мѣстоположеніе и доста-

вляли намъ прохладную и знакомую тѣнь. Подъемъ дѣлался все круче и круче; дорога еще не была готова для артиллеріи, и мы должны были ее дѣлать, отчего двигались очень медленно, на каждомъ шагу останавливаясь, что было чрезвычайно скучно: авангардъ нашъ, думали мы, уже дерется, а мы только возимся съ орудіями и не будемъ участвовать въ давно желанномъ сраженіи! Насилу къ вечеру мы выбрались наверхъ и расположились лагеремъ надъ краемъ Койсубулинской пропасти.

Вечеръ былъ тихій и пріятный, и заходящее солнце чудно освѣщало эту огромнѣйшую бездну. Здѣсь Андійскій и Аварскій койсу сливаются, и обширныя ихъ ущелья, сойдясь вмѣстѣ, образовали обширную и глубокую, какъ бы трехъугольную впадину; кое-гдѣ то возвышаются острые гребни и скалы, то чернѣются пропасти, темныя ущелья, безобразныя груды камней, поверженныя горы, прыгающіе потоки, шумные водопады, — однимъ словомъ, изорванная природа до послѣдней степени разнообразія, осуществленный хаосъ самаго пылкаго воображенія. И въ этой безднѣ, которая кажется только жилищемъ злыхъ духовъ, гдѣ съ перваго взгляда, казалось бы, вы не откроете ни одного мѣста, гдѣ можно бы поставить ногу человѣческую, — живутъ люди, находятся большія деревни, обитаетъ цѣлое племя койсубулинцевъ!... Да! всматриваюсь хорошенько: подо мною, какъ бы на днѣ пропасти, виднѣются какія-то небольшія какъ кирпичики площадки: это крыши осьми-сотъ домовъ Унцукуля. Направо вдали зеленѣются едва примѣтно какіе-то кустики: это обширные и прелестные сады этой деревни и деревни Гимри. Тамъ, далѣе, по сторонамъ кажущагося неподвижнымъ и какъ бы оледенѣлымъ Койсу, то почти у самыхъ водъ его, то повыше, на карнизахъ скалъ, виднѣются какъ бы въ миніатюрѣ Чиркатъ, Ашальта и множество гумбетовскихъ и андійскихъ деревень. Трудно повѣрить, чтобы въ такомъ мѣстѣ могли существовать люди, и между тѣмъ они живутъ, и живутъ прекрасно, обративъ столѣтними своими трудами эту дикую пропасть въ плодородную почву. По ту сторону Койсу виднѣется Гимерійскій хребетъ, за которымъ находится Темирханъ-шура. Перейдя всѣ измѣненія, то подымаясь гребнями, то упадая обрывами, онъ наконецъ возносится перпендикулярно длинною стѣною, вызубренною потоками и громами. На немъ какъ бѣлая ленточка вьется направо зигзагами тропинка, извѣстная подъ названіемъ Ерпелинскаго спуска, въ эту пропасть, а влѣво другой—Каранайскій спускъ, — такъ называемые отъ деревень по ту сторону хребта, противъ нихъ лежащихъ, чрезъ которые надобно проходить изъ Темирханъ-шуры къ Гимрамъ. На этомъ мѣстѣ мы простояли цѣлый день. Жители приносили къ намъ продавать разные съѣст-

ные припасы, которые они охотнѣе продавали за холстъ, нежели за деньги, и то, чего бы лезгинъ не продалъ за абазъ, отдавалъ охотно за грошовую тряпку, а въ особенности, если она пестрая.

Поднявшись съ ночлега, мы шли какъ бы по закраинѣ пропасти, и съ каждымъ шагомъ представлялись намъ новые и чудные виды этой какъ бы подземной панорамы. Утро было ясное и тихое. Бѣлыя какъ снѣгъ облака еще покоились въ своемъ обычномъ ложѣ, на днѣ и ребрахъ пропасти, отчего она казалась какъ бы затопленною морскими волнами, надъ которыми какъ острова или башни возвышались острые спицы скалъ. Скоро утренній вѣтерокъ разбудилъ это спавшее стадо облаковъ, и они спѣшили занять какъ будто уже давно назначенныя имъ мѣста, и то группами, то вереницами потянулись въ разныя стороны. Иныя изъ нихъ какъ огромныя кучи хлопчатой бумаги катились мимо насъ и чрезъ насъ, и тогда насъ окружалъ только густой и холодный туманъ, въ которомъ на пять шаговъ нельзя уже было ничего видѣть.

Наконецъ мы соединились съ нашимъ авангардомъ, который расположился лагеремъ на плоской вершинѣ горы Бетлитль, такъ названной нами отъ деревни, находившейся верстахъ въ двухъ отъ лагеря, которой жители бѣжали еще заблаговременно, и которую авангардъ нашъ успѣлъ уже занять. Площадь этой вершины подобна была Аварской равнинѣ и плоскости горы Арахтау и простиралась кругомъ примѣрно тоже верстъ на двадцать. Болѣе всего возбудила мое вниманіе находившаяся возлѣ деревни въ одномъ углубленіи сосновая роща. Тысячи полторы стройныхъ и въ обхватъ толщиною деревъ составляли живописную группу на этой однообразной плоскости, на которой по всему ея пространству не было ни одного прутика. Вѣроятно, это была какая нибудь священная и завѣтная для горцевъ роща, потому что не было ни одного срубленнаго дерева, и даже жаль было смотрѣть, когда наши топоры начали валять ихъ и колоть потомъ на дрова, которыхъ мы уже давно не имѣли.

Здѣсь мы узнали, что 6 іюля авангардъ нашъ имѣлъ небольшую стычку съ унцукульцами не доходя до Бетлитля. У насъ былъ только одинъ солдатъ раненъ, а у нихъ многихъ убили и троихъ взяли въ плѣнъ, послѣ чего они просили мира, который и былъ имъ дарованъ, съ условіемъ возвратить всѣхъ нашихъ плѣнныхъ и бѣжавшихъ и признать себя данниками шамхала тарковскаго, отъ котораго они нѣкогда зависѣли. Глядя на Унцукуль, который какъ разъ лежалъ подъ ногами нашими, и на который мы могли въ прямомъ смыслѣ налетѣть орлами, намъ досадно было, что дѣло обошлось безъ драки, которой мы давно уже желали. Но генералъ берегъ нашъ порывъ до другого дѣла. Онъ видѣлъ передъ собой грозную

Ашальту, где собралось тысячи три или четыре приверженцевъ Шамиля, подъ начальствомъ Али-бека, которые всѣ поклялись на Коранѣ, съ обычнымъ своимъ энтузіазмомъ, скорѣе умереть, нежели сдаться русскимъ.

17 іюня. Лагерь надъ Андійскимъ койсу, противъ деревни Чиркатъ.

Девятое іюня 1837 года останется навсегда незабвеннымъ днемъ въ лѣтописяхъ кавказскихъ войнъ.

Ашальта, одна изъ воинственнѣйшихъ койсубулинскихъ деревень, находится по правую сторону Андійскаго койсу, почти на половинѣ обрывистаго и обширнаго ската къ этой рѣкѣ бетлитльской стороны пропасти. Слѣва отъ насъ надъ нею возвышаются почти перпендикулярныя скалы, справа — она дугообразно обрѣзывается глубокимъ, отвѣснымъ обрывомъ, бездонною пропастью, въ которую живописно низвергается прекраснымъ водопадомъ предъ самою деревнею протекающій ручей. Версты за три не доходя до аула, начинаются направо и налѣво, по отлогостямъ ущелья, уступами вьющіеся прекрасные сады, въ которыхъ ростутъ самыя нѣжныя деревья. Домовъ въ ней было до трехъ-сотъ, и въ этой-то крѣпкой деревнѣ тысячь до пяти отчаянныхъ мюридовъ и жителей рѣшились защищаться до послѣдней капли крови. Женъ и все имущество они помѣстили въ одно укрѣпленное мѣсто, Ахульго, названное нами замкомъ,— то знаменитое Ахульго, которое въ 1839 году въ продолженіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ было театромъ многихъ отважныхъ штурмовъ, и взятіе котораго 22 августа, въ торжественный для насъ день коронаціи Государя Императора, увѣковѣчено особенною серебряною медалью и сдѣлало навсегда памятнымъ въ горахъ имя доблестнаго нашего генерала Граббе.

Съ разсвѣтомъ авангардъ нашъ выступилъ къ Ашальтѣ, а нашъ батальонъ и еще одинъ апшеронскій, опять къ величайшему нашему огорченію, оставлены при полевыхъ орудіяхъ. Мысль, что я не буду участвовать въ такомъ блистательномъ сраженіи, единственной надеждѣ на отличіе, очень меня печалила, и я испросилъ позволеніе быть прикомандированнымъ къ авангарду. Такъ какъ Ашальта лежитъ на половинѣ бетлитльскаго ската Койсубулинской пропасти, то отъ Бетлитля намъ нужно было спускаться внизъ, и дорога, продѣланная нами, косвенно пересѣкала ребра ската. На половинѣ дороги, съ лѣвой стороны, съ отвѣсной скалы падаетъ чистѣйшій ручей, который далѣе низвергается опять водопадомъ въ пропасть и потомъ

сквозь узкую трещину, раздѣляющую Ахульго на двѣ части, бросается въ Койсу. У этого-то ручья показались первыя засѣвшія за скалами и завалами толпы непріятеля. Завязалась перестрѣлка, ударили въ штыки, и горцы начали подаваться назадъ къ аулу, останавливаясь на каждой террасѣ садовъ и каждый шагъ уступая послѣ упорнаго боя.

Часа три продолжалась эта упорная битва въ садахъ, пока достигли мы до деревни, до текущаго предъ ней ручья. Тутъ долженъ былъ начаться самый отчаянный бой. Горцы плотно засѣли въ деревнѣ, которая грозными стѣнами саклей надъ нами возвышалась и казалась неприступною, и которою овладѣть безъ артиллеріи почти было невозможно; а артиллерія была еще далеко сзади и не такъ-то скоро могла прибыть къ аулу. Но генералъ, видя необыкновенный порывъ войска, обрадовавшагося, что нашелъ наконецъ непріятеля, не хотѣлъ дожидаться артиллеріи и повелъ штурмъ штыками. Съ фронта рѣшительно не было возможности вдругъ пробиться въ деревню. Высокія сакли, плотно одна возлѣ другой стоящія, образовали неприступную стѣну, изъ за которой горцы осыпали насъ пулями, а обойти тоже не было средствъ: слѣва возвышались почти перпендикулярныя скалы, а справа — отвѣсная пропасть. Но чудная смѣлость нашихъ войскъ все преодолѣла. Влѣво посланы были двѣ роты: одна 3-го батальона Куринскаго и одна Апшеронскаго полка; вправо — батальонъ Апшеронскаго полка и одна рота Куринскаго. По обрывамъ и карнизамъ скалъ лѣпилась наша лѣвая колонна, не тревожимая сначала непроницательными горцами, засѣвшими въ деревнѣ, и наконецъ по руслу высохшаго ручья спустилась внизъ, ударила въ штыки и ворвалась въ деревню. Отчаянно было положеніе этой горсти храбрыхъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались на нихъ пули. Горцы бросились въ шашки; но солдаты, прислонясь къ саклямъ противъ небольшой площадки, выдерживали всѣ нападенія и крѣпко держались. Уже многихъ изъ нихъ убили и ранили, ранили храбраго капитана нашего полка Николая Пулло; но помощь была недалеко....

Между тѣмъ, какъ лѣвая колонна ворвалась въ деревню, правая спѣшила обойти ее. Это представляло кровавыя трудности. По закраинѣ обрыва бросились апшеронцы и заняли первые уступы садовъ. Но этихъ уступовъ возвышались надъ ними десятки, и на каждомъ изъ нихъ горцы, стоя толпами, почти надъ нашими головами, и скрываемые густымъ виноградникомъ, осыпали насъ пулями и камнями.. Не забудьте, что уступы были вышиною въ сажень и болѣе; слѣдовательно, каждый уступъ представлялъ новую стѣну, на которую нужно было взойти подъ градомъ пуль и камней, и на ко-

торыхъ горцы дрались упорно. На другой сторонѣ деревни, на одномъ изъ кургановъ находился высокій каменный бѣлый столпъ съ молитвенными досточками. Здѣсь стоялъ резервъ непріятельскій и развѣвались значки разныхъ племенъ, и отсюда они безпрестанно то наполняли деревню, то бросались на помощь дерущимся въ садахъ. Но апшеронцы, предводимые подполковникомъ Шпитниковымъ, дрались съ особеннымъ одушевленіемъ и, подвигая, такъ сказать, головами своими непріятеля все выше и выше по террасамъ, наконецъ прошли сады и ударили на резервъ его. Тогда толпы эти бросились бѣжать по дорогѣ къ Чиркату; за ними спѣшили засѣвшіе въ деревнѣ; и тогда-то лѣвая наша колонна, сражавшаяся уже болѣе часу въ деревнѣ на площадкѣ, окруженная горцами, была оставлена ими и потомъ сама бросилась на нихъ по направленію ко входу въ аулъ и тѣмъ дала возможность колоннѣ, штурмующей съ фронта, тоже ворваться въ деревню.

Тогда-то сраженіе приняло совсѣмъ другой видъ. Тогда началась ужаснѣйшая битва въ сакляхъ, — битва на штыкахъ и кинжалахъ, — рукопашная битва. Прислоненныя къ стѣнамъ сакли, плотно одна надъ другой возвышающіяся и соединенныя внутри между собою проломанными проходами, представляли какъ бы одну огромную, мрачную пещеру, раздѣленную на безчисленныя конурки, какъ бы безконечный лабиринтъ темныхъ и узкихъ переходовъ, наполненныхъ отчаянными горцами, которые, бувучи уже окружены нами и не имѣя возможности уйти, рѣшились умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Европейское наше устройство войска, дававшее намъ до сихъ поръ преимущество надъ необразованными горцами, не могло уже существовать въ этомъ вертепѣ: всѣ разсыпались и смѣшались, и одно мужество и сила, кинжалъ и штыкъ рѣшали дѣло. Съ глазу на глазъ, грудь съ грудью дрались, кололись, рубились, — и счастливъ былъ или сильнѣйшій, или храбрѣйшій, или хранимый Богомъ. Дрались на плоскихъ крышахъ, дрались въ тѣсныхъ улицахъ и въ темныхъ сакляхъ: кто оружіемъ, кто камнями, а кто просто въ охапку. Отчаянные горцы кучами и поодиначкѣ бросались изъ саклей въ толпы наши и падали подъ штыками. Но самая ужасная для насъ драка была въ сакляхъ — въ этихъ узкихъ и темныхъ подземельяхъ, уже послѣднемъ убѣжищѣ непріятеля.... Къ двумъ часамъ по полудни Ашальта была взята; но въ иныхъ сакляхъ драка продолжалась еще до вечера. Въ этотъ достопамятный день генералъ нашъ терпѣлъ наравнѣ со всѣми, и голосъ его, который громче сигнальной трубы, изнемогъ совершенно.

Вторая колонна отряда съ полевыми орудіями медленно спускалась; но когда завязалось жаркое дѣло въ Ашальтѣ, то нашему

2-му батальону велѣно было слѣдовать впередъ, и онъ тоже успѣлъ еще подраться въ этомъ знаменитомъ дѣлѣ, по окончаніи котораго онъ занялъ позицію верстахъ въ двухъ отъ Ашальты, на одной же съ нею высотѣ, почти надъ самымъ Чиркатомъ. Разбили палатки — и съ какимъ блаженствомъ, послѣ такой битвы, послѣ сильной усталости я отдохнулъ въ тѣни ихъ....

Обмывъ пыль и порохъ, закоптившіе лицо мое, вечеромъ уже я пошелъ въ Ашальту посѣтить раненыхъ своихъ товарищей и знакомыхъ. Въ палаткахъ, разбитыхъ подъ огромными орѣховыми деревьями, лежали офицеры и солдаты, и только изрѣдка легкіе стоны обнаруживали ихъ страданія. Надо изумляться твердости, съ какою переносятъ, особенно офицеры, самыя тяжелыя раны. Тутъ лежалъ подполковникъ Шнитниковъ. Я былъ съ нимъ хорошо знакомъ, и сердце мое сжалось отъ горести, когда я подошелъ къ нему. Онъ былъ раненъ пулею въ грудь навылетъ. Рана была смертельная, а у него молодая жена и шесть малолѣтныхъ дѣтей. Но видъ его былъ такъ спокоенъ, что можно было подумать, что онъ очень легко раненъ. Онъ жилъ еще пять дней, отправился въ Темирханъ-шуру, но на дорогѣ умеръ, и жена встрѣтила уже трупъ своего супруга-героя!

Нельзя не пожалѣть объ участи кавказскихъ дамъ—супругъ офицеровъ, въ особенности дамъ Темирханъ-шуры. Въ мое время было тамъ до двадцати благородныхъ семействъ, и многія женщины очень милыя, добрыя и образованныя. Со страхомъ принимаютъ онѣ вѣсть объ экспедиціи, со слезами провожаютъ мужей своихъ въ походъ и, потомъ, сидя въ уединенныхъ и скучныхъ своихъ комнатахъ, съ трепетомъ думаютъ объ ихъ опасностяхъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ онѣ ожидаютъ отъ нихъ писемъ, минуту радуются, когда ихъ получаютъ, и потомъ опять мучатся опасеніями. А когда возвращается отрядъ.... Счастливы тѣ, которыя увидали мужей своихъ; а какое горе несчастной вдовѣ героя, иногда матери семейства! А такіе случаи, къ несчастію, бываютъ очень нерѣдки. Но и счастливыя супруги недолго наслаждаются спокойствіемъ. Опять экспедиція и опять тѣже опасности.... О, вы! незабвенныя для меня дамы Темирханъ-шуры, — вы, которыя такъ ласково принимали меня въ кругу своемъ и своимъ участіемъ много, много облегчали мои душевныя страданія! если вы еще и теперь тамъ живете, то примите выраженіе моего глубокаго къ вамъ сочувствія. Я помню васъ!

Поговоривъ съ ранеными и сдѣлавши имъ какія можно было пособія, я посѣтилъ моихъ уцѣлѣвшихъ товарищей, собравшихся въ кружокъ въ гостепріимной палаткѣ любимаго всѣми артиллеріи капитана Никифораки — стараго воина-хлѣбосола. Тутъ сцена была

совсѣмъ другого рода. Беспечная и веселая молодежъ, забывъ труды и опасности, радовалась только успѣху, и происшествія этого дня составляли самую живую и увлекательную бесѣду. Каждый разсказывалъ свои или чужія какія либо особенныя приключенія, молодечество какого либо солдата или отважность лезгина, и разсказамъ не было конца.

— Чуть-чуть было проклятый лезгинъ, бросившійся на меня, какъ дикій кабанъ, не отправилъ меня на тотъ свѣтъ, говорилъ одинъ молоденькій прапорщикъ: — да молодецъ унтеръ-офицеръ И.... посовѣтовалъ ему самому прежде побывать тамъ.

— Ну, господа, какъ я чудесно подшутилъ надъ однимъ муллою, говорилъ другой офицеръ. — Онъ взбѣжалъ на крышу сакли и началъ одушевлять къ бою окружавшую его толпу тавлинцевъ. Но прежде нежели солдаты на нихъ бросились, моя пуля сдѣлала точку въ его восторженной рѣчи.

— На насъ бросился одинъ здоровый панцерникъ. Солдатъ ударилъ его штыкомъ; штыкъ скользнулъ по кольчугѣ, и солдатъ упалъ. Тогда другой, подогадливѣе, схватилъ панцерника поперекъ и по русски о-земь какъ снопъ свалилъ.

— Но со мной, господа, вотъ уже другой разъ случается самое необыкновенное приключеніе, за которое я непремѣнно отслужу благодарственный молебенъ, началъ разсказывать офицеръ нашего полка, П... — Однажды, еще въ Чечнѣ, на меня бросился чеченецъ, и какъ я былъ въ буркѣ, то онъ, охвативъ меня, повалилъ на землю и три раза вырнулъ меня кинжаломъ. Солдаты его закололи и хотѣли и меня поднять уже какъ мертваго; но какъ они удивились, когда я вспрыгнулъ на ноги, цѣлъ и невредимъ. Признаюсь, я и теперь еще удивляюсь, какъ Богъ спасъ меня. Я былъ въ буркѣ, и всѣ три удара кинжала попадали между лѣвымъ бокомъ и рукой; но каково было три раза видѣть надъ собой смертельный кинжалъ!.. Теперь со мной тоже случилось чудо. Я погнался за лезгиномъ; онъ споткнулся и упалъ, — я на него, и въ это время, оглянувшись назадъ, вижу, что на меня несется другой лезгинъ, съ обнаженною шашкою. Едва я поворотился лицомъ къ этому послѣднему и хотѣлъ вскочить, какъ первый лезгинъ схватилъ меня сзади за руки, и я, лежа на немъ спиной, имѣлъ удовольствіе видѣть приближеніе самой ужаснѣйшей хари другого лезгина съ поднятой шашкой. Уже онъ былъ отъ меня въ двухъ шагахъ, уже хотѣлъ взмахнуть надо мной послѣдній ударъ, какъ въ груди его блеснулъ штыкъ, и онъ трупомъ на меня ринулся. Тутъ же солдаты добили и другого лезгина, едва было не сдѣлавшагося моей предсмертной подушкой.

— Ну, друзья, разскажу же и я вамъ мое приключеніе, которое, безспорно, необыкновеннѣе всѣхъ вашихъ. Я сражался въ садахъ... вонъ, которые тамъ, надъ пропастью. Вы знаете, чего намъ стоило овладѣть каждой террасой, и когда мы поднялись уже почти до средины, вдругъ, въ сторонѣ, между густымъ виноградникомъ мелькнула какая-то странная фигура. Я бросился туда — и чтожъ вижу!... Молоденькая, прелестной наружности дѣвушка, съ разметанными волосами и изорваннымъ платьемъ, съ помутившимся взоромъ, какъ безумная стояла и держала на плечахъ своихъ окровавленный трупъ юноши. Едва увидѣла меня, какъ, опустивъ на землю трупъ, она выхватила кинжалъ и стала въ самомъ грозномъ положеніи. Несмотря на окаменѣніе сердца въ сраженіи, я почувствовалъ сильное состраданіе къ несчастной. Вѣроятно, это былъ трупъ ея брата или жениха, котораго она прибѣжала искать среди ужасовъ битвы. Всѣ женщины, какъ вы знаете, скрылись отсюда еще прежде сраженія, а она одна не покинула любимца своего. «Я не убью тебя — сказалъ я ей по татарски — и не трону твоего трупа. Но если ты сдѣлаешь шагъ отсюда, тебя убьютъ другіе. Спрячься здѣсь». И какъ мнѣ некогда было разговаривать съ нею, то я оставилъ ее и полѣзъ въ драку. Мы поднялись еще выше. Дѣло на минуту сдѣлалось нѣсколько холоднѣе. Я посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ, что нѣсколько солдатъ напали на дѣвушку, вышедшую изъ виноградника на чистое мѣсто. Она придерживала одной рукой трупъ, другою — съ остервенѣніемъ защищалась; но одинъ солдатъ схватилъ ее сзади и повалилъ на землю, а другой вырвалъ трупъ и отбросилъ далѣе. Трупъ быстро покатился внизъ; дѣвушка вспрыгиваетъ и бѣжитъ за нимъ: трупъ все ниже и ниже, она ловитъ его руками, но тщетно... вотъ на краю пропасти, вотъ онъ полетѣлъ въ бездну, и несчастная туда же за нимъ бросилась.... Она схватила его на воздухѣ и на вѣки скрылась съ нимъ на днѣ пропасти....

Въ этотъ достопамятный день истинно блистательнаго штурма такого крѣпкаго аула, пѣхотою безъ полевой артиллеріи, у насъ было убито 30 нижнихъ чиновъ, ранено офицеровъ 10 и нижнихъ чиновъ 91. Потеря непріятеля была несравненно болѣе. Однихъ труповъ отыскано 150; но множество ихъ осталось въ сору развалинъ или брошено въ пропасть и унесено товарищами. Хотя потеря наша была и довольно значительна, однакожь, по крѣпости аула и отважности его защитниковъ, можно сказать, что намъ еще дешево обошлась эта битва.

Я уже сказалъ, что нашъ батальонъ, то есть 2-й Куринскаго егерскаго полка, занялъ позицію противъ Чирката. Эта деревня лежала почти у ногъ нашихъ, на другомъ берегу Андійскаго койсу. Она при-

надлежитъ къ Гумбетовскому обществу, гораздо болѣе Ашальты и также окружена садами, нисходящими уступами до самого Койсу. Эта огромная деревня теперь красовалась предъ нами во всей своей прелести. Передъ нею находился деревянный мостъ чрезъ Койсу, который жители сожгли въ виду нашемъ, предполагая, что мы пойдемъ къ нимъ, и уже начали было выносить въ горы свое имущество. Но это, вѣроятно, не входило въ объемъ нашей экспедиціи. Мы на досугѣ пустили только для пробы нѣсколько гранатъ изъ черныхъ единороговъ, и одна изъ нихъ, какъ мы слышали послѣ, будто бы пробила саклю и убила двухъ лезгинъ.

Деревянные горскіе мосты довольно замѣчательны по своему устройству и доказываютъ, что нужда есть самый лучшій учитель. Я уже нѣсколько видѣлъ ихъ прежде и послѣ, и какъ они всѣ одинаковы, то я опишу устройство ихъ. Надобно знать, что здѣшнія рѣки такъ быстры, что на нихъ нельзя ни вколотить сваи, ни поставить козлы, и слѣдовательно нужно употребить для этого самый труднѣйшій механическій способъ — арку; а рѣка хотя и неширока, но все же была не менѣе пятнадцати сажень тамъ, гдѣ я видѣлъ такіе мосты. Можетъ быть, это было бы и незначительнымъ пространствомъ въ странѣ лѣсистой; но въ этой части горъ нельзя сыскать дерева длиннѣе девяти аршинъ и толще одной четверти въ діаметрѣ; и гдѣ желѣзо рѣдкость, устройство моста очень затруднительно, и впослѣдствіи я видѣлъ, какъ ломали надъ этимъ головы самые ученые инженеры, дѣлали много разныхъ попытокъ и, наконецъ, приняли механизмъ горцевъ. А эти дикари вотъ какъ умудрились. Прежде всего стараются какъ можно болѣе съузить рѣку, насыпая по обѣимъ сторонамъ ея каменныя плотины, которыя ведутъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ быстрота воды не станетъ уносить самыхъ огромныхъ камней. Но рѣки такъ быстры, что рѣдко удается болѣе двухъ саженей съ каждой стороны выдвинуть плотину, и потому часто остается пространство саженей въ девять, чрезъ которое должно уже перекинуть мостъ. На каменныхъ плотинахъ они кладутъ рядъ бревенъ, шириною аршина въ три, а длиною положимъ въ девять, такимъ образомъ, что $^2/_3$ бревна лежитъ на плотинѣ, а $^1/_3$ виситъ уже надъ водою. На концы бревенъ, лежащіе на плотинѣ, наваливаютъ камни и кладутъ опять рядъ бревенъ, отступя на сажень впередъ, чрезъ что концы ихъ подадутся на сажень далѣе перваго слоя надъ водою. Потомъ положатъ такимъ же порядкомъ и третій рядъ бревенъ: тогда уже мостъ выдвинется съ обѣихъ сторонъ на шесть саженей, и останется по срединѣ только три сажени пространства, которое уже легко соединить продольными балками. Такой мостъ возвышается надъ водою иногда сажени три-четыре и весь движется будто на рессорахъ;

но между тѣмъ по немъ смѣло можетъ ѣхать даже наша артиллерія. Механизмъ самый простой; но ему нельзя не удивляться, потому что это есть самый лучшій и единственный способъ, какимъ только можно устроивать мосты на такихъ рѣкахъ, и описаніе его, во первыхъ, удовлетворяетъ любопытство, а во вторыхъ, можетъ быть, и пригодится кому либо въ нашихъ будущихъ горскихъ экспедиціяхъ. Но подумаютъ, что и безъ моего описанія способъ этотъ извѣстенъ уже нашимъ кавказскимъ войскамъ. Можетъ быть, это и такъ; но я хорошо знаю, что иногда опыты одной экспедиціи остаются безполезными для другой. Они остаются только въ памяти начальниковъ, а начальники смѣняются, и поэтому новый начальникъ не всегда можетъ знать полезные примѣры своего предмѣстника. Чтобы въ этомъ убѣдиться, я только скажу, что не далѣе, какъ чрезъ два года послѣ этого, была опять экспедиція въ этихъ же самыхъ мѣстахъ, и у этой же самой деревни Чирката намъ нужно было строить мостъ. Цѣлую недѣлю ставили мы на водѣ козлы, перетягивали чрезъ рѣку толстые виноградные канты, клали бурдюки и употребляли всевозможныя выдумки, безполезность которыхъ, однакожь, уже давно нами испытана, при устройствѣ нами моста возлѣ Ахульго, какъ скажу я ниже. Вотъ въ этомъ-то отношеніи самыя неученыя записки справедливаго и наблюдательнаго очевидца могутъ принести величайшую пользу, и я говорю это не въ отношеніи къ себѣ, а для того только, чтобы мысль моя послужила поощреніемъ всякому, кому только Богъ даровалъ здравый смыслъ и образованіе. О, вы, храбрые воины Кавказа, мои, быть можетъ, прежніе товарищи и настоящіе сподвижники! въ часы вашихъ отдыховъ удѣляйте время на описаніе вашихъ подвиговъ. Ваши записки, хоть бы онѣ были совсѣмъ *неученыя*, будутъ всегда интересны и полезны, и пусть въ литературѣ нашей лучше будетъ слишкомъ много записокъ о кавказскихъ экспедиціяхъ, нежели мало....

Нельзя было не полюбоваться видомъ, какой *стоялъ* предъ нашими глазами. По ту сторону Койсу стѣной громоздятся одна надъ другою вершины горъ и скалъ и наконецъ соединяются въ хребетъ, называемый нами *Салатавскимъ*. По скату его къ Койсу живетъ Гумбетовское общество, а по противоположному скату Салатавское общество. Съ правой стороны хребетъ этотъ возвышается самою высокою горою, называемою Салатавскою, у подошвы которой сливаются два Койсу. Налѣво возвышаются еще двѣ коническія лысыя каменныя вершины, называемыя Кыркъ. Между этихъ-то вершинъ пролегаетъ тропинка, по которой отрядъ нашъ въ 1839 году

изъ крѣпости Внезапной прошелъ еще въ первый разъ къ деревнѣ Чиркату, по самой труднѣйшей, продѣланной имъ дорогѣ.

Я уже сказалъ, что жители Ашальты все свое имущество и женъ скрыли въ зàмкѣ Ахульго, гдѣ также находились жены Шамиля со всѣмъ своимъ имуществомъ, а также шестьдесятъ человѣкъ аманатовъ, взятыхъ Шамилемъ въ залогъ покорности у разныхъ обществъ, и, какъ говорили, множество вещей, награбленныхъ еще Кази-муллою при раззореніи имъ Кизляра. Поэтому генералъ рѣшился овладѣть этимъ мѣстомъ.

Зàмокъ Ахульго (*), прославившійся нашими кровавыми штурмами въ 1839 году, названъ зàмкомъ потому только, что онъ со всѣхъ сторонъ недоступенъ. Его составляютъ двѣ части: старый и новый Ахульго. Мѣстоположеніе ихъ совершенно одинаково; но въ 1837 году былъ занятъ только старый Ахульго. Трудно описать видъ этого мѣста. Это огромная глыба камня, версты двѣ въ окружности, отвѣсно и разнообразно обрѣзанная съ одной стороны Койсу, надъ которымъ она возвышается саженей на сто, а въ другихъ оборванная пропастями и ручьями, и только самымъ узенькимъ перешейкомъ, искривленнымъ, вызубреннымъ и не шире аршина сверху, соединяется съ другою вѣтвью горы. Этотъ перешеекъ былъ единственной тропинкой, ведущей въ зàмокъ, у входа котораго была стѣна съ двумя высокими башнями. Кромѣ этихъ башенъ не было никакого другого наружнаго строенія, и жители скрывались или въ пещерахъ, или въ сакляхъ и проходахъ, устроенныхъ подъ землею, откуда сквозь бойницы выглядывали ихъ смертоносныя ружья.

Отрядъ находился выше Ахульго, и на другой же день по приходѣ къ Ашальтѣ начали стрѣлять по немъ; но ни ружья наши, ни горныя орудія нисколько не вредили горцамъ. Они безбоязненно сидѣли въ своихъ подземельяхъ и мѣткими своими выстрѣлами держали насъ покамѣстъ въ отдаленіи. Вся надежда наша была на артиллерію, для которой еще не успѣли продѣлать дороги и устроить батареи. Такъ прошло 10 и 11 іюля безъ важнаго дѣла, только въ рѣдкой стрѣльбѣ по какому нибудь горцу, нечаянно появившемуся на поверхности Ахульго, гдѣ царствовала совершенная тишина, какъ будто тамъ не было ни одного человѣка. Только ночью слышны были оттуда, какъ изъ могилы, унылымъ предсмертнымъ голосомъ распѣваемыя молитвы; только ночью жители выходятъ наружу подышать воздухомъ.

(*) Слово арабское, которое въ переводѣ значитъ сборное мѣсто на случай тревоги.

Ночью картина была чудесная! Везде была глубокая тишина, среди которой однообразный шумъ бурнаго Койсу слышался какъ бы отдаленный отголосокъ горской пѣсни, да изрѣдка глухой выстрѣлъ нашего часового или брошенная граната на минуту пробуждали уснувшее эхо. Зажженная нами Ашальта пылала. Зарево длинными полосами блуждало по ущелью и на противоположной сторонѣ отражало разнообразные исполинскіе силуэты окрестныхъ скалъ, какъ великаны подымающихся изъ бездны. И среди непроницаемой темноты вдругъ являлись, какъ бы въ волшебномъ фонарѣ, то бѣлѣющаяся между зеленыхъ садовъ палатка, то гдѣ нибудь на вершинѣ група спящихъ нашихъ стрѣлковъ, то сверкающій пламенемъ водопадъ, какъ огненная струйка, съ неба катящаяся въ бездну....

12 іюня въ полдень подвезены были къ замку два полевыхъ орудія и начали громить его башни. Славно было смотрѣть на эту стрѣльбу, которая была очень мѣтка. Башни были сложены изъ камня безъ извести и потому легко разсыпались. Каждый выстрѣлъ отваливалъ нѣсколько камней и былъ сопровождаемъ радостнымъ крикомъ отряда. Къ вечеру одна башня была разрушена до основанія.

14 іюня. Деревня Гимри.

Мы выступили изъ Хунзаха только съ полумѣсячнымъ провіянтомъ, и какъ онъ уже былъ на исходѣ, да и въ Хунзахѣ его было немного, то нужно было привезти его изъ Темирханъ-шуры, куда 13 числа генералъ и отправилъ команду, поручивъ ей отвезти туда же и всѣхъ нашихъ раненыхъ, а самъ съ остальнымъ отрядомъ продолжалъ дѣйствіе противъ Ахульго. Всѣ полковыя и артельныя, а также артиллерійскія и офицерскія лошади должны были туда отправиться. Деревни Унцукуль и Гимри были уже мирныя, и потому намъ открыта была кратчайшая и единственная дорога, какая только существовала отъ отряда къ Темирханъ-шурѣ. Невиданный еще мною Унцукуль и опасная тропинка, идущая отъ него къ Гимрамъ, были для меня очень интересны, и я отправился туда съ этимъ же отрядомъ. Съ разсвѣтомъ мы потянулись. Легко раненые ѣхали верхомъ на лошадяхъ, съ трудомъ сидя на нихъ, а тяжело раненыхъ несли на носилкахъ по четыре солдата. Унцукуль находится верстахъ въ восьми отъ Ашальты, разумѣется не прямого пути, надъ Аварскимъ койсу, почти у самой рѣки, и дорога къ нему идетъ то переваливаясь чрезъ нѣсколько крутыхъ гребней, то вдоль ущелья, принимая всевозможныя измѣненія. Рука человѣческая нимало надъ ней не трудилась, а труды ногъ хотя были и многолѣтніе, но едва оставили слѣды

свои. Лошади въ иномъ мѣстѣ едва могли итти скользя по голому камню, а въ другомъ должны были спускаться на хвостахъ. Отрядъ нашъ походилъ на безконечный караванъ, вытянувшійся въ одну разорванную линію, и то скрывался въ глубинѣ ущелья, то мелькалъ на закраинахъ скалъ.

Унцукуль — одна изъ величайшихъ койсубулинскихъ деревень, имѣющая болѣе осьми-сотъ домовъ, лежитъ почти на самомъ днѣ койсубулинской впадины, почти въ верстѣ прямогό разстоянія отъ Койсу. Она окружена, какъ и всѣ здѣшнія деревни, верстъ на шесть опоясывающими ее садами, гдѣ ростутъ персики, абрикосы, яблоки, груши, туты, вьются безконечные ряды прекраснѣйшаго винограду и какъ исполины стоятъ громадныя орѣховыя деревья, журчатъ по террасамъ прохладные водопады, а въ иныхъ мѣстахъ, какъ башни или колонны, выдаются высокія почти цилиндрическія скалы. Я не видалъ ничего величественнѣе въ лѣсномъ царствѣ, какъ горскія орѣховыя деревья, и наши огромнѣйшіе дубы не могутъ сравниться съ ними. Иные стволы бываютъ въ пять человѣческихъ охватовъ; но, возвысясь на сажень или двѣ отъ земли, они раздѣляются на огромныя вѣтви; и дерево раскидывается обширною кущею, подъ тѣнью которой иногда просторно помѣщаются цѣлыя роты. Мы проходили деревню уже подъ вечеръ, цѣлый почти день тянувшись безконечныя восемь верстъ. Въ ней довольно улицъ и шире, нежели я замѣтилъ въ другихъ деревняхъ. Строенія всѣ почти такого же устройства, какъ въ Аваріи и другихъ обществахъ. Жители ея толпами насъ встрѣчали, продавали намъ съѣстные припасы и въ особенности своего издѣлія деревянныя корешковыя трубки, съ разноузорною мѣдною насѣчкой. Иныя изъ нихъ маленькія, другія съ длинными шейками, а нѣкоторыя съ придѣланными къ нимъ такими же небольшими чубуками. Въ этой деревнѣ самые лучшіе трубочные мастера на Кавказѣ, и, вѣроятно, они не очень то благоволятъ къ Шамилю и его мюридизму, запрещающему куреніе табаку. Отъ деревни дорога идетъ версты три ущельемъ до Койсу, въ тѣни садовъ, съ обѣихъ сторонъ огороженныхъ каменными, аршина въ два высотою стѣнами. По правую сторону подходитъ къ ней ручей, бѣгущій въ глубокой рытвинѣ, чрезъ которую вдали виднѣется переброшеный деревянный мостикъ, въ родѣ тѣхъ, какіе изображаютъ на швейцарскихъ ландшафтахъ. Мы остановились на ночлегъ за деревней. Выпивши стаканъ чаю изъ превосходной горской воды, я пошелъ навѣстить раненыхъ, чтобы сколько можно было облегчить ихъ страданіе, и между прочими посѣтилъ подполковника Шнитникова. Я удивлялся геройскому терпѣнію этого ветерана, который, несмотря на свою смертельную рану, казался

совершенно спокойнымъ и, разговаривая со мной объ экспедиціи, очень сожалѣлъ, что не можетъ участвовать въ дальнѣйшихъ ея дѣлахъ, которыхъ, по всей вѣроятности, будетъ еще много. А чрезъ два дня послѣ этого онъ умеръ, не увидавъ даже своей милой жены и семейства.

На другой день, съ разсвѣтомъ, отрядъ потянулся далѣе къ Гимрамъ — селенію, верстахъ въ четырехъ находящемуся отъ Унцукуля, по правую сторону Аварскаго койсу. На всемъ этомъ пространствѣ рѣка занимаетъ почти все пространство ущелья, котораго каменныя и глинянья скалы перпендикулярно возвышаются надъ нею. Это одно изъ самыхъ грозныхъ ущелій. Мутный Койсу съ шумомъ катитъ по немъ свои глиняныя волны, безпрестанно подмывая и обрушивая тѣсные свои берега, въ иныхъ мѣстахъ подступающіе къ самому его руслу. Дорога въ немъ просто дьявольская тропинка, приводящая въ робость даже пѣшехода. Три раза нужно очень круто подыматься и спускаться по самой узенькой, какъ бы вырѣзанной на отвѣсныхъ скалахъ тропинкѣ,—и въ особенности труденъ первый подъёмъ. Здѣсь Койсу какъ-разъ подходитъ къ берегу и надъ водою виситъ то выдолбленная въ скалѣ, то подложенная дощечкой едва для одного человѣка проходимая дорожка. Она простирается саженей на двѣсти, но, имѣя надъ собою перпендикулярныя скалы и внизу въ глубинѣ бушующій Койсу, трудна до головокруженія. И по такой-то дорогѣ намъ нужно было везти на лошадяхъ или нести на носилкахъ своихъ раненыхъ! Трудовъ и опасности было много; но, слава Богу, не было ни одного несчастнаго случая, и къ вечеру наконецъ мы пришли къ Гимрійскому мосту, пройдя такимъ образомъ, въ лѣтній іюньскій день, не болѣе четырехъ или пяти верстъ. Отрядъ этотъ конвоировалъ третій батальонъ Куринскаго егерскаго полка, который здѣсь долженъ былъ остаться и ожидать возвращенія изъ Темирханъ-шуры провіанта, а отряду съ ранеными слѣдовало отправиться далѣе чрезъ Гимри подъ собственнымъ уже прикрытіемъ.

Гимри — одна изъ величайшихъ койсубулинскихъ деревень, имѣющая, также какъ и Унцукуль, до осьми-сотъ домовъ. Она лежитъ почти у самого Койсу, въ глубокомъ, подъ прямымъ угломъ къ рѣкѣ идущемъ ущельѣ, которое снизу доверху имѣетъ, какъ мнѣ сказывали, по измѣренію еще 1832 года, до двухъ верстъ высоты. Отъ деревни до самой рѣки и потомъ вверхъ и внизъ по ней верстъ на пять простираются самые превосходные и живописные сады. Довольно сказать, что эта деревня есть родина Кази-муллы и Шамиля, чтобы обратить на нее вниманіе ваше; но она останется еще навсегда для насъ незабвенною по нашимъ въ ней подвигамъ. Въ 1832

году, хладнокровный, но смѣлый генералъ Веньяминовъ первый рѣшился спуститься въ это страшное и дотолѣ непосѣщаемое нами ущелье, и тутъ-то онъ поразилъ Кази-муллу на порогѣ его родного аула. Послѣ того, въ 1834 году, отважный и предпріимчивый полковникъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ) Клюге-фонъ-Клюгенау сдѣлалъ *набѣгъ* на Гимри съ самымъ небольшимъ отрядомъ — рѣшимость истинно геройская! Эта экспедиція 1834 года для меня незабвенна тѣмъ, что она была первою въ моемъ военномъ поприщѣ, и я не могу оторваться отъ воспоминанія о ней.

Отрядъ, собранный тогда въ Темирханъ-шурѣ, имѣлъ намѣреніе пройти въ Аварію и освободить ее отъ бѣдствій, причиняемыхъ мюридами Гамзатъ-бека. Гимрійцы принимали тогда сторону нашихъ непріятелей и, узнавши о нашемъ намѣреніи, собрались преградить намъ ту дорогу, которую они предполагали, что мы изберемъ, и какъ они оставили свой аулъ, то полковникъ Клюге-фонъ-Клюгенау рѣшился быстро двинуться къ нему и, раззоривъ его, заставить гимрійцевъ возвратиться домой и оставить намъ дорогу въ Аварію свободною. Отъ Темирханъ-шуры до Гимровъ будетъ верстъ 25 или 30; но для этого нужно всходить верстъ двадцать на высокій хребетъ и потомъ спуститься въ ущелье, которое, какъ говорятъ, имѣетъ до двухъ верстъ глубины. Отрядъ, выступивъ вечеромъ, чтобы скрыть свое движеніе, къ разсвѣту былъ уже на вершинѣ хребта. Трудно было всходить на гору, но спускаться въ ущелье еще труднѣе. Спускъ этотъ называется Ерпельынскимъ. По крутости его, дорожка въ немъ извивается длинными зигзагами и имѣетъ поэтому до десяти верстъ, но въ иныхъ мѣстахъ такъ крута, что лошади, которыхъ у насъ, впрочемъ, было немного, едва могли спускаться на хвостахъ. Мы такъ всѣ измортлись, что съ трудомъ могли держаться на ногахъ; колѣни дрожали, подгибались, и нужно было отдыхать безпрестанно. Едва къ полудню уже спустились внизъ, гдѣ одно ущелье было ровное, и, отдохнувъ немного, двинулись впередъ. Гимри были совершенно оставлены жителями, и потому мы почти безъ выстрѣла въ нихъ вступили. Составили ружья въ козлы, и я какъ снопъ повалился на землю, едва дыша отъ изнеможенія и усталости. Между тѣмъ солдаты нанесли цѣлыя карзины самаго превосходнѣйшаго винограду, яблокъ, грушъ; но едва стали было лакомиться, какъ раздалась команда: «Становись!»

Жители Гимровъ и другихъ ауловъ рѣшились не допустить насъ перейти на другую сторону Койсу, и для этого засѣли въ укрѣпленномъ по обѣимъ сторонамъ длинными завалами мосту, предъ самою деревнею находящемся, и хотя намъ и не было надобности переходить на ту сторону, но нужно было уничтожить мостъ, чтобы прервать

непріятелю сообщеніе съ этою стороною и чрезъ то безопасное отступить изъ Гимровъ. И нашей ротѣ назначено было овладѣть этимъ мостомъ. Я до того было усталъ, что позабылъ всѣ свои мечты и не въ силахъ былъ подняться; но когда построилась рота, зазвенѣло оружіе, то во мнѣ пробудилось мужество, и я воспрянулъ бодрый и веселый. Садами спустились мы внизъ къ рѣкѣ и остановились между виноградниками, въ закрытіи отъ непріятеля, который изрѣдка стрѣлялъ по насъ. Тутъ для меня наступила рѣшительная минута въ моей жизни или покрайней мѣрѣ въ моемъ военномъ поприщѣ. До сихъ поръ я еще не могъ знать себя, храбръ ли я, или трусъ, и мысль показаться послѣднимъ, особливо въ самомъ началѣ моихъ боевыхъ подвиговъ, меня сильно пугала. Я жестоко боялся первой пули,— не собственно ея, а того страха, какой, говорятъ, она обыкновенно наводитъ на непривыкшаго, и которому непремѣнно каждый новичекъ поклонится; а мнѣ очень не хотѣлось отдавать ей такого невольнаго почтенія, которое влечетъ за собой самое невыгодное мнѣніе товарищей.... какъ вдругъ, покамѣстъ мы строились, пуля просвистала мимо меня въ нашу колонну, и одинъ какой-то рекрутъ ей поклонился. Смѣхъ раздался надъ несчастнымъ; но я съ изумленіемъ смотрѣлъ на самого себя и душевно радовался, что я ей не поклонился. Это было для меня большимъ поощреніемъ; я вдругъ началъ себя чувствовать храбрымъ какъ нельзя больше и уже съ презрѣніемъ слушалъ свистъ пуль, мимо меня пролетавшихъ. Между тѣмъ ротный командиръ, храбрый капитанъ Тарасевичъ (убитый въ 1839 году, на штурмѣ Ахульго), вызывалъ охотниковъ, и я съ восторгомъ выступилъ впередъ. Отъ мѣста, гдѣ мы находились, до мостовыхъ заваловъ было саженей до ста открытой мѣстности, и намъ велѣно было безъ выстрѣла броситься на завалы. Двадцать-пять охотниковъ стали впереди колонны, ударили въ барабанъ, и мы какъ изступленные бросились со штыками на завалы. Раздался страшный непріятельскій залпъ: осыпали насъ градомъ пуль; меня, какъ помню, два раза будто что-то сильно дернуло за волосы висковъ; но мы не дрогнули, еще сильнѣе бросились впередъ, и непріятель, не допустивъ насъ шаговъ на двадцать, бросился бѣжать чрезъ мостъ. Тогда-то въ догонку посыпались на него наши пули, и много труповъ свалилось въ Койсу. Между тѣмъ мы перебѣжали мостъ, бросились на другой рядъ заваловъ; но и оттуда непріятель тоже бѣжалъ поспѣшно, лишивъ насъ такимъ образомъ удовольствія подраться на штыкахъ. Еще нѣсколько времени мы ихъ преслѣдовали; но они какъ кошки разбѣжались по скаламъ, и не было уже никакой нужды за ними гоняться. Мы перешли назадъ черезъ мостъ и зажгли его. Все это дѣло проиходило *въ глазахъ начальника отряда, генерала Лан-*

ского (чрезъ три дня после этого отъ болезни умершаго), который стоялъ не вдалекѣ, на возвышенности, и, видя такую смѣлую атаку заваловъ, велѣлъ потомъ представить къ себѣ всѣхъ храбрѣйшихъ охотниковъ, чтобы лично поблагодарить ихъ, и когда и я попалъ въ число пятнадцати уцѣлѣвшихъ героевъ того дня, то я не столько радовался тому, что остался цѣлъ и невредимъ, какъ моему такому славному военному дебюту, который вызвалъ тутъ же столько пріятныхъ для меня поздравленій моихъ товарищей и начальниковъ. За это дѣло я впослѣдствіи былъ произведенъ.... Мы еще сутки простояли тогда въ Гимри. Весь отрядъ занимался его разрушеніемъ и истребленіемъ роскошнѣйшихъ садовъ; но когда я смотрѣлъ на эту деревню теперь, только чрезъ три года, то почти уже не замѣтно было и слѣдовъ этого истребленія: такъ сильна дѣятельность этого горскаго народа! Вообще горцы очень привязаны къ своимъ ауламъ. Они живутъ въ домахъ предковъ, которыхъ построеніе такъ трудно, и пользуются садами, на разведеніе которыхъ употреблены столѣтія, и оттого-то они всегда упорно ихъ защищаютъ, между тѣмъ какъ другія племена, напримѣръ, чеченцы, нисколько не дорожатъ своими аулами, рѣдко ихъ защищаютъ и при приближеніи нашемъ разбѣгаются въ лѣса, оставляютъ ихъ на нашъ произволъ и поселяются въ новыхъ мѣстахъ.

Переночевавъ въ Гимрахъ и возобновивъ въ памяти всѣ свои приключенія, за три года со мной здѣсь случившіяся, я возвратился въ Ашильту, къ главному отряду, съ ѣхавшими туда мирными нашими азіятцами и нѣкоторыми гимрійцами, дорогою разговаривая съ ними о Шамилѣ, котораго всѣ они считаютъ очень хитрымъ, и который сидитъ теперь запершись въ Телитлѣ.

19 іюня. Лагерь на горѣ Бетлитль.

13 іюня четвертый батальонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, подъ командою майора Педяша, былъ посланъ на штурмъ Ахульго, котораго передовыя башни были уже совершенно разрушены. Непріятель сначала упорно защищался; но апшеронцы дружно пошли на приступъ и въ нѣсколько минутъ овладѣли этимъ замкомъ. Добычею нашею было 55 взятыхъ въ плѣнъ мюридовъ, 60 аманатовъ, взятыхъ Шамилемъ у аварцевъ и андійцевъ, и, какъ обыкновенно, разнаго рода оружіе: шашки, пистолеты, кинжалы и ружья. До сихъ поръ никто не обращалъ археологическаго вниманія на оружіе горцевъ, а между нимъ попадаются такія вещи, которыхъ начало относится, по всей вѣроятности, къ временамъ отдаленнымъ, и ко-

торыя заставляютъ каждаго, сколько нибудь любознательнаго, сдѣлать очень интересный вопросъ: какимъ образомъ они попались къ горцамъ? Извѣстно, что горцы берегутъ свое оружіе какъ святыню и передаютъ его по наслѣдству своимъ дѣтямъ; поэтому-то и въ наше время находится у нихъ такое оружіе, которое, быть можетъ, существуетъ уже нѣсколько столѣтій. Особенно достопримѣчательны ихъ шашки. На многихъ изъ нихъ я видѣлъ изображеніе всадника съ латинскою надписью: «*Vivat Hussar*, на иныхъ знакъ круга съ крестомъ наверху, а на другихъ какія-то надписи неизвѣстными намъ буквами. Когда мы взяли штурмомъ это же Ахульго въ 1839 году, то одна шашка попалась намъ съ латинскою надписью: «*vivat Zavischa*», и была поднесена находившемуся въ отрядѣ раненому гвардейскому офицеру Завишѣ! Какъ ни хорошо дѣлаютъ шашки на Кавказѣ, особенно въ чеченской деревнѣ Атагѣ; но у кавказцевъ славится два рода древнихъ шашекъ, которыя они цѣнятъ на вѣсъ серебра: *волчокъ*, съ изображеніемъ какого-то звѣря, наподобіе волка, и такъ называемая *гурда*, съ какими-то прямолинейными знаками, вѣроятно, буквами. Есть также много древнихъ европейскихъ пистолетовъ, особенно итальянскихъ. Одинъ офицеръ купилъ настоящій лазариновскій пистолетъ съ тонкимъ какъ бумага и бѣлымъ стволомъ, который гнется какъ олово и выравнивается послѣ выстрѣла отъ пули. Я тоже имѣю оттуда пистолетъ съ прекрасною серебряною насѣчкой и азіятскимъ замкомъ, на которомъ очень хорошо сохранился штемпель мастера, съ надписью: *urquiola*. Откуда все это оружіе зашло въ горы, когда его теперь, да уже и давно нигдѣ нѣтъ въ окрестности, и не получили ли его горцы еще въ наслѣдство отъ своихъ предковъ, быть можетъ, европейцевъ? Между ними доселѣ сохранилось преданіе о крестовыхъ походахъ, и нѣкорыя женскія фамиліи выводятъ свое происхожденіе отъ крестоносцевъ, и, быть можетъ, дѣйствительно, есть между горцами потомки благородныхъ, но злополучныхъ рыцарей, которые, послѣ своихъ неудачь, должны были искать себѣ убѣжища въ этихъ неприступныхъ горахъ.

Овладѣли замкомъ Ахульго, но дѣло этимъ еще не кончилось. Лезгины уступили намъ только поверхность своего укрѣпленія; но у нихъ оставались еще пещеры въ бокахъ его, гдѣ бо́льшая часть изъ нихъ скрылась съ своимъ имуществомъ, и куда проникнуть почти не было никакой возможности. Внизу этой знаменитой для насъ каменной глыбы, у самого Койсу, находилась обширная пещера, куда, какъ говорили, скрылось все семейство Шамиля, и гдѣ будто бы сохранялась его казна и всѣ сокровища, награбленныя еще Кази-муллою въ Кизлярѣ, и генералу хотѣлось непремѣнно овладѣть этою

пещерою. Но для этого не было никакой возможности спуститься къ ней сверху, и поэтому онъ рѣшился устроить мостъ чрезъ Койсу, чтобы обстрѣливать ее съ противоположной стороны. Это, дѣйствительно, было единственное къ тому средство; но мы еще тогда не знали, чего стоитъ устройство хотя какого либо моста чрезъ Койсу. Впрочемъ, и не задумывались надъ затрудненіями, ибо намъ хотѣлось кончить начатое дѣло, овладѣть семействомъ Шамиля, его сокровищами, потомъ войти въ Телитль, взять и его самого, и, не зная, или, лучше сказать, не хотя и знать всѣхъ трудностей такого дѣла, мы твердо были увѣрены въ своемъ успѣхѣ. Итакъ, въ ожиданіи возвращенія изъ Темирханъ-шуры отряда съ провіантомъ, мы начали строить мостъ и такъ дѣятельно занимались, что, вѣроятно, онъ скоро былъ бы конченъ, еслибъ намъ только не помѣшали....

Нашъ 2-й батальонъ, какъ я уже сказалъ, стоялъ въ верстахъ двухъ отъ Ашальты, вверхъ по Койсу, противъ самого Черката. Еще 14-го числа мы замѣчали, что по ту сторону Койсу собираются значительныя толпы непріятеля и направляются вверхъ къ Игалинскому мосту, о чемъ подполковникъ Цыклауровъ тотчасъ увѣдомилъ генерала; но какъ въ это время къ генералу являлись посланные отъ разныхъ сосѣднихъ племенъ съ предложеніемъ своей покорности, то онъ никакъ не предполагалъ въ нихъ враждебныхъ намѣреній. На другой день, около полудня, значительныя толпы горцевъ начали уже показываться и на нашей сторонѣ. Опытный Цыклауровъ расположилъ свой батальонъ по возвышенностямъ, фронтомъ къ непріятелю. На другой день, то есть 16-го іюня, толпы эти все болѣе и болѣе увеличивались и наконецъ, подойдя къ намъ, завязали перестрѣлку. Генералъ прислалъ къ намъ еще одинъ батальонъ и самъ пріѣхалъ. Тутъ-то онъ увидѣлъ, что непріятеля собралось тысячъ до двѣнадцати. Нашъ отрядъ былъ силою не болѣе трехъ тысячъ, почти не имѣлъ лошадей, которыя были отправлены въ Темирханъ-шуру, былъ разбросанъ въ глубокомъ котлѣ, откуда по видимому трудно было выбраться съ тягостями. Въ продолженіи всего этого дня происходили только стычки съ непріятелемъ. Мы храбро дрались на отдѣльныхъ возвышенностяхъ, но только, такъ сказать, защищали свою позицію.

Чтобы составить себѣ хотя какое нибудь понятіе о мѣстоположеніи нашемъ, вообразите себѣ, что пространство отъ Койсу и до верху этого ущелья, простираясь отлого, быть можетъ, верстъ на десять, состоитъ изъ нѣсколькихъ, по крайней мѣрѣ пяти или шести этажей или рядовъ гребней и бугровъ, одинъ надъ другимъ возвышающихся и, разумѣется, съ самыми неправильными и разнообразными изгибами. Ахульго лежитъ въ самомъ низу ущелья, на первомъ, такъ ска-

зать, его уступѣ, а Ашальта уже на второмъ или третьемъ. Судите же, сколько намъ еще предстояло уступовъ, чтобы достигнуть вершины.

Непріятель дѣйствовалъ противъ насъ безъ всякаго соображенія. Вмѣсто того, чтобы подняться въ гору и обойти насъ, на что у него достало бы и времени и силы, онъ дѣйствовалъ противъ насъ только съ одной стороны, боясь, по обыкновенію своему, отдѣлиться другъ отъ друга. Но отъ горцевъ, разумѣется, нельзя было ожидать никакихъ стратегическихъ соображеній, тѣмъ болѣе, что у нихъ не было въ то время ихъ главнаго начальника и толпы эти стремились только туда, гдѣ видѣли непріятеля. Первыя и смѣлыя ихъ атаки были прекрасно отражены нами. Войска наши были разставлены по отдѣльнымъ буграмъ, по одной или по двѣ роты, смотря по надобности, и лезгины со всѣмъ своимъ фанатизмомъ храбро бросались на эти какъ бы отдѣльныя укрѣпленія; но вездѣ ихъ такъ славно отражали, что фанатизмъ ихъ началъ мало по малу ослабѣвать, и къ вечеру они совершенно прекратили свои штурмы, ведя только перестрѣлку, которая наконецъ совершенно ослабѣла. Пошелъ дождь и азіятскія ружья, какъ извѣстно, должны были спрятаться въ чехлы свои.

Неизвѣстно, на что толпы эти рѣшились бы на другой день, но вечеромъ 16 іюня намъ приказано было отступить. Отступленіе это, по причинѣ разбросаннаго положенія отряда, пересѣченной мѣстности, проливного дождя и непроницаемой тьмы, было весьма затруднительно. Каждая часть отряда отдѣльно спѣшила къ Ашальтѣ, а оттуда навалъ по дорогѣ. Патронные ящики и палатки несли почти на рукахъ; артиллерія, ослабленная лошадьми, двигалась съ трудомъ; почти каждая часть дѣйствовала по усмотрѣнію, потому что трудно было сдѣлать какое либо распоряженіе или передать приказаніе въ такую страшную ночь и въ такой пересѣченной оврагами мѣстности.

Нашъ батальонъ, находясь версты на двѣ впереди всего отряда, долженъ былъ теперь составить арьергардъ и, разумѣется, отступать послѣ всѣхъ, ожидая на то особаго приказанія; но батальонъ нашъ не былъ вмѣстѣ и по-ротно стоялъ по особымъ возвышенностямъ. Тихо и неподвижно стояли мы подъ сильнѣйшимъ дождемъ на мѣстахъ своихъ, саженяхъ какихъ нибудь во сто отъ непріятеля, и ожидали приказанія; получивъ его, мы начали отступать. Сначала нужно было спуститься внизъ къ дорогѣ и сдѣлать это какъ можно осторожнѣе, чтобы не замѣтилъ непріятель нашего движенія; и мы сдѣлали это съ такимъ порядкомъ и хладнокровіемъ, къ какому способенъ только одинъ опытный кавказскій солдатъ: даже камешки не шевелились подъ ногами нашими и ни одно ружье не смѣло бряк-

нуть. Наша рота была шестая егерская, то есть послѣдняя во второмъ батальонѣ, и слѣдовательно должна была составить самый арьергардъ. Спустившись къ дорогѣ, мы уже не застали ни одной изъ другихъ ротъ нашего батальона, которыя прежде отступили, а потому и мы двинулись. Все это мы сдѣлали такъ осторожно, что стоявшіе противъ насъ непріятельскіе пикеты совершенно не замѣтили нашего отступленія, и до самой Ашальты мы шли втихомолку и безпрепятственно. Здѣсь мы настигли свой батальонъ; небольшая улица, по которой намъ нужно было проходить, заставлена была орудіями, патронными ящиками, безъ лошадей. Тогда мы начали вытаскивать на себѣ эти орудія и ящики. Между тѣмъ непріятель узналъ уже о нашемъ отступленіи, и громкія его пѣсни и радостные крики насъ оглушали и невольно приводили въ трепетъ, когда мы видѣли свою малочисленность и такую страшную грозу надъ нами. Мы ничего не знали о нашемъ авангардѣ и, считая себя уже окруженными горцами, твердо рѣшились умереть героями. Темнота ночи, бывшая причиною нашего безпорядка, сама же и скрывала его отъ глазъ непріятеля, и сильный дождь мѣшалъ даже стрѣлять по насъ. Къ тому же, совершенная тишина съ нашей стороны сбила горцевъ совсѣмъ съ толку, и они, сами боясь попасться намъ гдѣ нибудь ночью, не осмѣливались сдѣлать никакого движенія, а только адскимъ своимъ крикомъ оглашали окрестность и тѣмъ заглушали даже шумъ отъ нашего движенія.

Часа четыре или три мы должны были употребить, чтобы пройти Ашальту — всего какую нибудь версту: такъ мы обременены были тягостями, которыя принуждены были тащить въ грязи среди развалинъ аула. Но едва мы перешли аулъ, какъ стало разсвѣтать, и тутъ-то непріятель увидѣлъ положеніе нашего батальона. Страшный крикъ его радости раздался надъ нашими головами, и толпы засуетились и начали спускаться съ горъ, чтобы на насъ броситься. Выйдя изъ Ашальты и пройдя небольшую предъ нею площадку, дорога входитъ въ небольшое, узкое какъ коридоръ ущелье, обставленное по сторонамъ высокими и отвѣсными скалами. Это мѣсто составляло единственный переходъ отъ непріятельскаго отряда къ нашему, настоящіе Термопилы, и только нужны были отчаянные спартанцы, чтобы, занявъ его, защищаться въ нихъ до послѣдней капли крови и тѣмъ остановить непріятеля; и этотъ завидный жребій достался на долю нашей 6-й егерской роты. По какому-то особому вдохновенію свыше, мужественный и незабвенный капитанъ нашъ Колодка понялъ всю важность этой мѣстности, и когда всѣ прочіе части батальона прошли, онъ остановился и рѣшился встрѣтить въ немъ непріятеля. Въ командуемой имъ кучкѣ, кромѣ нашей небольшой роты, были еще солдаты и другихъ пол-

ковъ, которые, отставъ въ темнотѣ отъ своихъ командъ, къ намъ присоединились. Это разнообразіе произвело было сначала безпорядокъ, и когда толпа горцевъ съ гикомъ и крикомъ понеслась на насъ съ противоположной возвышенности, то отрядецъ нашъ пришелъ было тоже въ смущеніе. Тогда-то капитанъ Колодка, ставъ впереди всѣхъ и съ распростертыми руками загораживая собой ущелье, и грозилъ и умолялъ стоять дружно за Бога, Царя и Отечество. Я не могу безъ восторга и умиленія вспомнить этого чуднаго момента, когда этотъ храбрый ветеранъ, въ самую критическую минуту, будучи воодушевленъ самыми возвышенными геройскими чувствами, вдругъ останавливаетъ свой отрядецъ и, воспламенивъ его къ храбрости, грозно рѣшается встрѣтить отважно несущагося на него въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля!... «Стой дружнѣе, ребята! Куринцы! шестая рота! стойте, братцы! не выдавать! за Бога и Государя!» Эти слова электрически пробѣжали по жиламъ нашихъ всегда истинно храбрыхъ солдатъ, и мужество ихъ въ это время достигло до самаго высшаго героизма. Ринувшаяся на нихъ толпа непріятелей встрѣчена была дружнымъ ружейнымъ огнемъ и потомъ молодецкими штыками. Хлынула кровь, трупы повалились, и изумленные горцы, совершенно неожидавшіе съ нашей стороны сопротивленія, подались назадъ и разсѣялись. Но за ними слѣдовала другая толпа, потомъ третья. Къ счастію нашему, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, позади на возвышенности, находилось одно орудіе съ зарядными ящиками и открыло огонь картечью. Тогда-то началась истинная потѣха. Едва толпа непріятеля, человѣкъ съ пятьсотъ, скатится съ горы и съ неистовствомъ бросится на насъ, какъ раздастся по ней выстрѣлъ картечью: человѣкъ тридцать повалятся, половина подастся назадъ, а другая съ ожесточеніемъ бросится на насъ въ штыки, — и тутъ-то дружные штыки начнутъ свое дѣло. Такихъ атакъ мы выдержали пять или шесть и дрались уже не только штыками, но даже камнями и въ охапку. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было страшное. Предъ нами просто куча навалена была непріятельскихъ труповъ; но и у насъ потеря была значительная, и, безъ сомнѣнія, мы были бы подавлены многочисленностію непріятеля, еслибъ предоставлены были только собственнымъ своимъ силамъ. Но покамѣстъ наша храбрая куча удерживала непріятельскія толпы прорваться далѣе къ нашему отряду, прочія роты нашего батальона построились на разныхъ возвышенностяхъ и открыли страшную стрѣльбу и потомъ атаку на другія непріятельскія толпы. Дѣятельный нашъ подполковникъ Цыклауровъ и артиллеріи капитанъ Никифораки, съ неимовѣрными трудами, успѣли встащить орудія на возвышенность, устроить батарею и от-

крыть убійственный огонь по самымъ уже главнымъ силамъ непріятеля; а между тѣмъ къ намъ явился 3-й батальонъ Куринскаго полка. Этотъ батальонъ, какъ помните, былъ въ Гимрахъ, и получивъ приказаніе присоединиться къ отряду, въ самую мрачную и дождливую ночь прошелъ почти пятнадцать верстъ горской дороги и теперь, какъ-разъ, кстати явился къ намъ. Этотъ батальонъ стройно и дружно бросился на непріятельскія высоты, и горцы, будучи уже сами атакованы, такъ были сконфужены, что бѣжали отъ насъ, оставивъ намъ все то, что было захватили у насъ изъ брошеннаго на дорогѣ. Это сраженіе продолжалось почти до десяти часовъ утра, и утро это было самое прекрасное, если бы только было когда любоваться имъ. Дождь пересталъ, и солнце въ полномъ блескѣ своемъ озарило эту страшную битву. Никогда я, ни прежде, ни послѣ не видалъ такого изступленія, съ какимъ сражались въ это время наши солдаты. Это было для нихъ такое раздолье— подраться на штыкахъ, что они пришли въ какое-то неистовство, и когда уже кончилась битва, когда намъ досталось много оружія, то солдаты разбивали шашки и пистолеты о камни, не желая даже пользоваться поганымъ оружіемъ. Фельдфебель нашей роты, посадивъ на штыкъ одного здороваго и дебелаго лезгина, какого-то ихъ важнаго начальника, вырвалъ у него значокъ и изорвалъ въ куски. Но страшно было и изступленіе лезгинъ. Иные изъ нихъ, закрывъ глаза лѣвою рукою, а въ правой съ кинжаломъ, бросались прямо на штыки; другіе, съ шашками, рубились направо и налѣво и перерубливали иногда даже ружейные стволы. Иногда случалось, что какой нибудь неловкій, хотя и храбрый солдатъ проймѣтъ насквозь штыкомъ грудь горца и не успѣетъ въ ту же минуту его выдернуть — лезгинъ захватываетъ стволъ одною рукою, а другою поражаетъ солдата.

Покамѣстъ происходила эта отчаянная драка, остальной отрядъ началъ собираться съ разныхъ возвышенностей и пропастей и версты двѣ повыше Ашальты соединяться вмѣстѣ, — и каковъ былъ намъ пріемъ, когда мы съ такими лаврами подходили къ нему. Это было истинное торжество! Солдаты со всѣхъ батальоновъ къ намъ подбѣгали, цаловали насъ, хвалили, и если бы не дисциплина, то капитана вѣрно понесли бы на рукахъ.

Уронъ непріятеля въ этомъ кровавомъ для него дѣлѣ простирался до пяти сотъ насчитанныхъ труповъ; да и у насъ потеря была немаловажна. Убито: офицеръ одинъ, нижнихъ чиновъ 32; ранено: офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 93. Таковы по крайней мѣрѣ были собранныя мной свѣдѣнія, которыя совершенно вѣрны и съ оффиціальными.

Горцы, получивъ такой славный урокъ, разошлись по домамъ и уже болѣе насъ не безпокоили. Такое пораженіе убѣдило ихъ на долго, что русскіе всегда непобѣдимы, и что въ какомъ бы затруднительномъ положеніи мы ни находились, они никогда не могутъ имѣть надъ нами преимущества, особенно съ такими капитанами, какъ былъ нѣкогда Ивченко, а потомъ Колодка, о которыхъ по всему войску распространилось даже какое-то суевѣрное преданіе, что ихъ и пуля не беретъ, и что они горстями ихъ изъ за пазухи такъ и вынимаютъ. Это, разумѣется, несправедливо; но, дѣйствительно, надобно удивляться промыслу Божію, хранящему иногда своихъ избранныхъ, и этотъ, напримѣръ, капитанъ Колодка, ни въ этомъ дѣлѣ, ни въ другихъ, столько же жаркихъ, ни разу даже не былъ раненъ; а что уже и говорить о томъ, что пули градомъ летали вокругъ него!...

Іюня 17 отрядъ спустился къ Унцукулю, котораго жители насъ встрѣтили дружелюбно. Тутъ мы получили изъ Темирханъ-шуры провіантъ, за которымъ посылали, и 19-го числа поднялись опять на гору Бетлитль.

ЗАПИСКИ

ОБЪ АВАРСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ НА КАВКАЗѢ

1837 ГОДА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Послѣдняя).

---

29 іюня. Лагерь въ Карадахскомъ ущельи.

Съ горы Бетлитль отрядъ двинулся обратно къ Хунзаху; но, не доходя до него, онъ долженъ былъ раздѣлиться на двѣ части. Намѣреніе наше было спѣшить какъ можно скорѣе къ Телитлю, гдѣ только два батальона держали Шамиля взаперти, и потому начальникъ отряда съ главными силами двинулся туда чрезъ Хунзахъ и Голотлинскій мостъ на Аварскомъ-койсу, а нашему 2-му батальону и еще одному Апшеронскаго полка приказалъ итти съ четырьмя полевыми орудіями, для чего избрана дорога чрезъ Готцатль къ Карадахскому мосту, а оттуда ущельемъ чрезъ общество Куяда къ Телитлю.

Помните ли вы описанный мною Карадахскій каменный мостъ и его окрестность — небольшую площадку, обставленную кругомъ живописными скалами, между которыми, прямо противъ моста, я означилъ какъ бы искусствомъ сдѣланную громадную, узкую, почти полукруглую арку: эти ворота идутъ въ Карадахскую или Куядахскую долину. На днѣ ея протекаетъ небольшой горный ручей. Долина сначала почти на версту идетъ узкимъ ущельемъ, а потомъ мало по малу расширяется самымъ живописнымъ образомъ. Здѣсь уже почти не видно страшныхъ скалъ, а самые красивые то отлогіе, то совершенно конусообразные бугры и горы, возвышающіеся одни надъ другими, которые, будучи одѣты самою яркою бархатною зеленью, чудесно рисуются или на голубомъ небѣ, или на черномъ фонѣ шиферной скалы, сзади ихъ стоящей. Многіе изъ нихъ, будучи отлогими, снизу доверху обдѣланы навѣсными полями, по закраинамъ которыхъ растутъ персики и абрикосы, а на иныхъ, высоко возносящихъ свои острыя вершины, на самомъ верху, куда, кажется, трудно взобраться, находятся сакли съ высокими башнями, въ которыхъ живутъ люди. Эти уединенныя и красивыя воздушныя жилища невольно воспламеняютъ воображеніе и заставляютъ предполагать, что вѣроятно что нибудь особенное принуждаетъ человѣка избирать для себя такое мѣсто жительства. И дѣйствительно, мнѣ сказывали, что тамъ поселяются бѣглецы, которые, сдѣлавъ какое нибудь смертоубійство и боясь за него кровомщенія, строятъ себѣ на этихъ недоступныхъ высотахъ сакли съ сторожевыми башнями, укрѣпляютъ ихъ и скрываются въ нихъ со всѣмъ своимъ семействомъ. И какихъ трудовъ и опасностей должна быть преисполнена жизнь такого человѣка! Чего стоитъ ему обработать небольшую полоску поля для своего пропитанія, пасти нѣсколько барановъ по крутому скату, ежедневно иногда издалека приносить воду и быть всегда настороже отъ враговъ своихъ. Но его бѣлая сакля, какъ замокъ возвышающаяся на зеленой конической макушкѣ, съ нѣсколькими вокругъ полосками полей, его небольшое, по зеленой муравѣ прыгающее стадо, и самъ онъ въ черной буркѣ, опершійся на длинную свою винтовку — чудесная картина!

Версты черезъ три отъ входа въ ущелье находится довольно большая деревня Каради, которой сакли въ два и три этажа тянутся въ одну линію надъ дорогою и, будучи обращены къ ней галлереями, дѣлаютъ хорошій видъ. Жаль только, что всѣ онѣ, будучи сложены изъ шифера, мрачны и какъ бы неопрятны. Посреди деревни находится треугольная мечеть, на переднемъ углу которой, выдавшемся къ дорогѣ, возвышается очень красивая, тонкая, круглая, наподобіе каланчи башенка, чего я не видалъ ни въ одной лезгинской де-

ревнѣ, гдѣ обыкновенно мечети почти ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ саклей. Деревня эта принадлежитъ обществу андалальцевъ. Впереди ея и за нею простираются версты на четыре прекрасные сады и поля съ пшеницей и кукурузой. Абрикосы были уже въ полной зрѣлости, и жители даже даромъ давали ихъ намъ. Особенно превосходны абрикосы съ миндальною внутри косточкой, которые составляютъ другой родъ отъ обыкновенныхъ абрикосовъ.

Несмотря на то, что я уже пригладѣлся къ атлетическимъ формамъ лезгинъ, здѣшніе жители въ особенности поразили меня своимъ ростомъ и дородствомъ: въ сравненіи съ ними мы казались просто пигмеями. Они толпами насъ окружали и продавали чуреки, яйца, сыръ, курицъ и прочее, и иногда я долго заглядывался на какую нибудь группу этихъ горцевъ, гдѣ нибудь на бугрѣ стоящую. Съ косматою черною буркой на одномъ плечѣ, въ высокой шапкѣ, съ длиннымъ ружьемъ въ рукахъ, кинжаломъ и пистолетомъ за поясомъ, и ко всему этому круглая черная борода, нависшія брови, орлиный носъ и звѣрскіе глаза: это просто бандиты, предъ которыми испанскіе или итальянскіе разбойники показались бы мальчишками, и я увѣренъ, что въ цвѣтущія времена мелодрамы такая группа, выведенная на сцену, произвела бы самый убійственный эффектъ.

Почва земли въ этомъ ущельи очень плодородна, что́ доказывалось превосходно растущимъ на поляхъ хлѣбомъ. Шиферныя горы покрыты черноземомъ и испещрены ручейками. Вода на каждомъ шагу, и во многихъ мѣстахъ земля на косогорахъ трясется подъ ногами, какъ на болотѣ. Дорога по ущелью еще была сносна, и только огромные валяющіеся на днѣ камни и безпрестанно вьющіеся потоки дѣлали ее нѣсколько затруднительною для насъ.

Лагерь при деревнѣ Телитлѣ.

Недолго любовались мы красотою Куядахскаго ущелья. Скоро мы его прошли, и намъ представился самый трудный подъемъ на гору, на которую нужно было продѣлывать дорогу и втаскивать орудія. Между тѣмъ настала самая ненастная погода. Дождь шелъ нѣсколько сутокъ непрерывно, отчего сдѣлалась страшная грязь, по которой сами мы едва могли двигаться, а тутъ еще нужно было тащить орудія. Подъемъ былъ такъ крутъ, что восемь лошадей не въ состояніи были везти даже передка, и потому люди по необходимости должны были подымать на себѣ всю артиллерію. На каждое орудіе было распредѣлено по двѣ роты; но усталость доходила до

изнеможенія. Нѣсколько сутокъ мы не только не раздѣвались, но даже и не разбивали палатокъ, а мокрые и озябшіе ночевали подъ шинелями тамъ, гдѣ останавливалось орудіе, не раскладывая даже благодѣтельнаго огонька, потому что дровъ не было и щепки. А къ этому присоединился еще и недостатокъ провіянта. Положеніе наше въ эти шесть дней, которые мы употребили на переходъ отъ Каради до Телитля было самое трудное, какое случилось намъ испытать въ эту экспедицію, и это доставленіе къ Телитлю четырехъ орудій стоитъ самаго блестящаго сраженія. Офицеры терпѣли наравнѣ съ солдатами и единодушно раздѣляли всѣ труды съ ними, не для примѣра только, а дѣйствительно со всѣмъ усердіемъ помогая имъ иногда втаскивать орудія на какую нибудь крутизну.

Этотъ подъемъ велъ насъ на знаменитую гору Телитль, о которой —помните? — я говорилъ, что она имѣетъ видъ какого-то готическаго зданія. Только мы теперь ее огибали и поднимались на ея подножіе съ противоположной стороны той, которая была намъ прежде видна. Здѣсь она казалась также страшна. Вершина ея возвышалась огромною, какъ бы обрубленною отвѣсною скалою, и —вообразите!— оттуда, съ такой страшной высоты, узкой ленточкой низвергается водопадъ. Говорятъ, что на вершинѣ ея есть озеро, возлѣ котораго можно пахать землю, и что были случаи, когда жители, угрожаемые непріятелемъ, принуждены были туда скрываться и тамъ выдерживать самую долговременную блокаду.

Наконецъ, послѣ всѣхъ нашихъ трудовъ и лишеній, 2-го іюля мы прибыли къ отряду, блѣдные и изнуренные какъ мертвецы, замаранные, цѣлую недѣлю тащившись какихъ нибудь пятнадцать верстъ.

Телитль, эта памятная для насъ огромная деревня, гдѣ теперь находился Шамиль съ самыми лучшими своими приверженцами — мюридами, и въ которой старшиною былъ дядя его Кибетъ-магома, есть дѣйствительно одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ и неприступныхъ лезгинскихъ ауловъ. Онъ расположенъ на одной изъ нижнихъ отраслей горы на небольшой площадкѣ, которая съ трехъ сторонъ обрывается отвѣсными высокими скалами, до самаго небольшаго ручья идущими, а съ четвертой — прислоняется къ крутой, возвышающейся надъ нимъ скалѣ. Домовъ въ ней будетъ до пятисотъ, которые совершенно прислонены одинъ къ другому; только двѣ или три узенькія улицы и по срединѣ небольшая площадка. Сакли уже сами собою составляли непрерывную стѣну вокругъ деревни; но, кромѣ ихъ, въ мѣстахъ болѣе доступныхъ, находились еще завалы и девять башень: пять на Голотлинской сторонѣ отъ Хунзаха и четыре на Куядахской. Съ хунзахской стороны находится еще небольшое

кладбище съ разнообразными каменными памятниками. По ущелью, по обѣ стороны аула, идутъ террасами поля, садовъ же почти вовсе нѣтъ.

Войска наши обложили эту деревню кругомъ, и не было никакой возможности кому либо изъ нея выйти. Артиллерія наша, то есть четыре полевыхъ орудія, раздѣлена была на двѣ батареи, по два орудія каждая, и въ тотъ же день, какъ мы прибыли къ отряду, два орудія къ полудню были поставлены уже съ Голотлинской стороны и, открывъ самую меткую стрѣльбу, къ вечеру разбили три башни. Жители Телитля, вѣроятно, никогда не видавшіе нашихъ орудій, имѣли о нихъ самыя суевѣрныя понятія и воображали, что ядра наши въ состояніи разрушить самыя крѣпкія горы, и потому, когда раздались первые выстрѣлы и посыпались камни съ башень, то ужасъ ихъ былъ неописанный. Они какъ полоумные бѣгали по аулу, женщины и дѣти испускали страшные крики и толпами выбѣгали на улицы и сакли, не зная, въ испугѣ, чтó дѣлать. Но испугъ этотъ продолжался недолго, и скоро все успокоилось. Жители увидѣли, что самое лучшее для нихъ было не бѣгать по аулу, а сидѣть въ сакляхъ, которыхъ бóльшая часть по мѣстоположенію была недоступна для нашихъ ядеръ. Вообще, сколько я замѣтилъ, при всѣхъ штурмахъ горскихъ ауловъ, надобно какъ можно болѣе стараться вызывать засѣвшихъ въ сакляхъ жителей наружу, и для этого прежде всего нужно пользоваться ихъ первымъ паническимъ страхомъ, какой очень часто съ ними дѣлается отъ нашего дружнаго ура и страшной стрѣльбы изъ пушекъ. Но когда они успокоятся и засядутъ въ своихъ сакляхъ, тогда уже представится тягостная блокада всего аула и продолжительное взятіе приступомъ почти каждой сакли, гдѣ бой, съ отчаянными и доведенными до крайности жителями, такъ ужасенъ и неравенъ.

Въ этотъ же день стрѣлки наши и пѣшая аварская милиція заняли небольшой, примыкающій къ аулу, садикъ и часть крайнихъ саклей, разбитыхъ нашими ядрами и оставленныхъ жителями.

На другой день, то есть 3-го іюля, поставлены были два орудія съ Куядахской стороны. Артиллерія, сокрушивъ башни, разбивала сакли, и два батальона поставлены были на штурмъ деревни. Храбро солдаты бросились въ аулъ, овладѣли первыми саклями; но жители защищались упорно, дорого уступали намъ каждую саклю и, чтобы преградить намъ дорогу, зажигали ихъ и обрушивали. Тогда сраженіе дѣлалось ужаснымъ! По грудамъ камней, сквозь дымъ и пламя, лѣзли апшеронцы и куринцы 4-го батальона на приступъ, сакли пылали, рушились и погребали въ развалинахъ много жертвъ. Иногда случалось, что стоитъ какая нибудь раскаленная стѣна; по одну

сторону наши, по другую — горцы. Дерутся сквозь дыры и трещины, взбираются наверхъ, усядутся на гребнѣ — и вдругъ стѣна рушится.... Счастье, если это случится на непріятельскую сторону! Эта драка среди дыму и пламени на грудахъ камней была ужасна и величественна, и какъ нашему батальону не настала очередь, то мы преспокойно смотрѣли сверху на это побоище и досадовали на свое бездѣйствіе. Но, несмотря на продолжительную и неослабѣвающую храбрость этихъ батальоновъ, которые почти цѣлый день дрались, мы успѣли овладѣть въ тотъ день только не болѣе какъ четвертою частію аула и привести его въ развалины.

На другой день назначенъ былъ общій штурмъ. Для этого предположено было войскамъ, расположеннымъ по ту сторону ручья, подойти къ аулу и произвести только фальшивую атаку, потому что настоящей, по крутизнѣ берега, сдѣлать было невозможно; двумъ же колоннамъ назначено было итти на дѣйствительный приступъ: одной — съ Голотлинской, а другой — съ Куядахской стороны. Голотлинская колонна состояла изъ двухъ батальоновъ его свѣтлости князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго полка и нашего 2-го батальона, Куядахская же — изъ двухъ батальоновъ Апшеронскаго полка.

Еще наканунѣ этого дня, часовъ въ десять, велѣно было нашему батальону оставить свои возвышенности и итти на батарею, чтобы на другой день итти уже оттуда на приступъ. Видъ страшной битвы этого дня и ожиданіе такой же на другой день невольно заставили призадуматься каждаго, и эта ночь останется для меня навсегда памятною. Погода была прекрасная, луна блистала во всемъ своемъ величіи, и мысль, что, быть можетъ, это уже послѣдняя ночь въ моей жизни, невольно зашевелила и сердце и воображеніе. Солдаты преспокойно ужинали сухари съ водою и пили винную порцію; офицеры, то одиноко, то попарно, сидѣли или лежали на буркахъ и разговаривали другъ съ другомъ о предстоящемъ штурмѣ, иные съ безпечностію юноши, другіе же, напротивъ, съ благоразуміемъ опытности, одинъ другому подавали совѣты, поощряли другъ друга къ храбрости и на случай смерти дѣлали распоряженія. Я бродилъ одинокій по батареѣ. Мнѣ не къ чему было дѣлать посмертныхъ распоряженій и ни съ кѣмъ не хотѣлось дѣлиться задушевными мыслями, и потому, уединенно предавшись мечтамъ своимъ, я много передумалъ въ эти торжественные часы. Я припомнилъ себѣ всю мою жизнь, во многомъ раскаявался и, не видя въ ней ничего утѣшительнаго въ прошедшемъ и мало надежды въ будущемъ, даже желалъ смерти. Но иногда мысль моя невольно переносилась на родину: я живо припоминалъ себѣ моихъ бѣдныхъ и престарѣлыхъ

родителей, которые такъ страдаютъ по мнѣ и ежедневно молятся о моемъ возвращеніи въ ихъ объятія — глаза наполнялись слезами и во мнѣ опять пробуждалось желаніе жить и увидѣть свою родину. Я палъ на колѣни, вознесъ горячую молитву къ Создателю и потомъ, склонившись на камень, уснулъ среди всеобщей, какъ бы предсмертной тишины, едва нарушаемой вѣчнымъ меланхолическимъ ропотомъ внизу бѣгущаго ручья....

Едва разсвѣло, грянула сигнальная пушка, и всѣ войска понеслись къ аулу. Раздалась страшная стрѣльба, громкое ура, и подъ градомъ непріятельскихъ пуль мы ворвались въ деревню. Но осажденные не дрогнули: крѣпко сидѣли въ своихъ сакляхъ и ждали насъ къ себѣ поближе. Въ главѣ нашей первой колонны было два батальона графа Паскевича-Эриванскаго полка. Они смѣло бросились въ аулъ, выбили непріятеля изъ первыхъ попавшихся имъ саклей, но, по трудной мѣстности, раздѣлились направо и налѣво и, будучи окружены горцами, засѣли въ сакляхъ. Нашъ батальонъ былъ въ арьергардѣ. Когда графцы раздались въ стороны, мы двинулись впередъ и, пробѣгая узенькою улицею подъ самымъ убійственнымъ огнемъ, такъ что въ тѣснотѣ спотыкались на собственные трупы, добѣжали до небольшой площадки, гдѣ, поражаемые со всѣхъ сторонъ, бросились на сакли и стали выбивать изъ нихъ непріятеля. Мы тоже разрознились мѣстностію: одна рота вправо, другая влѣво; наша же шестая егерская пробилась далѣе всѣхъ и бросилась на непріятельскую саклю. Дружно взлетѣли мы на галлерею, бросились въ двери, окна, на крышу. Одни падали подъ выстрѣлами изъ пистолетовъ и подъ кинжалами, другіе врывались въ сакли и штыками и прикладами били отчаянныхъ мюридовъ. Взломали потолки, разрушили галлереи, двери, стѣны и, переколовъ всѣхъ защищавшихся, сами, почти изнеможенные, падали на ихъ трупы. Далѣе и кругомъ насъ съ трехъ сторонъ сидѣлъ многочисленный непріятель, и мы не могли уже оставить этой сакли. Между тѣмъ мы нигдѣ болѣе не слыхали ни нашего ура, ни сильной нашей стрѣльбы; а изъ этого мы заключили, что мы одни только такъ далеко забрались въ аулъ, и это дѣйствительно такъ было. Колонна Апшеронскаго полка, долженствовавшая атаковать аулъ съ Кудахской стороны, встрѣтила предъ собою нѣсколько этажей заваловъ, наполненныхъ отчаянными защитниками, и хотя храбро бросалась на штурмъ, овладѣла уже тремя рядами заваловъ, но далѣе пробиться не могла и потому не проникнула въ аулъ. Тогда мы, будучи одни почти въ срединѣ аула, не смѣли уже бросаться далѣе и должны были подумать о собственномъ спасеніи. Непріятель былъ у насъ съ трехъ сторонъ и не далѣе двухъ саженъ въ своихъ сакляхъ, откуда изъ бойницъ торчали стволы ихъ ружей, но не

смѣя тоже выйти изъ саклей и на насъ броситься, — и отъ этого обоюдное наше положеніе вышло очень странно. Ни мы, ни непріятель, боясь другъ друга, не смѣли выйти изъ своей засады и поэтому сражались почти цѣлый день не далѣе, какъ на двѣ сажени, выстрѣлами изъ ружей въ амбразуры и дыры. Наша сакля была почти разрушена нами, и теперь мы должны были ее укрѣплять, иныя дыры позакладывать, а другія пробивать для стрѣльбы. Потолка почти не было, и отъ такого дурного состоянія сакли мы много терпѣли: непріятель поражалъ насъ сквозь каждое отверстіе. Часовъ въ шесть по полудни ударили на батареѣ отбой — начались переговоры съ Шамилемъ; но у насъ перестрѣлка продолжалась, и мы отражали жестоко. Кромѣ непріятеля насъ мучили еще нестерпимый зной и жажда; къ тому же сакля наша отъ сору, крови и труповъ сдѣлалась смрадна и грязна; мы совершенно были равнодушны къ смерти, или, лучше сказать, о ней и не думали, хотя у насъ поминутно кого нибудь ранили или убивали. Къ амбразурамъ становились мы посмѣнно, и когда мнѣ пришла очередь отдохнуть, то я какъ снопъ повалился на землю. Возлѣ меня валялся обнаженный трупъ здороваго лезгина, и какъ въ это время не было уже мѣста никакому, а тѣмъ менѣе эстетическому чувству, то я подтянулъ его къ себѣ подъ голову и какъ на подушкѣ улегся на немъ.

Между тѣмъ вечерѣло. Лезгины ругали насъ и грозили, что когда настанетъ ночь, то они насъ всѣхъ перерѣжутъ, что намъ и дѣйствительно угрожало, и потому нужно было подумать объ отступленіи. Выйти изъ сакли наружу значило попасть въ руки непріятеля; а такъ какъ наша сакля примыкала съ одной стороны къ другимъ саклямъ, незанятымъ непріятелемъ, то капитанъ Колодка придумалъ пройти саклями внутри. Для этого мы начали дѣлать проломъ изъ своей сакли въ другую, оттуда въ третью и такъ далѣе и когда уже все было готово, рѣшились отступать. Но здѣсь требовалась большая осторожность, чтобы движенія нашего не замѣтилъ непріятель. Для этого капитанъ разставилъ часовыхъ по всѣмъ проломамъ, чтобы пропускать солдатъ по одиначкѣ и безъ шуму, и когда все было готово, начали тихо и ощупью перебираться въ смѣжную саклю. Для скрытія всего этого движенія оставлено было въ первой саклѣ въ арьергардѣ пятнадцать человѣкъ подъ моею командою, которые должны были стрѣлять по непріятелю и грозить ему и потомъ, когда всѣ пройдутъ проломъ, отступить самимъ и завалить его камнями. Все это было исполнено какъ нельзя лучше. Непріятель сначала не замѣтилъ нашего движенія, и мы, пройдя сакли три или четыре, значительно уже возвысились (потому что сакли были амфитеатромъ) и примкнули къ другимъ ротамъ батальона; но едва

арьергардъ наш вступилъ во вторую саклю и завалилъ проломъ, какъ горцы бросились въ оставленную нами саклю и хотѣли проникнуть далѣе, но тутъ увидѣли, что уже было поздно. Мы уже вступили въ третью саклю, стрѣляя въ проломъ второй, — и они побоялись просунуть свои головы въ эту западню.

Такъ кончился этотъ штурмъ. Мы овладѣли почти половиною аула, но не взяли всего, и этому причиною было, какъ вы видите, не недостатокъ нашей храбрости, а наша малочисленность и, такъ сказать, даже трусость самого непріятеля, который со страху крѣпко сидѣлъ въ своихъ сакляхъ и тѣмъ сдѣлалъ ихъ для насъ неприступными, а главное: крѣпость самого аула — эта сплошная масса одна надъ другою возвышающихся саклей, гдѣ совершенно негдѣ было развернуться или составить какую либо колонну, и куда, наконецъ, нельзя было легко придвинуть ни одного орудія. Отъ такого мѣстоположенія аула нельзя было сдѣлать того сильнаго и дружнаго удара, который, самъ собой воодушевляя войска, рѣшаетъ все дѣло, и мы принуждены были сражаться отдѣльно.

Во всю эту экспедицію судьба нашей шестой егерской роты была попадать въ самую сильную опасность и славно ее выдерживать, и въ этотъ штурмъ она, какъ видите, пробилась далѣе всѣхъ и едва не была истреблена; но она имѣла капитана Колодку и благополучно отдѣлалась. Я удивлялся хладнокровію, храбрости и счастью этого капитана и въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ среди самой опасности, пули надѣлали ему нѣсколько дыръ въ сюртукѣ, изъ шести избранныхъ имъ своихъ тѣлохранителей четырехъ убили, а онъ вышелъ даже не раненъ. Одна пуля прорвала ему лацканъ сюртука, откуда высунулся клочокъ хлопчатой бумаги.

— Поздравляю васъ, Павелъ Иванычъ, сказалъ я: — съ Георгіевскимъ крестомъ, потому что клочокъ ваты былъ похожъ на него.

— На все, братецъ, воля Божія и милость Царская, отвѣчалъ онъ, съ улыбкою: — поживемъ — заслужимъ!

И я дѣйствительно угадалъ на этотъ разъ. За этотъ штурмъ Колодка получилъ чинъ майора и Георгіевскій крестъ.

На другой день мы возвратились изъ аула наверхъ въ свои палатки, и съ какимъ восторгомъ бросился я на колѣни и благодарилъ Создателя за благополучное возвращеніе, и съ какимъ наслажденіемъ отдыхалъ я послѣ такихъ опасностей и усталости на своей буркѣ! Весь этотъ день и другой шли переговоры съ Шамилемъ, и лезгины, получивъ перемиріе, съ радостію выбѣгали изъ душныхъ своихъ саклей и торжествовали пѣснями и молитвами свое избавленіе. Между ними рѣзко отличались пришедшіе съ Шамилемъ мюри-

ды, которыхъ, говорятъ, было до тысячи. Всѣ они были хорошо одѣты, вооружены и въ сравненіи съ жителями Телитля, оборванными и худо вооруженными, казались какъ бы регулярнымъ войскомъ. Къ вечеру 6 іюля переговоры кончились. Шамиль поклялся намъ въ покорности и далъ въ аманаты племянника своего Гамзата. Дяди его Кибетъ-магома и старшина Карадахскаго общества дали тоже по одному аманату, поклявшись въ покорности своей и своихъ деревень аварскому правителю, и этимъ мы должны были кончить осаду Телитля.

Намъ жалко было, что мы не имѣли здѣсь полнаго успѣха, то есть не разорили всего Телитля и не взяли Шамиля, и весь отрядъ сильно скорбѣлъ объ этомъ и ревностно желалъ еще новаго штурма. Но такое похвальное воинственное чувство отряда не было основательно и происходило отъ незнанія всѣхъ нашихъ обстоятельствъ. Провіанта у насъ уже почти не было, а зарядовъ и того менѣе, взять же въ одинъ разъ Телитль не было никакой возможности, какъ мы уже убѣдились. Быть можетъ, его нужно было штурмовать еще недѣлю или дня три, а мы уже потеряли до двухъ-сотъ человѣкъ убитыми и вѣрно пришлось бы потерять еще столько, что́, при малочисленности отряда, было для насъ очень значительно. Ко всему этому нужно присоединить, что Шамиль въ то время не былъ еще тѣмъ важнымъ лицомъ, какимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, и непремѣнное его плѣненіе даже не составляло, какъ впослѣдствіи, особаго и исключительнаго стремленія. Взятіе же собственно Телитля было бы хорошо только въ нравственномъ отношеніи, то есть оно показало бы, что для насъ нѣтъ неприступнаго аула; впрочемъ, оно не повело бы ни къ какимъ большимъ результатамъ, кромѣ развѣ плѣна Шамиля. . . . .

. . . .

Изъ этой и послѣдующихъ экспедицій мы убѣдились, что кавказскіе горцы, будучи поставлены въ необходимость защищаться, дерутся до послѣдней капли крови, тогда какъ если есть для нихъ возможность къ бѣгству, то при малѣйшей опасности они непремѣнно уйдутъ скоро. На этомъ наблюденіи можно бы, мнѣ кажется, основать военное правило для кавказской войны, что если намъ предстоитъ брать штурмомъ аулъ, котораго намъ необходима только мѣстность, а не его защитника, то никогда не слѣдуетъ окружать его со всѣхъ сторонъ, а непремѣнно нужно оставить лазейку — и успѣхъ будетъ несомнителенъ. Такъ въ эту экспедицію мы взяли штурмомъ въ одинъ разъ Ашильту, несмотря на упорную защиту ее горцами, поклявшимися умереть въ ней до единаго съ оружіемъ въ рукахъ, потому только, что не совсѣмъ ее окружили; и такъ,

въ 1839 году, взяли мы знаменитый и неприступный аулъ Аргуани. Аулъ этотъ преграждалъ нам тогда дорогу къ Черкату, гдѣ Шамиль, съ многочисленнымъ войскомъ, рѣшился твердо намъ противиться; но генералъ Граббе, осмотрѣвъ его мѣстность, сдѣлалъ образцовый планъ штурма, направивъ войска на него только съ трехъ сторонъ, а съ четвертой, оставивъ ее, по видимому, свободною для осажденныхъ, положилъ одинъ батальонъ въ отдаленіи въ засаду — и успѣхъ былъ самый блистательный. Въ двадцать минутъ мы взлетѣли въ аулъ, и испуганные горцы, бѣжавъ изъ него толпами, были потомъ поражаемы положеннымъ въ засаду батальономъ. Другое дѣло, если намъ необходимо взять или уничтожить въ аулѣ его защитниковъ. Тогда уже, разумѣется, нужно запереть его со всѣхъ сторонъ; зато взятіе его сдѣлается тогда самымъ труднымъ и продолжительнымъ. Такъ было теперь въ Телитлѣ и потомъ въ 1839 году въ Ахульго, гдѣ десяти-тысячный отрядъ блокировалъ восемьдесять дней эту, по видимому, маловажную крѣпость.

22 іюля. Лагерь на горѣ Бетлитль.

Іюля 8, часовъ въ семь утра, оставили мы Телитль и направились всѣмъ отрядомъ въ Хунзахъ, чрезъ Кудахское ущелье, по которому мы шли къ Телитлю съ орудіями. Погода была прекрасная. Чудная природа, одѣтая въ утреннюю свою сверкающую одежду, какъ бы нарочно красовалась передъ нами; чтобы прогнать наше невольное уныніе, музыка играла веселые марши; но ничто не могло оторвать насъ отъ грустныхъ воспоминаній о Телитлѣ. Тамъ, въ числѣ прочихъ, убиты два храбрыхъ капитана нашего батальона: Ельманъ и Гриневъ — большіе друзья между собой. Помню, какъ предъ послѣднимъ штурмомъ, ночью, на батареѣ, они разговаривали вмѣстѣ и поручали другъ другу распоряженія, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ.

— Когда меня убьютъ, говорилъ одинъ: — пожалуста, продай всѣ мои вещи, заплати долги, а остальное отошли къ моей матушкѣ.

— А когда меня убьютъ, говорилъ другой, у котораго былъ юнкеромъ братъ: — возьми моего брата къ себѣ въ роту и смотри за нимъ какъ за сыномъ.

Они горячо обняли другъ друга, поцаловались и заснули. Бѣдные! Судьба отказала имъ даже и въ послѣднемъ утѣшеніи. Оба они были убиты во время штурма, почти въ одну минуту.

Тамъ же былъ убитъ и мой пріятель поручикъ В***, романическую исторію котораго я вамъ разсказывалъ уже. Когда потомъ собирали его вещи, я взялъ къ себѣ его письма и въ одномъ изъ нихъ изъ Петербурга прочелъ, что вѣрная его Елена наконецъ вышла замужъ за Б***. Признаюсь, такая развязка, хотя и ожиданная мною, была и для меня непріятна; а каковажь она была для бѣднаго В***! Жаль мнѣ было этого пылкаго и благороднѣйшаго юношу! Безъ сомнѣнія, если бы онъ остался живъ, время поохладило бы его сердце, и онъ, быть можетъ, впослѣдствіи, самъ бы смѣялся надъ своимъ романтизмомъ и сдѣлался, какъ и всѣ мы, обыкновенньмъ и полезнымъ человѣкомъ.

Походъ до самого Хунзаха не представлялъ ничего особеннаго чрезъ Карадахскій мостъ и раззоренный Готцатль — мѣста уже для насъ неновыя; 10 іюля пришли мы туда благополучно.

Въ Хунзахѣ простояли только два дня, въ которые погода была самая дурная. Дождь и градъ съ вѣтромъ и туманомъ дѣлали намъ эту стоянку непріятною. Хунзахская цитадель была уже значительно укрѣплена, и поодаль отъ замка выстроена каменная башня для защиты воды, отъ которой до замка дорога прикрыта была высокою каменною стѣною; но жители уже не такъ дружелюбно обходились съ нами, какъ было прежде: имъ было очень непріятно, что мы оставляемъ навсегда между ними нашъ гарнизонъ. Здѣсь умеръ подполковникъ Апшеронскаго полка Карцовъ, остававшійся комендантомъ въ Хунзахѣ, отъ жолчной горячки, и его хоронили со всей военной почестію. Очень жаль было добраго человѣка и хорошаго офицера, но еще болѣе отца семейства.... Эти похороны навели на насъ какое-то уныніе: каждый подумалъ о себѣ, — и кому жизнь не мила! Сѣверная погода еще болѣе имѣла вліянія на наше расположеніе духа, и мы уже стали изъявлять другъ другу желаніе поскорѣе возвратиться въ Темирханъ-шуру. Но мы не знали, что заключить изъ настоящаго нашего выступленія изъ Хунзаха. Мы взяли съ собой всѣхъ больныхъ и раненыхъ, почему могли предполагать, что пойдемъ въ Темирханъ-шуру, — но оставляли въ Хунзахѣ всѣ свои тягости, и поэтому думали, что еще въ него возвратимся.

Въ Хунзахѣ оставленъ былъ батальонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, подъ командою майора Педяша. Я очень любилъ этого добраго и храбраго штабъ-офицера, и потому съ грустію съ нимъ разставался, воображая, какимъ лишеніямъ и опасностямъ онъ подвергнется, и когда изъявлялъ ему мое объ этомъ сожалѣніе, то онъ мнѣ отвѣчалъ: «Чтожь дѣлать! я никуда не напрашиваюсь и ни отъ чего не отказываюсь!» — правило, которымъ всегда руководствовались на Кавказѣ старые и опытные офицеры.

Мы пошли по знакомой уже намъ дорогѣ чрезъ деревню Цатанекъ. Вокругъ этой деревни градъ сильно выбилъ еще только что выколосившійся хлѣбъ, и даже бобы, какъ ни крѣпокъ ихъ стволъ, сбиты были до самого корня; очень жаль было трудовъ земледѣльца, хотя и лезгина, для котораго его поле составляетъ единственное пропитаніе.

13 іюля пришли мы на гору Ветлитль и остановились лагеремъ на старомъ мѣстѣ. Погода была прекрасная, и, несмотря на іюль мѣсяцъ, природа была такъ свѣжа, какъ въ маѣ. Зелень самая яркая, цвѣтовъ бездна, и разнообразныя группы шатающихся облаковъ оживляли окрестность. Вся обширная передъ нами лежащая Унцукульская или Койсубулинская впадина наполнена была бѣлыми какъ снѣгъ облаками, которыя, вздымаясь, и опускаясь, и пѣнясь какъ волны морскія, дѣлали изъ нея самое живописное озеро съ небольшими красивенькими островами, выдавшимися изъ облаковъ скалами.

Движеніе отряда къ Бетлитлю, какъ уже мы послѣ узнали, было для того, чтобы встрѣтить тамъ идущій къ намъ транспортъ сухарей, которыхъ у насъ совсѣмъ не было, отправить оттуда въ Темирханъ-шуру всѣхъ больныхъ и раненыхъ чрезъ Унцукуль и Гимри и дождаться оттуда новаго провіянта. До сихъ поръ у насъ еще не было никакого другого сообщенія съ Темирханъ-шурою, какъ только чрезъ Унцукуль и Гимри; а если вы помните эту дорогу, то знаете уже ея трудность. Поэтому всѣ наши транспорты производились чрезъ жителей этихъ деревень, которые убѣдились, что гораздо лучше для нихъ доставлять къ намъ сухари и получать большія деньги, нежели безполезно съ нами сражаться. Надо отдать полную справедливость генералу Фези въ умѣньи располагать къ себѣ мирныхъ горцевъ. Самая щедрая и скорая плата за все, что у нихъ брали или что нечаянно повредили, поселила въ нихъ большое къ намъ довѣріе, и это одно только могло заставить ихъ такъ охотно доставлять намъ продовольствіе.

Подходя къ Бетлитлю, мы встрѣтили такъ давно ожидаемый транспортъ съ сухарями, и солдаты такъ обрадовались, что громко привѣтствовали бѣдныхъ ишаковъ, едва замѣтныхъ подъ вьюками, и, помогая горцамъ ихъ разъвьючивать, называли ихъ самыми нѣжными именами. Надо сказать здѣсь нѣчто о необыкновенной аккуратности лезгинъ въ доставленіи всего, что имъ поручено. Ничто и никогда не пропадетъ у нихъ, и часто случалось, что лезгинъ, взявшись что нибудь къ намъ доставить, не могъ этого скоро сдѣлать по непріязненнымъ отношеніямъ деревень, чрезъ которыя нужно было проходить ему; но порученная вещь никогда не пропа-

дала и хотя нескоро, но всегда была доставлена. Въ особенности они аккуратны въ доставленіи бумагъ, и лезгинъ готовъ даже пожертвовать жизнію, но не броситъ бумаги. Очень часто случается, что непріятели наши, считая ихъ шпіонами нашими, ихъ убиваютъ, но — странное обстоятельство — бумагъ никогда не истребляютъ и хранятъ ихъ съ какимъ-то благоговѣніемъ и непремѣнно при удобномъ случаѣ къ намъ ихъ доставятъ. Иногда, раззоривши какой нибудь аулъ, намъ случалось находить въ немъ наши постъ-пакеты цѣлыми и съ особымъ тщаніемъ хранимыми, вѣроятно, до перваго удобнаго случая передать ихъ намъ. Безъ сомнѣнія, этому причиною полученіе за нихъ денегъ; но для насъ этотъ ихъ обычай очень полезенъ.

Походомъ меня занималъ разсказъ одного нашего солдата, бывшаго въ плѣну у лезгинъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Кахетіи въ 1831 году и проданъ жителю Карадахскаго общества деревни Ачады за сорокъ барановъ. Его содержали какъ нельзя хуже: днемъ давали самую тяжелую работу, а ночью сажали на цѣпь. Три раза онъ уходилъ, но все неудачно: его ловили и приводили къ хозяину, который за это жестоко его наказывалъ. Наконецъ хозяинъ умеръ и, по какому-то религіозному обычаю, завѣщалъ сыну своему отпустить его; но сынъ не иначе соглашался дать ему свободу, какъ чтобы онъ принялъ магометанскую вѣру. — «Но сколько онъ ни употреблялъ со мной жестокостей, побоевъ и голоду, я — говоритъ — бранилъ его, плевалъ ему въ глаза и рѣшился уже умереть, радуясь, что сдѣлаюсь мученикомъ, и уповая наслѣдовать царствіе небесное. Когда же услышалъ, что наши подступили къ Телитлю, и хозяинъ мой въ большой тревогѣ часто отлучался изъ дому, то я рѣшился еще разъ бѣжать. Въ одно время, когда хозяина не было дома, я долго и со слезами молился Богу въ своей тюрьмѣ и наконецъ заснулъ. Во снѣ мнѣ явился ангелъ, который возвѣстилъ, что завтра меня непремѣнно бросятъ въ пропасть, если я не уйду. Я проснулся. Ночь была темная; но я замѣтилъ, что дверь моя не была затворена. Я началъ ломать свою цѣпь, которую я еще и прежде камнями надпиливалъ, и, къ моей радости, она почти сама распалась. Тогда я потихоньку вышелъ изъ аула и къ разсвѣту благополучно дошелъ до отряда. Вотъ какъ Господь Богъ наградилъ меня за мое долготерпѣніе!

«Да и что за житье съ басурманами: одинъ нашъ бѣглый былъ въ этой же самой деревнѣ, гдѣ и я. Лѣтъ пятнадцать уже живетъ онъ у нихъ, имѣетъ саклю, жену и дѣтей, а когда бывало встрѣтится со мной и я начну ругать его, что обусурманился, то горько заплачетъ, начнетъ креститься и проситъ меня, чтобы я далъ поцаловать ему свой крестъ. Готовъ — говоритъ — бросить все и подвергнуться

заслуженному наказанію, чтобъ только уйти къ своимъ, да жаль дѣтей.»

Почти десять дней простояли мы лагеремъ на одномъ мѣстѣ, на этой скучной горной равнинѣ возлѣ Бетлитля; а нѣтъ ничего скучнѣе въ экспедиціи, какъ праздная стоянка. Какъ провести время — не знали. Службы и занятій никакихъ, читать нечего, и страшная скука одолѣвала. Всѣмъ хотѣлось или возвратиться на квартиры, или итти въ драку, лишь бы только не стоять на мѣстѣ. Мнѣ тоже было скучно; но я всегда старался находить для себя какое либо занятіе и тѣмъ сокращалъ время. Но тоска по родинѣ болѣе нежели когда либо овладѣла мной. Мнѣ стали противны даже величественные виды природы и эти громадныя горы, заграждавшія зрѣніе, и когда вспомню бывало нашу широкую Русь, эти обширныя степи Малороссіи, гдѣ глазъ устремляется въ безпредѣльность, когда вспомню бывало свой небольшой домикъ съ прекраснымъ фруктовымъ садомъ и широкимъ прудомъ, то мнѣ они казались гораздо пріятнѣе этихъ грозныхъ скалъ и пропастей, и я такъ бы, казалось, и полетѣлъ туда, подъ ихъ мирную сѣнь, въ ихъ тихое уединеніе.... Но этимъ грёзамъ было суждено нескоро осуществиться!...

30 іюля. Лагерь въ Бурундукъ-кале.

Мы стояли лагеремъ при Бетлитлѣ такъ долго оттого, что ожидали транспортовъ съ провіянтомъ изъ Темирханъ-шуры, и какъ скоро они прибыли и мы запаслись сухарями на нѣсколько дней, то іюля 22 выступили въ походъ обратно чрезъ Цатанекъ и остановились на горѣ Арахтау. Съ этой горы идетъ внизъ одно ущелье чрезъ деревню Мусуку и Белехъ или Балаканъ до Аварскаго-койсу, гдѣ въ концѣ ущелья находится деревня Зираны, а по ту сторону рѣки деревня Арганы, отъ которой тоже углубляется одно ущелье въ Гимрійскій хребетъ, за которымъ находится деревня Малые-Казанищы, а тамъ и Темирханъ-шура. Это самая кратчайшая дорога отъ этой крѣпости къ Хунзаху, съ которою у насъ до сихъ поръ не было еще безопаснаго и свободнаго сообщенія, и теперь намъ предстояло обдѣлать эту дорогу и укрѣпить ее, чтобы такимъ образомъ устроить сколько возможно безопаснѣйшее сообщеніе съ хунзахскимъ гарнизономъ. По этому направленію отъ Темирханъ-шуры до Хунзаха будетъ не болѣе шестидесяти верстъ,—слѣдовательно, почти вчетверо менѣе той дороги, по которой мы сначала шли чрезъ Акушинское обще-

ство, Судахаринскій и Карадахскій мостъ, и даже гораздо ближе, нежели чрезъ Унцукуль и Гимри.

Іюля 23, спускаясь съ горы Арахтау въ такъ называемое Балаканское ущелье, прибыли мы къ деревнѣ Мусуку. Отсюда авангардъ нашъ пошелъ далѣе въ Зираны, а мы остались обдѣлывать здѣсь дорогу. Мусукъ — небольшая деревушка, окруженная плодородными полями. Пониже въ ущельи есть много лѣсу и кругомъ по отлогостямъ его много травы. Погода намъ благопріятствовала; только по ночамъ было холодно отъ сильнаго вѣтра и возвышенности мѣстности.

Обдѣлавъ дорогу съ горы Арахтау до Мусука, которая въ этомъ мѣстѣ очень крута и спускается зигзаками, продолжали работать ее далѣе до деревни Белехъ или Балаканъ. Ущелье здѣсь довольно отлого и понижается почти непримѣтно, что представляло намъ немного трудовъ для сдѣланія дороги, удобной для провоза нашей артиллеріи. Съ правой стороны ущелья низвергается внизъ множество ручейковъ иногда очень живописными каскадами. Въ одномъ мѣстѣ цѣлая широкая скала сверху донизу покрыта катящеюся по ней водою. Все это, сливаясь въ ущелье, образуетъ въ немъ довольно большой и разнообразно вьющійся и прыгающій по камнямъ ручей. По ущелью вездѣ было много самой свѣжей травы, и каждый удобный клочекъ земли превращенъ въ полоски полей, на которыхъ изобильно ростутъ ячмень и кукуруза.

Деревня Балаканъ немного болѣе Мусука, но гораздо ея живописнѣе и кругомъ версты на четыре вдоль по ущелью опоясана плодоносными садами, которыхъ вовсе нѣтъ въ Мусуку, по высотѣ его мѣстоположенія. Мы наслаждались чудеснѣйшимъ климатомъ. Днемъ жаръ былъ не очень силенъ, а вечерами самая живительная прохлада наполняла ущелье, и отъ изобильной растительности воздухъ дѣлался ароматнымъ. Ущелье все идетъ широко и покато и только къ концу съуживается, дѣлается каменистѣе, круто обрывается и поэтому потребовало большой обработки для сдѣланія спуска удобнымъ.

Спустясь внизъ, на послѣднихъ уже отлогостяхъ къ Койсу, увидишь деревню Зираны. Мѣстоположеніе ея очень живописно: надъ самою рѣкою, въ устьѣ чернѣющагося за ней ущелья, она окружена восхитительными садами, гдѣ огромные орѣхи, яблони, груши, персики и виноградъ едва держались подъ тяжестію уже начавшихъ созрѣвать плодовъ своихъ. Особенно мнѣ понравились яблони — огромныя деревья, которыхъ вѣтви, обремененныя, какъ гроздами, пунсовыми плодами, шатромъ склонялись къ землѣ. Это родъ самыхъ крѣпкихъ и долго сохраняющихся яблокъ.

Большое ущелье, по которому течетъ Койсу, въ Зираны очень расширяется; дно его дѣлается гладкимъ и образуетъ очаровательнѣйшій лужокъ, по которому рѣка, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, течетъ довольно тихо и безмолвно между островами, поросшими красивыми куртинами лозы и разныхъ кустарниковъ. Лугъ этотъ, покрытый самой яркой зеленью, составляетъ довольно большую площадку, по краямъ которой стоятъ небольшіе овальные, тоже зеленѣющіе бугры, одни надъ другими возвышающіеся и наконецъ примыкающіе къ голымъ и высокимъ скаламъ. Площадка, ровная какъ столъ, версты на двѣ простирается внизъ по Койсу и какъ бы замыкается деревнею Аргуны. Это самое живописнѣйшее мѣсто, какое я только видѣлъ на Кавказѣ. Среди мрачныхъ и дикихъ скалъ является ровный, зеленый, въ полномъ смыслѣ, бархатный лугъ, на которомъ, какъ разнообразные узоры, разбросаны острова, и между ними вьется довольно широкая рѣка: это такъ пріятно для глазъ, утомленныхъ вѣчною дикостію ущелій и громадностію скалъ! И тишина теченія Койсу также имѣетъ свою прелесть послѣ его шумныхъ водопадовъ и вѣчной яростной борьбы съ своими берегами. Здѣсь онъ какъ будто самъ радуется своему отдыху и такъ нѣжно катится по спокойному своему руслу. А что за прелесть деревня Арганы!... Она находится въ концѣ этой равнины на возвышающемся надъ нею бугрѣ, и бѣлыя ея сакли, одна надъ другою возвышающіяся, опоясываются темно-зелеными садами, которые, спускаясь постепенно внизъ, расходятся по лугу красивыми аллеями. За саклями возвышаются черные гребни скалъ, которые мрачностію своей еще болѣе придаютъ блестящего колорита и бѣлѣющейся какъ замокъ деревнѣ и зеленѣющимъ ея садамъ. И когда на всю эту картину заходящее солнце бросаетъ свои лучи и положитъ тѣни, то видъ этотъ дѣлается очаровательнѣйшимъ. Здѣсь-то я болѣе нежели гдѣ либо жалѣлъ о томъ, что я не художникъ и не могъ вѣрно снять этого чудеснѣйшаго ландшафта; однакожь, кое-какъ я срисовалъ видъ этой деревни, и, при всемъ несовершенствѣ моего искусства, онъ очень нравится всѣмъ, кто только его разсматриваетъ.

На этой площадкѣ, на правомъ берегу Койсу, противъ деревни Зираны предположено было устроить укрѣпленіе для защиты въ этомъ мѣстѣ переправы чрезъ Койсу, для него и оставлена была часть отряда, а другая, въ которой былъ и нашъ батальонъ, направилась далѣе для разработки дороги, перейдя рѣку, которая была глубиною по поясъ, по устроеннымъ нами на деревянныхъ козлахъ небольшихъ мостикахъ.

Отдохнувъ на берегу, пошли мы къ деревнѣ Арганы и, пройдя ея роскошные сады, вступили въ узкое ущелье, которое идетъ отъ нея

верстъ на десять, постепенно и незамѣтно возвышаясь. Гладкое дно этого ущелья, усѣянное мелкими камешками, не требовало никакой обработки для дороги. Наконецъ ущелье, мало по малу съуживаясь и превратясь почти въ коридоръ, вдругъ запирается отвѣсною, высокою, саженей въ десять, каменною скалою. Съ лѣвой стороны скалы падаетъ въ ущелье водопадъ, а съ правой вилась узенькая и крутая тропинка, подложенная въ иныхъ мѣстахъ досточками, по которой съ трудомъ можно было провести одну лошадь; и здѣсь-то намъ нужно было устроить дорогу, по которой бы свободно ѣздили пушки и артельныя троишныя повозки.

Это мѣсто называется Бурундукъ-кале. Отъ него до вершины хребта верстъ пять, не очень, впрочемъ, крутого подъема, а тамъ верстъ пятнадцать до Темирханъ-шуры, довольно покатаго спуска, нетребующаго почти никакой обработки. Итакъ, намъ оставалось только сдѣлать спускъ въ Бурундукъ-кале и продѣлать дорогу до вершины хребта, и тогда катай хоть тройкою отъ Темирханъ-шуры до Хунзаха; но это было, однакожъ, не такъ-то легко.

Наскоро разработавъ тропинку, взошли мы по одиночкѣ на верхъ ущелья. Тамъ была довольно значительная площадка съ протекающимъ по ней ручьемъ и отлогіе скаты горъ, проросшіе хорошею травою, и потому мѣсто для нашего небольшого лагеря было очень удобно. Разбивъ палатки и нѣсколько отдохнувъ, принялись за работу. Чтобы сдѣлать спускъ съ занимаемой нами площадки до дна ущелья, нужно было пробить наискось скалу саженей на десять и потомъ отъ этого пролома донизу еще саженей на пять высотою, подложить насыпь длиною саженей на пятнадцать: работа, какъ можете судить, нелегкая; но дѣятельность нашего начальника была неутомима. Онъ особенно обращалъ вниманіе на разработку дорогъ, всегда лично присутствовалъ при работахъ, поощрялъ рабочихъ, какъ наградами, такъ и ласковымъ и шутливымъ своимъ обращеніемъ, оставшимся навсегда въ памяти солдатъ, и наша такъ называемая саперная команда дѣлала просто чудеса, сокрушая самыя твердыя скалы и заваливая пропасти. Почти двѣ недѣли, однакожъ, трудились мы въ этомъ мѣстѣ, работая ежедневно человѣкъ по пяти-сотъ, и работа, какъ говорится, кипѣла. Тамъ нѣсколько десятковъ солдатъ буравили скалу и взрывали ее порохомъ, тамъ сотни скатывали огромные камни, носили землю, фашины. Безпрестанные выстрѣлы отъ взрывовъ, дружный крикъ подымающихъ вверхъ какой нибудь огромный камень, безпрестанная бѣготня, — однимъ словомъ, все кипѣло какъ въ котлѣ и работа шла быстро. Но болѣе всего потребовала времени насыпь. Отъ неровности камней и желанія сдѣлать ее поскорѣе и уже, она два раза обрушивалась, и поэтому въ третій

разъ заложили ее уже очень широко и, постепенно вверхъ съуживая, сдѣлали наконецъ такъ прочно, что она могла бы существовать вѣчно, если бы только возмутившіеся горцы не вздумали ее разрушить. Въ одномъ мѣстѣ на гладкой скалѣ генералъ велѣлъ высѣчь годъ, число и надпись, чтобы увѣковѣчить наши необыкновенные труды въ этомъ мѣстѣ.

Видъ этого мѣста очаровательный, когда посмотришь на эту дорогу снизу. Передъ вами возвышается полукруглая скала, съ лѣвой стороны ея несется прелестный водопадъ, а съ правой, вверхъ, идетъ темный коридоръ, а внизъ — широкая насыпь. Далѣе поверхъ скалы горизонтъ замыкается почти подоблачнымъ хребтомъ, то отлогимъ, то возвышающимся острыми какъ башни скалами. Впослѣдствіи на верху самой скалы устроена была большая башня для помѣщенія въ ней постояннаго здѣсь караула, и это еще болѣе придало красоты этому мѣсту. И когда на верху скалы бѣлѣются наши палатки, надъ самой ея закраиной стоятъ группами офицеры и солдаты; изъ подъ ногъ ихъ катится внизъ пѣнистый водопадъ; выше по хребту, какъ бы съ облаковъ, спускается нашъ отрядъ, и потомъ изъ темнаго пролома, какъ бы изъ воротъ, катятся тройчныя артельныя повозки, артиллерія, вьюки, арбы, которыя по прислоненной къ скалѣ насыпи идутъ какъ бы по карнизу и далѣе вытягиваются въ ущельи въ длинную вереницу, — когда на все это смотришь нѣсколько издали, то невольно восхищаешься видомъ и природы, и искусства, и нашей русской удали, катающейся тройкою тамъ, гдѣ прежде съ трудомъ пробирался пѣшій смѣлый горецъ.

Мы были недалеко отъ Темирханъ-шуры, съ которою теперь сообщенія сдѣлались очень часты, и отъ этого у насъ явилось во всемъ довольство. Чтобы поддержать силы работающихъ, отпускали ежедневно по двѣ винныхъ порціи, для чего привезено было изъ Темирханъ-шуры три бочки спирту. Эти бочки не должны быть забыты въ лѣтописяхъ кавказскихъ, потому что онѣ были первыя, которыя переѣхали хребетъ въ этомъ мѣстѣ и скатились съ него на русской телѣгѣ, по продѣланной нами дорогѣ, и когда онѣ спускались съ горъ, покрытыхъ въ то время облаками, то это было какъ бы онѣ дѣйствительно скатывались съ облаковъ.... Солдаты привѣтствовали ихъ громкимъ крикомъ.

Во время нашей стоянки въ Бурундукъ-кале пріѣхалъ къ намъ нашъ полковой командиръ, бывшій тогда полковникомъ — Пулло, котораго мы уже мѣсяца четыре не видали. Онъ былъ въ то время начальникомъ Сунженской линіи, въ Чечнѣ, и потому не могъ участвовать въ походѣ съ нами. Съ какою радостію увидѣли мы своего начальника и съ какимъ единственнымъ восторгомъ отвѣчали на его

привѣтствіе! Онъ съ чувствомъ благодарилъ насъ за наши отличія, обнималъ подполковника Цыклаурова, капитана Колодку и всѣхъ офицеровъ и ласково разговаривалъ съ солдатами, называя ихъ молодцами-куринцами. Онъ расспрашивалъ насъ о подробностяхъ экспедиціи, о нашихъ нуждахъ, жалѣлъ о погибшихъ въ сраженіяхъ и старался помочь всѣмъ оставшимся. Это былъ для насъ праздникъ.

Когда уже дорога была совершенно окончена, пришелъ изъ Темирханъ-шуры транспортъ изъ пяти-сотъ азіятскихъ арбъ, съ провіантомъ для Хунзаха и артиллерійскимъ паркомъ, и нашему второму батальону Куринскаго полка опять суждено было конвоировать этотъ огромный транспортъ до Хунзаха. Нашъ батальонъ поработалъ въ это время двадцать дней, проводилъ въ началѣ похода огромный обозъ до Хунзаха, попалъ въ самую страшную арьергардную битву при отступленіи отъ Ашальты, почти на рукахъ принесъ четыре орудія къ Телитлю, пробился въ этотъ аулъ далѣе всѣхъ и цѣлый день дрался въ немъ съ непріятелемъ.... Изъ всѣхъ этихъ трудностей и опасностей онъ вышелъ съ тою огромною славою, которая съ этого времени распространилась на весь Куринскій полкъ и сдѣлала его однимъ изъ первыхъ на Кавказѣ.

Лагерь на горѣ Арахтау.

Четырнадцатаго августа оставили мы Бурундукъ-кале и двинулись къ Зираны. Обозъ спустили благополучно и скоро и потомъ шли по гладкому ущелью почти безостановочно. Погода была прекрасная, даже жаркая. Прелестные арганайскіе сады, съ зрѣлыми уже плодами, сильно манили насъ въ свои прохладныя тѣни и лакомыя объятія; но ни одинъ солдатъ не смѣлъ даже дотронуться до дерева: такъ строго смотрѣли за тѣмъ, чтобы не дѣлать жителямъ ни малѣйшей обиды. Впрочемъ, они дешево продавали намъ виноградъ, персики и груши и даже даромъ давали солдатамъ.

Сакли Арганая очень красиво сложены изъ разнаго цвѣта камней. Въ иныхъ изъ нихъ открыты были на улицу широкія двери, и въ сѣняхъ хорошенькія и довольно опрятно одѣтыя женщины сидѣли на коврахъ и преспокойно занимались домашними легкими работами: шили платья изъ синяго кумачу или китайки, пряли шерсть, ткали галуны или били масло, между тѣмъ какъ мужчины, сидя на порогѣ, разговаривали между собой и съ сосѣдями чрезъ узкую улицу. Мнѣ очень нравилось такое спокойствіе жителей во время нашего прохода, которое означало ихъ полное къ намъ довѣріе, и такой тихой семейный бытъ этихъ уединенныхъ горцевъ долженъ

быть для нихъ очень пріятенъ. Здѣсь, какъ видно, мужчины не такъ строги къ женщинамъ, какъ у другихъ азіятскихъ племенъ, и не запираютъ ихъ въ отдаленныя сакли. Напротивъ того, онѣ свободны въ обращеніи съ мужчинами и занимаются своими работами въ виду сосѣдей.

Мы ночевали за деревнею на переправѣ, которая только что была кое-какъ кончена. Чрезъ рукава Койсу сдѣлано шесть мостовъ, довольно, впрочемъ, узкихъ и хилыхъ, а на берегахъ его четыре маленькихъ люнета, обнесенныхъ плетнемъ и валомъ. Для часовыхъ подѣланы были будочки, покрытыя травою, наподобіе гриба, а для помѣщенія солдатъ и офицеровъ — землянки.

На другой день, съ разсвѣтомъ, благополучно и скоро переправивши обозъ по мостамъ чрезъ Койсу, пошли мы далѣе въ Балаканское ущелье; но какъ со входа въ него подъемъ очень крутъ, то мы медленно подвигались, принуждены будучи втаскивать съ помощію людей каждую арбу. Тутъ же еще пошелъ сильный дождь, и это такъ затруднило намъ дорогу, что въ этотъ день мы не дошли даже до деревни Балаканъ и ночевали въ ущельи. На другой день, пройдя Балаканъ и Мусукъ, начали подыматься на Арахтау, и хотя дорога была и хорошо сдѣлана, но по крутости своей представляла много затрудненій. При подъемѣ арбъ на гору, одна изъ нихъ оборвалась и покатилась внизъ; кули съ мукою разлетѣлись въ сторону, а она понеслась прямо на стоявшія внизу палатки. Не долетая до нихъ нѣсколько саженей, она разбилась въ щепки о камень; но одно колесо, совершенно цѣлое, съ ужасною быстротою понеслось внизъ и прямо на палатку, разорвало ее на части и покатилось далѣе. Въ палаткѣ лежали два солдата; но промыслъ Божій сохранилъ ихъ. Колесо пробѣжало какъ разъ между нихъ, не зацѣпивъ ихъ нимало, а только повадивъ на нихъ палатку.

Вечеромъ 17-го августа пришли мы на Арахтау, пройдя такимъ образомъ съ тяжелымъ обозомъ пространство отъ Бурундукъ-кале въ четыре дня. Здѣсь мы остановились, а обозъ пошелъ уже самъ въ Хунзахъ, по дорогѣ къ которому, далѣе, на перевалѣ чрезъ Арахтау, стояли наши 3-й и 4-й батальоны Куринскаго полка. Здѣсь мы простояли почти день. Погода была прекрасная и теплая, но вечера дѣлались уже значительно прохладны. Мимо насъ проѣхали въ Хунзахъ нѣсколько человѣкъ унцукульскихъ депутатовъ для принятія тамъ присяги на вѣрноподданство шамхалу тарховскому, подъ владѣніемъ котораго они и гимрійцы нѣкогда стояли, и который всегда домогался владычества надъ ними.

18-го числа, часа въ четыре пополудни, намъ велѣно было присоединиться къ нашимъ 3-му и 4-му батальонамъ, которые стояли

въ описанной уже мною долинѣ между двухъ параллельныхъ горъ: Арахтау и Танусъ-Мегеръ, по дорогѣ къ Хунзаку, у такъ называемыхъ нами фонтановъ, гдѣ находился каменный полуразрушившійся колодецъ и гдѣ обыкновенно мы всегда останавливались идя въ Хунзахъ или оттуда.

Поднявшись на гору Арахтау, я еще разъ полюбовался оттуда далеко видимою окрестностью и пробѣжалъ глазами знакомыя мѣста. Послѣ четырехъмѣсячныхъ странствованій, эта страна сдѣлалась мнѣ довольно извѣстною. Знакомы стали всѣ горы, аулы, дороги, тропинки, и я, такъ сказать, повторялъ по живой картѣ всю исторію нашей экспедиціи. Мѣстность величественная и грозная, на которой отрядъ нашъ казался горстью или муравейною кучею, едва въ ней замѣтною, а между тѣмъ эта горсть побѣдила и оставила на ней свои неизгладимые слѣды. Тамъ видны были прежде такъ страшные, а теперь разоренные или покоренные нами аулы; тамъ таинственный Хунзахъ превращенъ былъ въ нашу крѣпость; тамъ по дну страшнаго прежде ущелья и едва доступной скалѣ вилась продѣланная нами дорога — вѣчный памятникъ нашего въ горахъ владычества. Горы и рѣки уступили нашимъ усиліямъ, и недоступный еще снѣговой хребетъ съ робостью выглядывалъ изъ за порабощенныхъ своихъ меньшихъ братьевъ и, казалось, самъ страшился той же участи. Бѣлыя облака, прежде такъ дерзко къ нимъ подступавшія, теперь вереницами носились поодаль надъ уединенными верщинами и будто не смѣли спускаться въ свои завѣтныя ущелья, откуда они были изгнаны нами. Да, я смотрѣлъ съ гордостью на эту прежде страшную для насъ окрестность, которая теперь сдѣлалась такою обыкновенною, и по которой мы марпировали какъ по ровной степи. Дѣйствительно, если для насъ и были неудачи, то онѣ ничтожны въ сравненіи съ тою опытностію и самоувѣренностію, какія мы пріобрѣли въ эту экспедицію, которая, такъ сказать, пріучила насъ къ горамъ, сдѣлала для насъ очень обыкновенными самыя грозныя ущелья и неприступныя скалы и показала намъ, что такое эти страшные прежде для насъ горцы.

Мы простояли здѣсь почти десять дней, находясь въ неизвѣстности, пойдемъ ли мы еще далѣе куда, или возвратимся въ Темирханъ-шуру, чего, признаться, намъ уже очень хотѣлось. Но начальникъ нашъ, по усиленной просьбѣ правителя Аваріи, Ахметъ хана мехтулинскаго, рѣшился привести въ покорность всѣ тѣ окрестныя племена, которыя когда-то признавали надъ собою владычество Аваріи. Къ нему безпрестанно являлись депутаты отъ разныхъ племенъ и давали присягу въ своей покорности, къ чему будто бы, какъ говорили, склонялъ ихъ даже самъ Шамиль, нежелавшій, по

видимому, дальнѣйшаго кровопролитія и опустошенія страны. Слухи о его миролюбивомъ къ намъ расположеніи дошли до того, что говорили даже, будто 22-го августа, въ день высокоторжественный для Россіи, будетъ у генерала праздникъ, на который пріѣдетъ и Шамиль.... Не знаю, было ли къ нему какое приглашеніе отъ генерала; но нельзя было ожидать, чтобы онъ, при своей азіятской недовѣрчивости, рѣшился когда либо побывать въ станѣ нашемъ, въ чемъ мы впослѣдствіи совершенно убѣдились.

21-го августа мимо насъ прошли обратно съ Хунзаха арбы, доставившія туда провіантъ и взявшія оттуда 105 человѣкъ нашихъ больныхъ и раненыхъ. Съ ними также отправлялись въ Зыраны два полевыхъ орудія и нѣсколько артельныхъ повозокъ, которыя, къ удивленію нашему, несмотря на всѣ свои бѣдствія, уцѣлѣли и нѣкоторыя изъ нихъ даже впослѣдствіи воротились въ Темирханъ-шуру.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли лагеремъ между горъ Аракгау и Танусъ, у такъ называемыхъ фонтановъ берутъ свое начало два серныхъ ручья. Вершины ихъ шагахъ въ десяти одна отъ другой, но они текутъ въ противоположныя стороны: одинъ — въ Андійскій, другой — въ Аварскій койсу, которые здѣсь текутъ недалеко другъ отъ друга.

Изъ лагеря я ѣздилъ въ Хунзахъ, верстахъ въ семи отъ него находящійся. Цитадель въ немъ была уже значительно укрѣплена, сдѣланъ резервуаръ для воды и возлѣ него баня. Посѣтилъ многихъ знакомыхъ мнѣ офицеровъ и въ томъ числѣ майора Пейзина, который недавно за штурмъ Ахульго получилъ чинъ подполковника и георгіевскій крестъ, не по общему представленію, какъ это всегда было, а по реляціи, какъ случилось еще въ первый разъ на Кавказѣ, на нашей памяти, что, разумѣется, всѣхъ чрезвычайно обрадовало.

— Поздравляю васъ, Василій Тимоѳеичъ, съ царскою милостію, сказалъ я, обнимая его.

— Господи! откуда мнѣ все сіе! отвѣчалъ онъ, возводя глаза къ небу, съ чувствомъ неподдѣльнаго изумленія.

Около Хунзаха только теперь, то есть въ послѣднихъ числахъ августа, жали хлѣбъ: пшеницу и ячмень, и, складывая ихъ въ снопы, также какъ у насъ складывая въ копны, перевозили потомъ домой на арбахъ, которыя здѣсь по ровности мѣста употребляются только для этого. Овесъ же, котораго, впрочемъ, сѣютъ очень мало, еще былъ зеленъ; изъ этого можете судить о возвышенности Аваріи и суровости ея климата.

27 августа. Лагерь близъ деревни Орада.

Нѣсколько дней тому назадъ Ахметъ ханъ мехтулинскій, правитель Аваріи, отправился съ своею милиціей для приведенія въ зависимость отъ Аваріи нѣкоторыхъ деревень, отъ нея отложившихся; но какъ не всѣ ему покорились, то это потребовало нашего присутствія. Къ утру 26-го августа, семь баталіоновъ нашихъ съ одною только горною артиллеріею спустились въ долину между горъ Танусъ и Мочохъ и оттуда двинулись вдоль по ущелью, по направленію къ Андійскому койсу. Утро было прекрасное, и живописная долина восхищала взоры. Она представляетъ почти правильный, верстъ на десять идущій четвероугольникъ, ярко-зеленѣющій между каменныхъ стѣнъ своихъ. Подъ горою Мочохъ протекаетъ ручей, въ который съ горы Танусъ бѣжитъ множество источниковъ, отчего почва этой долины почти луговая. Здѣсь я въ первый разъ видѣлъ, что жители косятъ сѣно, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ они или рвутъ его руками, или жнутъ серпами, потому что косою негдѣ размахнуться. Мы прошли мимо деревни Мочохъ, на правой сторонѣ ручья лежащей. Она имѣетъ домовъ тридцать и три башни. Вокругъ нея нѣтъ вовсе садовъ, и она, какъ и вообще всѣ здѣшніе аулы, имѣетъ характеръ близълежащей своей горы. Сакли ея также бѣлѣются, какъ и окружающія ея скалы. Далѣе прошли небольшую деревушку Желтларъ, стоящую почти въ концѣ горы Мочохъ, и за нею открылся передъ нами совершенно новый видъ. Мѣстоположеніе вдругъ какъ бы упало, то есть на нѣсколько сотъ саженей понизилось. Горы Аракътау и Танусъ рѣзко оборвались, понизились къ Койсу и образовали прекрасныя долины, которыя теперь въ глубинѣ подъ нашими ногами лежали, и которыя трудъ человѣческій обратилъ въ самыя превосходныя поля, живописно амфитеатрами устроенныя, которыя въ то время очень часто уставлены были копнами сжатаго хлѣба. Отсюда направо, на скатѣ горы Аракътау, видна была деревня Гаралерикъ, безъ садовъ и похожая на кучу камней; внизу по теченію Мочохскаго ручья двѣ довольно большія деревни: Хиданъ и Коло, окруженныя хорошими садами, а далѣе нихъ и прямо напротивъ насъ — большой аулъ Орада, въ которомъ домовъ будетъ болѣе сотни и двѣ башни; садовъ, однакожъ, нѣтъ.

Мы направились къ деревнѣ Орада, почти посрединѣ долины лежащей, для чего должны были очень глубоко и круто спуститься; но какъ съ нами не было полевыхъ орудій и никакихъ тягостей,

кромѣ небольшого числа выстрѣловъ, то мы спустились безъ всякаго затрудненія. Жители, нехотѣвшіе покориться Ахметъ-хану, узнавши о нашемъ приближеніи, бѣжали, унеся съ собой лучшее свое имущество; однакожь, солдаты поживились медомъ, кукурузой, мукой и захватили въ плѣнъ нѣсколько женщинъ и дѣтей, неуспѣвшихъ скрыться. Часть бѣжавшихъ жителей, засѣвши въ разныхъ мѣстахъ по долинѣ, вздумали было сопротивляться; но стрѣлки наши скоро ихъ прогнали безъ всякой для насъ потери.

Долина вокругъ деревни Орада есть самая плодородная въ этой сторонѣ и настоящая житница этой части горъ. Она вся воздѣлана полями, которыя, то извиваясь длинными полосами, то понижаясь по косогору, то обвивая какой нибудь бугоръ, и вообще окружая почти въ самой срединѣ ея и глубинѣ лежащую деревню, и постепенно отъ нея возвышаясь, представляютъ самый обширный круглый амфитеатръ, на ярусахъ котораго, какъ бы зрители въ театрѣ, толпились многочисленныя копны сжатаго хлѣба. Пшеница, ячмень, кукуруза, даже конопля, бобы или лобія, горохъ и овесъ, — все здѣсь родится превосходно; только недостаетъ садовъ, этой наилучшей прелести прочихъ деревень.

Отъ деревни по направленію къ Койсу эта почти круглая долина, идя и возвышаясь, вдругъ потомъ обрывается почти перпендикулярно, и саженей на сто ниже ея простираются уже до самого Койсу другія долины, тоже мѣстами обработанныя и засѣянныя хлѣбомъ и тоже представляющія чудеснѣйшіе виды. Съ лѣвой стороны, какъ огромный змѣй на картинѣ Страшнаго суда, извивается Койсу, и между изгибами его виднѣются деревни въ прекрасныхъ зеленѣющихъ садахъ. По ту сторону Койсу, у самыхъ почти береговъ его, видна деревня Игали; повыше въ гору — гумбетовскіе аулы: Эхо, Кънитль; вверхъ по рѣкѣ — аулъ Тлохъ, а далѣе еще другіе уже андійскіе аулы.

День этотъ кончился превосходной иллюминаціей: зажгли копны хлѣба, находившіяся на всемъ пространствѣ долины, которые горѣли совершенно какъ плошки, и посреди ихъ пылающій аулъ Орада какъ фейерверкъ бросалъ отъ себя въ разныя стороны потоки огня.

Отъ доставшейся добычи въ лагерѣ было изобиліе съѣстнаго, и солдаты еще въ первый разъ во всю экспедицію полакомились вдоволь. Отъ этого суматоха и веселье было большое. Они цѣлую ночь возились около артельныхъ котловъ, въ которыхъ варили говядину съ лукомъ, крупой и тыквой; кромѣ того варили и пекли кукурузу, а для окончательной уже закуски, въ маленькихъ жестяныхъ котелкахъ своихъ, которые имѣлъ тогда на Кавказѣ каждый солдатъ, варили изъ кукурузной муки мамалыгу съ масломъ. Это просто было

объѣденіе! Я часто удивлялся солдатской натурѣ. Несмотря на то, что цѣлый день онъ не подгибаетъ ногъ и устанетъ какъ недвя больше, ночью или когда удается, вмѣсто того, чтобы предаться сну, будетъ непремѣнно возиться около огня и стряпать что нибудь въ котелкѣ своемъ, хотя иногда ему приходится варить одну воду съ солью и мелкими сухарями или какой нибудь луковицей. Вообще нашъ солдатъ не любитъ сухоядеція, и хоть тепленькой водицы, а все-таки преважно похлебаетъ своей завѣтной ложкой, съ сухарями. . . . .

. . . .

. . . .

Лагерь надъ ауломъ Енчердыхъ.

Лагерь нашъ въ Орада былъ расположенъ за деревней. 28 августа съ полудня начали мы отступать обратно по той же дорогѣ, по которой пришли, и, предполагая преслѣдованіе отряда горцами, отступали со всѣми военными предосторожностями. Въ арьергардѣ поставлена была сотня донскихъ казаковъ. Отрядъ прошелъ разоренную деревню, поля ея и уже поднялся на первые уступы горы, какъ въ арьергардѣ завязалась перестрѣлка. Человѣкъ до сти пѣшихъ лезгинъ открыли огонь по казакамъ, и нанъ кавалерія ничего не могла сдѣлать съ скрывающимися за камнями лезгинами, то тотчасъ была выслана противъ нихъ рота пѣхоты. Уже смеркалось, и это сраженіе было самое потѣшное. Оно ограничивалось только перестрѣлкой, то рѣдкой, то вдругъ частой какъ дробь. Стрѣлки наши, прогнавъ лезгинъ, отступили потомъ сами, перебѣгая съ одного уступа на другой; выстрѣлы ихъ и непріятельскіе при вечернемъ полумракѣ производили совершенно какъ бы театральный эффектъ. Потери у насъ не было никакой; но эта перестрѣлка насъ задержала, и мы уже въ полночь пришли къ деревнѣ Мочохъ, гдѣ и простояли весь слѣдующій день. Тутъ, по обыкновенію, пошли толки о томъ, скоро ли окончится эта экспедиція и пойдемъ ли мы отсюда въ Темирханъ-шуру, или еще куда нибудь въ горы. Признаюсь, мы всѣ уже желали окончанія экспедиціи. Офицеры и солдаты пообносились одеждою, поистратили всѣ деньги, а наконецъ намъ наскучили переходы безъ серьёзныхъ военныхъ дѣйствій.

30 августа выступили далѣе по ущелью и когда дошли до фонтанонъ, гдѣ дорога идетъ направо въ Хунзахъ, налѣво въ Темирханъ-шуру, то съ нетерпѣніемъ ожидали, куда-то мы поворотимъ.... Поворотили направо. Досадно! но нечего дѣлать: быть можетъ, это только для того, чтобы взять изъ Хунзаха нѣкоторые вещи и потомъ уже итти домой. Не только мы перевалились чрезъ гору Та-

нутъ и прошли деревню этого имени, какъ оставили налѣво дорогу въ Хунзахъ и пошли направо, — значитъ еще куда нибудь для покоренія ауловъ.

Версты четыре отъ Тануса проходили мы двѣ аварскія деревни Гацалохъ и Евоту, которыя составляютъ почти одну довольно большую деревню. Онѣ стоятъ почти на ровномъ мѣстѣ; сакли ихъ очень красиво сложены изъ темныхъ камней; а въ деревнѣ Гацалохъ есть довольно примѣчательный замокъ. Онъ стоитъ надъ обрывомъ, пространствомъ не болѣе ста квадратныхъ саженъ, обнесенъ высокою стѣною, на который стоятъ три тонкихъ и высокихъ четвероугольныхъ башни. Середина замка почти вся застроена и только оставлено небольшое мѣсто для двора. Замокъ долженъ быть очень древній, потому что онъ въ развалинахъ, и, какъ видно, не отъ разворенія, а отъ времени, и совершенно непохожъ на тѣ строенія, какія теперь строятся въ горахъ. Онъ весь сдѣланъ изъ тесанаго камня, который хотя и безъ извести, но такъ плотно сложенъ, что ни одинъ почти не вывалился изъ середины. Башни высотою будутъ саженей по десяти и вверху имѣютъ родъ выдавшагося вокругъ идущаго довольно красиваго карниза, чего нѣтъ ни въ какой другой горской башнѣ. Онѣ теперь пустъ и обитаемъ только голубями. Мрачный и полуразрушенный видъ этого замка даетъ ему какую-то величественную таинственность и заставляетъ задуматься надъ его происхожденіемъ; но рѣшительно никто и ничего не могъ мнѣ разсказать о немъ.

Отъ деревни Гацалохъ поворотили мы къ хребту Тлоккоры, который замыкаетъ собой Аварскую равнину и надъ нею возвышается, и перешли ручей Умукклы. До самого хребта, по обѣ стороны дороги, простирались довольно широкія обработанныя поля и даже луга, гдѣ хлѣбъ и трава росли въ изобиліи, и дорога до самой горы была хорошая. Ночевали у самой подошвы Тлоккоры, и ночлегъ былъ бы препорядочный, если бы мы имѣли дрова; но кругомъ верстъ на двадцать нѣтъ ни прутика, и мы еще съ разореннаго аула Орада везли на вьюкахъ и несли на себѣ нѣсколько полѣнъ и дорожили ими какъ драгоцѣнностію.

31-го числа, съ разсвѣтомъ, отправилась впередъ саперная команда для разработки дороги, а часовъ въ восемь выступилъ и отрядъ. Подъемъ былъ некрутой и продолжался версты четыре. Еще я ни отъ куда не видалъ, что такое было за этимъ хребтомъ, и потому съ нетерпѣніемъ спѣшилъ наверхъ, и едва достигнулъ вершины, какъ предо мной выпрянулъ величественный снѣжный хребетъ. Утро было прекрасное. Я еще никогда не видалъ такъ близко этого хребта и въ такую ясную погоду и потому съ наслажденіемъ

вглядывался въ его бѣлѣющіе снѣга, какъ алмазы сверкающіе отъ играющихъ въ нихъ солнечныхъ лучей. Изъ близьстоящей горы этого хребта съ лѣвой стороны выходитъ Аварскій, а съ правой Андійскій койсу, сопровождаемый высокою отраслію — Дагестанскимъ хребтомъ. Но гора Тлохкоры, на которой мы теперь находились, еще не была послѣдней ступенью подножія снѣгового хребта; между ними тянутся еще два хребта, одинаковой, впрочемъ, высоты съ Тлохкоры, почти параллельно отъ одного койсу до другого. Итакъ, теперь я обозрѣлъ уже все пространство, которое заключается между этими рѣками — этотъ огромный треугольникъ, занимаемый по преимуществу Аваріей, и взоръ мой проникнулъ явственно до самыхъ вершинъ этихъ знаменитыхъ койсу, что, полагаю, немногимъ удалось на Кавказѣ.

Вершина горы Тлохкоры представляетъ обширную равнину верстъ на двадцать въ окружности. На ней нѣтъ ни лѣсу, ни воды и климатъ такъ холоденъ, что въ это время уже померзла трава, и поэтому она необитаема. Она очень гладка, и мы по ней не шли, а летѣли: такъ обрадовались наши ноги, что наконецъ выпрямились; и такая обширная равнина, откуда глазъ далеко могъ обозрѣвать пространство, и такая ея возвышенность, гдѣ какъ-то легко было даже дышать утреннимъ прохладнымъ воздухомъ, были особенно для насъ пріятны послѣ душныхъ ущелій и горъ. Къ тому же мысль, что мы теперь находимся въ такихъ мѣстахъ, куда еще никогда не доходили русскіе отряды, была для насъ очень лестна. Прекрасное утро, чудные виды, высота мѣста, его новость какъ будто возвышали и насъ самихъ. Мы всѣ сдѣлались бодры и веселы, забыли всѣ трудности похода, и воинственный духъ опять овладѣлъ всѣмъ отрядомъ. «Эка, братцы, посмотрите-ка, куда это мы забрались! — говорили солдаты. — Да сюда, чай, и воронъ не заносилъ русской кости; и мы первые завоевали эту сторону. Вишь ты, какъ близко снѣговыя горы. Что, кабы намъ и туда пройти! вотъ было бы славно! А тамъ, говорятъ, за горами, уже Грузія. Ну, кабы да прямо и въ Тифлисъ прошли, вотъ то бы всѣхъ удивили! Эка молодецъ Фези! сколько, посмотришь, завоевалъ горъ!

Объ этой экспедиціи можно сказать прежде всего, что она насъ дѣйствительно и коротко познакомила съ горами, пріучила русскаго солдата не страшиться ни ущелій, ни скалъ, ни пропастей, познакомила насъ хорошо съ горцами, развѣяла прежнее наше ложное понятіе о разныхъ трудностяхъ и опасностяхъ. «Что за вздоръ горы! говорили потомъ солдаты, разсуждая о трудности сраженія въ нихъ съ лезгинами — *ему гора и мнѣ гора*» — выраженіе, которое съ этой экспедиціи сдѣлалось такою общеупотребительною

солдатскою поговоркою на Кавказѣ; и генералъ Фези оставилъ послѣ себя много любимыхъ разсказовъ, бывшимъ подъ командою его воинамъ; особенно никогда, кажется, не забудутъ его солдаты Куринскаго полка, которыхъ онъ любилъ въ особенности, называлъ ихъ всегда малыми золотниками, да дорогими, всегда ласково и шутливо съ ними обращался, былъ доступенъ для каждаго и щедро награждалъ достойныхъ.

Пройдя по равнинѣ верстъ восемь и потомъ спускаясь по покатости хребта, часа въ четыре пополудни пришли мы къ назначенному мѣсту и расположились лагеремъ надъ деревнею Енчердыхъ, внизу въ ущельи лежащею. Тутъ мѣстоположеніе представило намъ опять новые виды. У ногъ нашихъ находилось очень глубокое ущелье, по которому протекаетъ довольно большой ручей, съ правой стороны вливающійся въ Андійскій койсу. Внизу его едва примѣтна деревня Енчердыхъ. Другую сторону ущелья составляетъ гора Инчаро, какъ бы опрокинутая и идущая къ снѣговому хребту постепенно возвышающеюся плоскостью, которая, не доходя до него, обрывается. Плоскость эта зеленѣла травою, и во многихъ мѣстахъ растетъ на ней небольшой сосновый лѣсъ. Она перерѣзывается почти пополамъ глубокимъ и отвѣснымъ, какъ бы трещиною, ущельемъ, которое подъ прямымъ угломъ соединяется съ Енчердыхскимъ ущельемъ, называемымъ Зонота. По лѣвую отъ насъ сторону этой трещины, на самой горѣ, видна обширная деревня Тъ-акита, а противъ нея, на правой сторонѣ трещины, надъ самой ея закраиной и въ углу ущелья Зонота — также большая, имѣющая домовъ до пяти-сотъ, деревня Карата, за которою невдалекѣ видны еще двѣ деревни: Арчу и Хелитль, составляющія съ другими общество Калаларъ. И мы пришли теперь покорить всѣ эти многолюдныя деревни, расположенныя въ такой неприступной мѣстности!... Это невольно привело бы прежде насъ въ изумленіе; но, привыкши уже къ горамъ, мы ничего не боялись и все считали для себя возможнымъ.

Около нашего лагеря находились обработанныя поля; но на нихъ, по причинѣ суровости климата, не сѣютъ кукурузы, а только ячмень и пшеницу. Говорятъ, что въ иной годъ въ это время ложится здѣсь уже снѣгъ; но теперь было еще очень тепло. Деревни Енчердыхъ, Тъ-акита, Мѣстерыхъ тоже принадлежали прежде Аваріи и потомъ отложились, но еще до нашего къ нимъ прихода дали аманатовъ Ахметъ-хану въ знакъ своей покорности Аваріи. Но другія деревни не хотѣли признать его власти, и мы назначены были принудить ихъ къ тому.

4-го сентября. Лагерь въ ущельи Зонота.

Деревня Карата не хотѣла принести намъ своей покорности и дать аманатовъ, и потому намъ велѣно было итти для ея раззоренія. Не смотря на нашу привычную смѣлость къ трудностямъ, сердце наше невольно вздрогнуло, когда мы услыхали это приказаніе: такъ ужасно было мѣстоположеніе этого аула! Онъ находится по ту сторону ущелья Зонота, на самой высотѣ горы Инчаро, почти на отвѣсной скалѣ, быть можетъ, съ версту высотою. Къ нему со дна ущелья идетъ едва замѣтная тропинка, извивающаяся между острыми скалами, которыя, какъ башни, могли бы на каждомъ шагу быть ей защитою; и такой-то крѣпкій аулъ, имѣющій до пяти-сотъ домовъ, шли мы брать приступомъ!... Мы спускались въ ущелье версты двѣ по тропинкѣ, продѣланной только стопами человѣческими и такъ крутой, что съ трудомъ можно было итти по ней, то скользя по гладкому камню, то осовываясь вмѣстѣ съ мелкими какъ орѣхъ камешками. Послѣдніе слои горы алебастровые; но жители не извлекаютъ изъ него никакой пользы. Прошли деревню Енчердыхъ, въ половинѣ ската ущелья лежащую. Она имѣетъ домовъ до пятидесяти, и жители ея съ изумленіемъ смотрѣли на нашу смѣлость, съ какою мы спускались въ это, быть можетъ, и для нихъ страшное ущелье.

Жители Карата были въ большомъ безпокойствѣ. Они какъ стаи галокъ усѣяли всю скалу, отъ аула до дна ущелья, и засѣли по тропинкѣ. Между тѣмъ многіе были въ самомъ низу и суетясь бѣгали по ущелью и переговаривались съ нашими посланными. Мы думали, что они приготовляются защищать свой аулъ, и, видя ихъ многочисленность и эту ужасную скалу, которую они такъ плотно обсѣли, мы не очень-то весело посматривали другъ на друга; но каковожь было наше удивленіе, когда еще мы даже не спустились ко дну ущелья, какъ встрѣтили толпу жителей этой деревни, которые, боясь, чтобы мы не начали штурма ея, бѣгомъ спѣшили наверхъ къ генералу и вели къ нему аманатовъ. Такъ сдѣлалось грозно наше имя въ этихъ мѣстахъ и такой страхъ навело на всю окрестность смѣлое наше движеніе въ ущельи и наша рѣшимость сражаться во что бы то ни стало! Я никакъ не могъ разузнать и впослѣдствіи, было ли серьёзное намѣреніе генерала штурмовать деревню Карата, или только онъ думалъ устрашить ее. Но, какъ бы то ни было, это движеніе обнаруживало въ немъ отважный и предпріимчивый, даже

рыцарскій духъ, и окрестные горцы, дотолѣ никогда нетревожимые русскими, сильно испугались нашего такого близкаго сосѣдства.

Наконецъ мы спустились въ ущелье и расположились въ немъ лагеремъ. По срединѣ его протекаетъ прекрасный и обильный водою ручей, впадающій, какъ я уже сказалъ, въ Андійскій койсу; и снизу ущелье показалось намъ еще страшнѣе. Оно возвышалось почти перпендикулярными или нависшими сѣрыми скалами, на которыхъ нѣтъ ни былинки травы, и тутъ-то мы еще болѣе разглядѣли непреступность Карата.

Мы еще довольно рано стали лагеремъ, и въ продолженіи дня жители многихъ окрестныхъ деревень спѣшили къ генералу съ изъявленіемъ своей покорности и давали аманатовъ. Покорились всѣ деревни общества Калаларъ, деревни Анцаты, Шодротъ и даже отдаленные теченусалы и багалальцы. На другой день явились съ покорностію андійцы и обѣщали привести восемь аманатовъ, для чего оставили шесть заложниковъ. Наконецъ еще многія отдаленныя деревни приносили покорность, даже такія, которыхъ мы и не знали и отъ которыхъ мы ея и не требовали: какія-то Амашетъ и Инхелу; однимъ словомъ, все спѣшило изъявить покорность русскому государю, и мы взяли человѣкъ до сорока аманатовъ. Ихъ содержали какъ только можно было лучше, и они, казалось, не скучали въ нашемъ лагерѣ и были очень веселы. Они часто пѣли пѣсни, къ которымъ я любилъ прислушиваться. Пѣсни эти, разумѣется, не имѣли ничего общаго съ нашею европейскою музыкою; зато и не похожи на импровизаціи, самыя несноснѣйшія, татаръ и другихъ кавказскихъ племенъ, и имѣли свой определенный мотивъ, большею частію унылый, и аманаты пѣли ихъ хоромъ, неодноголосно, а гармонически, и стараясь какъ можно болѣе смягчать свой грубый и громкій голосъ.

О племени багалальцевъ, отъ которыхъ теперь мы были такъ близко, давно еще слыхали мы разные разсказы о странныхъ ихъ обычаяхъ, и я старался теперь тоже узнать о нихъ что либо. Дѣйствительно говорятъ, что они ѣдятъ сырое мясо. Они даже не магометане, а какіе-то язычники, и другія сосѣднія племена ими пренебрегаютъ и относятся о нихъ какъ о какомъ-то гнусномъ племени. Болѣе подробныхъ свѣдѣній я не могъ собрать о багалальцахъ, потому что съ ними даже мало знакомятся сосѣди и какъ-то неохотно и съ отвращеніемъ о нихъ всегда говорятъ.

Примирившіеся жители окрестныхъ деревень стекались со всѣхъ мѣстъ въ нашъ лагерь, который въ то время представлялъ удивительную смѣсь племенъ и лицъ. Жителей этихъ набиралось иногда тысячь до двухъ; но всѣ они обнаруживали самое дружелюбное къ намъ расположеніе, и не вышло ни одной непріятности. Одѣваются

они какъ и прочіе лезгины, но оружія имѣютъ много, и самаго хорошаго. У каждаго ружье, пистолетъ, кинжалъ и грузинская шапка. Всѣ они говорятъ по лезгински; но, по смѣжности съ Кахетіей, которая отсюда находится по ту сторону снѣгового хребта, многіе говорятъ по грузински, а иные, къ удивленію, знаютъ нѣсколько словъ и по русски, вѣроятно, отъ нашихъ плѣнныхъ.

Въ лагерѣ былъ уже не базаръ, а настоящая ярмарка. Жители продавали все, что имѣли: чуреки, масло, яйцы, сыръ, барановъ, виноградъ, персики, груши, яблоки и прочее; а кто имѣлъ деньги, тотъ роскошничалъ; ктожь не имѣлъ ихъ, тотъ продавалъ какія нибудь тряпки, которыя они брали охотнѣе денегъ. Но многіе изъ нихъ большіе плуты. Они окружаютъ солдатъ, и тогда какъ одни съ ними торгуются, другіе очень ловко обрѣзываютъ имъ сзади пуговицы.

Третьяго сентября мы были обрадованы неожиданною и щедрою милостію Государя Императора. Получены были награды за штурмъ Телитля, не по представленію, а вслѣдствіе только донесенія объ этомъ дѣлѣ генерала пожалованныя; между прочими, капитанъ Колодка получилъ слѣдующій чинъ и Георгіевскій крестъ, и на весь отрядъ прислано тридцать Георгіевскихъ крестовъ, изъ которыхъ шесть генералъ назначилъ въ нашу шестую егерскую роту, болѣе нежели въ какую другую. Радость была необыкновенная. Всѣ съ восторгомъ поздравляли награжденныхъ, заслужившихъ такую милость, и каждый теперь съ большею еще надеждою ожидалъ и себѣ награды по представленію. Жалѣли только, что нечего было выпить за здоровье Великаго Государя, который обратилъ на кавказскихъ своихъ воиновъ такой милостивый и внимательный взоръ свой и даже, какъ уже и до насъ дошли вѣсти, самъ рѣшился посѣтить Кавказъ. О! какъ мы были рады, что совершаемъ такіе блестящіе подвиги и какъ бы нарочно къ пріѣзду Его покоряемъ Ему такое множество горскихъ племенъ, дотолѣ еще никѣмъ непокоренныхъ!...

Въ этомъ ущельи мы простояли четыре дня, и намъ не было скучно. Для развлеченія по вечерамъ играла музыка Апшеронскаго полка, которую генералъ всегда имѣлъ при себѣ, какъ для собственнаго и всего отряда удовольствія, такъ и для удивленія горцевъ, и надо было посмотрѣть, какъ она ихъ поражала. Едва они услыхали ее, какъ бросили свою торговлю и столпились вокругъ музыкантовъ въ самую живописную карикатурную группу. Ихъ было, полагаю, болѣе тысячи, и счастливъ тотъ, кто стоялъ спереди; зато заднія то вытягивали свои головы, то становились на цыпочки, то подставляли себѣ подъ ноги камни и такія дѣлали мины самаго глупѣйшаго

удивленія, что нельзя было не хохотать, глядя на нихъ. У иного отъ желанія разсмотрѣть инструменты съеживалось лицо въ самыя глубокія складки, другой раскрывалъ всю страшную пасть свою и съ оттопыренными ушами и бритою головою совершенно похожъ былъ на обезьяну, и я опять пожалѣлъ, что я не живописецъ: такъ мнѣ понравилась эта группа. Вообразите себѣ тысячу одна надъ другою возвышающихся головъ всякаго вида и размѣра: и длинныхъ и круглыхъ, обыкновенныхъ и огромныхъ, — тысячу бородъ и усовъ: черныхъ, рыжихъ, красныхъ, бѣлыхъ, круглыхъ, острыхъ, винтообразныхъ, взъерошенныхъ и висящихъ, и наконецъ тысячу ртовъ полу и вовсе разинутыхъ,— набросьте на затылки этихъ головъ тысячу разнообразныхъ бараньихъ шапокъ, изъ подъ которыхъ выдаются огромные и съ глубокими морщинами лбы, — одѣньте эту группу въ милліоны лохмотьевъ страннаго покроя и обвѣшайте ее ружьями, пистолетами и кинжалами, но болѣе всего дайте каждому лицу выраженіе самаго сильнаго любопытства и удивленія, не стѣсняемаго никакими приличіями, и вы тогда будете имѣть въ своемъ воображеніи самую чудесную и характеристическую картину. Но кромѣ любопытства и удивленія, другихъ чувствъ, радости или грусти, кажется, не возбуждала въ нихъ наша музыка, и я даже увѣренъ, что она имъ и не нравилась, исключая большого барабана, котораго каждый ударъ дѣйствовалъ на нихъ очень замѣтно.

6 сентября. Хунзахъ.

Сентября 4, послѣ обѣда, ударили подъемъ, и мы двинулись вверхъ по ущелью Зонота. Ущелье это очень живописно, и съ лѣвой стороны падаетъ въ него множество водопадовъ. Въ одномъ мѣстѣ особенно чудна игра природы. Нависшія скалы образуютъ огромнѣйшій гротъ, въ которомъ почти батальонъ помѣститься можетъ; верхняя его закраина поросла густымъ мхомъ, и сквозь него, какъ сквозь рѣшето, мелкими каплями цѣдится водопадъ, закрывая такимъ образомъ самою прелестною водяною занавѣсью этотъ волшебный гротъ. Видъ чудеснѣйшій! и, сидя въ гротѣ, я не могъ налюбоваться странною игрою, глядя на противоположную сторону ущелья сквозь эту какъ бы изъ граненаго стекла сдѣланную ширму. Возлѣ этого грота на скалѣ генералъ приказалъ выбить надпись, съ означеніемъ года и числа нашего здѣсь прохода, и, вѣроятно, если когда либо отрядъ нашъ будетъ въ этомъ мѣстѣ, то онъ съ удовольствіемъ вспомнитъ о прежнихъ своихъ товарищахъ, прежде его здѣсь проходившихъ. Далѣе ущелье дотого съуживается, что остается

только мѣсто для прохода небольшого ручья, который, тремя рукавами, саженей на десять низвергается сверху, и чрѣзъ него переброшенъ самый прелестный узенькій мостикъ. Вообще это ущелье одно изъ самыхъ живописнѣйшихъ въ этой обширной галлереѣ чудныхъ видовъ. Дорога въ немъ требовала большой обработки, особливо при подъемѣ вверхъ; но привычная наша саперная команда до нашего еще прихода ее обработала какъ нельзя лучше, и мы проходили по ней съ своими горными орудіями безостановочно. Поднявшись на гору Тлокнору, мы на другой день прибыли въ Хунзахъ, съ цитадели котораго насъ какъ побѣдителей привѣтствовали пушечными выстрѣлами.

Цитадель эта была уже окончательно устроена: передній фасъ замка выбѣленъ известью, и по немъ величественно развѣвался нашъ русскій флагъ.

7 числа велѣно было намъ выступить изъ Хунзаха и взять съ собой все, что въ немъ оставалось, хотя уже почти всѣ наши тяжести оттуда прежде были перевезены въ Темирханъ-шуру. Это приказаніе было принято нами съ большою радостію, потому что мы предполагали уже окончаніе экспедиціи и возвращеніе на квартиры, и мы съ удовольствіемъ оставили Хунзахъ, простившись, впрочемъ, съ нашими товарищами, которымъ пришлось остаться въ немъ въ гарнизонѣ.

По знакомой уже и хорошо протоптанной нами дорогѣ чрезъ гору Арахтау и Балаканское ущелье, на другой день, прибыли мы на переправу въ Зираны и тутъ только положительно узнали, что возвращаемся въ Темирханъ-шуру. Было уже время зрѣлости винограда и персиковъ, и жители деревни Аргуны навезли ихъ множество въ отрядъ и продавали очень дешево. Это самый превосходный розовый виноградъ, какой только есть на Кавказѣ, и говорятъ, что изъ него вышло бы самое лучшее шампанское; но жители, по невѣжеству своему, дѣлаютъ изъ него очень посредственное розовое вино, называемое нами таулинскимъ. Персики были тоже превосходны и иные величиною вершка два въ діаметрѣ. Большой мѣшокъ такихъ персиковъ, четверика въ два, продавали по двугривенному. Когда мы проходили эти плодоносные сады Аргуны, красовавшіеся въ то время зрѣлыми и многочисленными плодами, то хозяева садовъ наносили на дорогу большія кучи яблокъ, грушъ, персиковъ и винограда и не продавали, а даромъ давали каждому солдату, вѣроятно, боясь, чтобы они сами не соблазнились и не вздумали бы срывать ихъ и портить деревья.

Темирханъ-шура.

Отъ Зираны по ущелью чрезъ Бурундукъ-кале наконецъ 10 сентября возвратились мы въ Темирханъ-шуру, проходивши такимъ образомъ въ этой экспедиціи ровно четыре мѣсяца....

Много мы испытали тягостей и перенесли лишеній въ эту Аварскую Экспедицію; но все это было скоро забыто, и въ памяти осталось самое пріятное воспоминаніе о нашихъ подвигахъ и даже самыхъ трудностяхъ похода; мы гордились перенесенными трудами и опасностями и съ восторгомъ разсказывали о нихъ нашимъ товарищамъ, которые слушали насъ и съ изумленіемъ и съ сожалѣніемъ, что самимъ не удалось участвовать въ такой славной экспедиціи. Ничего нѣтъ прискорбнѣе на Кавказѣ, какъ не быть въ той экспедиціи, въ которой были другіе, и о которой потомъ такъ много разсказываютъ славнаго.

Если вспомнить нашъ небольшой отрядъ, трудность доставки провіанта и снарядовъ, многочисленность непріятеля и такую страшную мѣстность, то надобно изумляться, какъ мы могли такъ много сдѣлать! Взять штурмомъ храбро защищаемыя Ашильту и Ахульго, разбить тамъ въ четыре раза превышающее насъ скопище непріятеля, потомъ разрушить до половины Телитль и заставить Шамиля оставить всѣ свои враждебныя покушенія на Аварію,—заставить покориться многолюдный и грозный Унцукуль, присоединить къ Аваріи всѣ отпавшія отъ нея деревни, для чего сжечь Орада и подойти даже къ отдаленному Карату, посѣтивъ такимъ образомъ новыя и еще никогда невиданныя нами мѣста и наведя страхъ на самыхъ отдаленныхъ, подъ снѣжными горами живущихъ народовъ,—свершить съ огромнѣйшимъ обозомъ переходъ отъ Темирханъ-шуры къ Хунзаху чрезъ Акушу и при Койсу — верстъ, быть можетъ, до двухъсотъ, продѣлывая труднѣйшую дорогу, по которой до того еще не ходили русскіе, — наконецъ, устроить въ Хунзахѣ цитадель, снабдить ее продовольствіемъ и снарядами, продѣлать самую удобную туда отъ Темирханъ-шуры дорогу чрезъ Балаканское ущелье, устроить укрѣпленіе и переправу въ Зираны, сдѣлать проломъ или ворота въ Бурундукъ-кале и подложить къ нимъ насыпь, и все это

свершить въ четыре мѣсяца, съ семью или осмью только батальонами!...

Невольно изумляешься всѣмъ этимъ успѣхамъ и со слезою сожалѣнія вспоминаешь о предпріимчивомъ и дѣятельномъ генералѣ Фези, такъ рано умершемъ....

По истинѣ можно сказать, что это была одна изъ самыхъ блистательныхъ экспедицій на Кавказѣ, и теперь, въ часы моего досуга, вспоминая о ней съ восторгомъ, я не могу безъ сожалѣнія подумать, чтобы подробности ея, также, какъ и подробности многихъ другихъ прежнихъ славныхъ нашихъ подвиговъ на Кавказѣ, попали въ Лету, и вотъ наконецъ рѣшаюсь преодолѣть мою застѣнчивость и излагаю мое хотя и слабое ея описаніе, которое если и навлечетъ мнѣ литтературные упреки, то по крайней мѣрѣ спасетъ отъ забвенія многое, что недолжно быть забыто, а можетъ быть, если оно заслужитъ хотя какое либо вниманіе, то послужитъ поощреніемъ и другимъ къ описанію всегда интересныхъ для насъ кавказскихъ экспедицій.

Много въ этихъ запискахъ есть недостатковъ, быть можетъ, и невѣрностей; но вспомните, что онѣ составлены не празднымъ туристомъ или свободнымъ и спокойнымъ путешественникомъ, а простымъ воиномъ, несшимъ наравнѣ со всѣми всѣ труды и опасности, который послѣ военныхъ тревогъ и походной усталости въ небольшіе отдыхи едва могъ иногда найти свободную минуту, чтобы собрать нужныя свѣдѣнія и записать ихъ на какомъ нибудь лоскуткѣ бумаги, изъ которыхъ не всѣ до сихъ поръ уцѣлѣли и многое уже прибавлено по памяти....

